

Тайны «Золотого человека»

**Министерство культуры и спорта
Республики Казахстан**

**Государственный историко-культурный заповедник-музей
«Иссык»**

Тайны «Золотого человека»

**Министерство культуры и спорта Республики Казахстан
Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»**

**УДК
ББК
И**

Руководитель проекта: Г.Р. Мухтарова

Исполнители проекта: А.К. Акишев, С.С. Даутова, Е.Ж. Джасыбаев,
А.О. Китова, Г.Ш. Файзулина.

Дизайнеры: М.Нокат, Д.М. Бектимиров.

Тайны «Золотого человека» / Сборник материалов. –
Алматы:....., 2015. – 239 с.

ISBN

Данный сборник издан в рамках научно-прикладного проекта «Мифология и идеология саков Семиречья». Представленный в сборнике материал вводит в научный оборот широкий круг разноплановых данных, которые позволяют приоткрыть «завесу» над «тайнами Золотого человека». Детально и достоверно восстановлены этапы истории открытия и последующего изучения царского погребения из кургана Иссык. Сборник предназначен широкому кругу читателей, интересующихся историей Казахстана.

**УДК
ББК**

ISBN

© Государственный историко-
культурный заповедник-музей
«Иссык», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.

А. Мухамедиулы, Министр культуры и спорта РК.....

К истории изучения «Золотого человека». *Г.Р. Мухтарова*.....3

Глава первая

Идеология и мифология саков Семиречья

Жетысу – сердце «страны саков». *А.К. Акишев*.....21

Кулах «Золотого человека». Семантика изобразительных элементов. *А.К. Акишев*...58

Глава вторая

История открытия «Золотого человека»: мифы и реальность

Архивные материалы об истории открытия и изучения «Золотого человека»
Е.А. Джасыбаев.....77

Воспоминания участников экспедиции – исследователей кургана Иссык

Интервью К.Акишева журналисту Г.Бендицкому.86

Путь к «Золотому воину». *Б.Нурмуханбетов, А.Загородний*..... 93

Послесловие. 45 лет спустя... *Б.Н. Нурмуханбетов*99

Интервью Т.В. Воробьевой-Трифоновой104

Интервью А.К. Акишева112

Реконструкция костюма «Золотого человека»

Интервью В.И. Садомскова журналисту С.Борисову.....128

Интервью К.Алтынбекова131

Интервью Г.З. Бакировой 139

Глава третья

Антропология «Золотого человека»

Предварительный анализ скелетных останков индивида из кургана 5
могильника Иссык *А.О. Китова*.....143

Приложения..... 156

I. Расшифровка архивных документов РГП «Ғылым ордасы».....

II. Публикации в газетах об открытии «Золотого человека».....

III. Публикации газеты «Иссык» о первооткрывателе «Золотого человека».....

IV. Фотографии из архива Б.Н. Нурмуханбетова.....

V. Рукописи из архива К.А. Акишева.....

К истории изучения «Золотого человека»

Ценность комплекса находок сакского царевича, похороненного под курганом «Иссык» состоит в том, что это замечательный исторический источник. Он бесценен не только для Казахстана, но для всего мира. Его значение возрастает именно благодаря тем научным трудам, которые ему посвящены. Контексты, которые реконструируются, благодаря ученым, расширяют и воспитывают наше сознание и в пространстве, и во времени.

С момента открытия кургана «Иссык» прошло более 45 лет. Первыми приступили к изучению комплекса находок К.А. Акишев и А.К. Акишев. Вскоре он стал объектом изучения ученых разных стран мира. Среди исследователей находок из Семиречья были и есть археологи, этнологи, искусствоведы, лингвисты, специалисты по религиям, философы, специалисты по метрографии, геологии, физики, ботаники и т.д. Теперь, пожалуй, немногие догадываются, что с тех времен существенный раздел истории Большой Центральной Азии был переписан полностью и многие «белые пятна» истории, тем самым, исчезли. Сейчас все эти факты оцениваются как некая данность, аксиома. Они почти тривиальны. Скажем, можно говорить о динамике миграций индоевропейцев в Центральной Азии и это почти ни у кого уже не вызовет раздражения. Индоиранский период стал важнейшей эпохой в истории народов Казахстана, причем говорящих на языках тюркской группы. Еще совсем недавно нам приходилось преодолевать косность мышления некоторых околонуучных любителей и бесконечно доказывать очевидное, но для

них невероятное. К счастью, подлинная наука способна излечивать историческую амнезию. Символика «Золотого человека» стала сакраментальной и вошла в государственную геральдику суверенной Республики Казахстан. Новая реконструкция костюма «Золотого человека» хранится в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, в резиденции Президента РК, в Национальном банке РК. Использование иссыкских находок в рекламе гарантирует любой фирме или скажем банку, вполне ожидаемую респектабельность. И, тем не менее, курган «Иссык» продолжает скрывать множество тайн и «сокровенных знаний». Исследование продолжается и так будет всегда. Наше отношение к истории парадоксально: полностью комплекс «Иссыка» до сих пор не опубликован ни у себя на родине, ни за рубежом. Исследование истории древних кочевников Евразии зачастую основывается только на персональной инициативе ученого.

Настоящий сборник имеет целью, хотя бы отчасти, преодолеть эту печальную несправедливость. Цель состоит в том, чтобы вновь привлечь внимание и ввести в научный оборот новые материалы по кургану Иссык.

Иссыкский могильник получил мировую известность после того, как в 1970 году Семиреченская экспедиция под руководством археолога Кималя Акишева в одном из его курганов обнаружила нетронутое сакское захоронение. В 2010 году в целях сохранения, изучения и популяризации историко-культурного наследия, в рамках Национального стратегического проекта «Мәдени мұра» («Культурное наследие») на месте археологической находки века был создан Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык». Экспозиция заповедника-музея посвящена истории и культуре саков, в том числе, истории «Золотого человека», а основными объектами являются сакские курганы.

Однако, вокруг «Золотого человека» до сих пор не утихают споры. Это связано с общими проблемами в области археологии и туризма, неугасающим интересом исследователей к сакской тематике, а также масштабом и степенью изученности «Золотого человека». Возраст, пол, социальный статус, расположение золотых украшений на одежде, предметы захороненные вместе с ним, вплоть до местнахождения костных останков, сколько неразгаданных тайн вокруг этого.

Начиная с 2011 года сотрудники заповедника-музея задались целью провести исследовательскую работу, чтобы получить ответы на многие спорные вопросы связанные с этой темой. Для начала нужно было восстановить реальную картину истории раскопок «Золотого человека», опросить свидетелей открытия. С небольшим перерывом исследование было продолжено в 2015 г. уже в рамках научно-прикладного проекта «Мифология и идеология саков Семиречья». Для этого был выявлен состав участников экспедиции, исследованы архивные материалы, изучены документальные киноленты, взяты интервью у свидетелей раскопок 1970 года.

С целью восстановления череды событий связанных с открытием и изучением «Золотого человека» была произведена видео-фиксация воспоминаний участников иссыкского отряда, обследовавшего курган Иссык. К сожалению, уже нет возможности лично побеседовать с начальником экспедиции Кималем Акишевым, автором первой реконструкции Владимиром Садомсковым. Но изучение личных архивов ученых помогло в комплектовании материала воспоминаний. В сборнике мы приводим интервью К.А. Акишева журналисту Г.Бендицкому в передаче «По Гамбургскому счету» (1998 г.) и интервью В.И. Садомскова корреспонденту «Казахстанской правды» С.Борисову (1989 г.).

Сотрудники музея Г.Файзуллина и Е.Джасыбаев встретились с начальником исыкского отряда – Б.Нурмуханбетовым; с А.Акишевым, принимавшим участие в экспедиции в качестве практиканта – студента 1-го курса КазГУ им. С.М. Кирова; художником экспедиции Т.В. Воробьевой-Трифоновой; автором третьего варианта реконструкции костюма «Золотого человека» (1999 г.) К.Алтынбековым, а также с главным хранителем Объединения музеев города Алматы Г.Бакировой, которые поделились своими воспоминаниями. Конечно, за истечением нескольких десятков лет, не может не удивить противоречивость «свидетельских показаний», но мы попытались разобраться и с этим.

Вышеупомянутые воспоминания ценны тем, что дают возможность проанализировать этапы открытия уникальной находки от начала полевых работ до их завершения, моменты, которые связаны с эпизодами дальнейшего изучения добытых в процессе раскопок артефактов. Примечательно в этом плане расхождение воспоминаний участников экспедиции в отношении, например, даты начала работ на кургане Исык. Так, К.А. Акишев отмечает, что работы на объекте были начаты осенью 1969 г., тогда как Б.Н. Нурмуханбетов и А.К. Акишев указывают на весенний сезон того же года. Необходимо отметить, что зафиксированные воспоминания в ряде случаев дополняют друг друга, и в некоторой степени раскрывают новые и неожиданные моменты в череде событий связанных с исследованием «Казахстанского Тутанхамона». Известным фактом является частичное разграбление погребальной камеры бокового захоронения кургана Исык местными жителями (мальчишками) вслед после зачистки погребальной камеры с останками юного царевича (в тот момент ими были извлечены бляшки с обуви правой ноги «Золотого человека»). А.К. Акишев, указывая на данное

обстоятельство, отмечает, что помимо бляшек были утеряны ценные составные части меча, нижняя часть которого также располагалась вблизи костных останков правой конечности. В целом, повествование А.К. Акишева насыщено сравнениями и параллелями между изучением скифо-сакского культурного комплекса степного пояса Евразии, локальной культурой Семиречья в эпоху раннежелезного века и удивительным прецедентом, открывшим миру человека в золотой одежде. По мнению ученого до исследования кургана Иссык казахстанская археология фактически ничего не знала о духовной и материальной культуре древних насельников Центральной Азии. «Золотой человек» дал ощутимый толчок в деле изучения эпохи саков и саковедения. О кургане Иссык – как о совершенно нетронутом богатом захоронении, причем не только в Казахстане, но в масштабах всей Центральной Азии и Западной Сибири повествует выдающийся казахстанский археолог К.А. Акишев. В своем рассказе ученый затрагивает тему реставрационных работ обнаруженных предметов с одежды «Золотого человека» и проблем, возникших в ходе воссоздания облика молодого сакского вождя. Итоги этих работ, были в последующем признаны многими специалистами мировой науки. История создания первой реконструкции раскрыта в интервью В.Садомскова. О методах исторических реконструкций в археологии в целом и на примере реконструкции одежды «Золотого человека» в частности, также рассказывает известный в республике художник-реставратор К.Алтынбеков. В интервью с ним отражены проблемы связанные с использованием семантики звериного стиля в украшениях сакского времени и правилах расположения нашивок, бляшек и сакральных образов на одежде представителей знати раннежелезного века. Так, описывая процесс реконструкции одежды «Золотого челове-

ка», К.Алтынбеков акцентирует внимание на головном уборе, отмечая, что, по его мнению, первая реконструкция 1970-х годов неправильно определила расположение двух пластин на передней его части, тем самым неверно раскрыв семантику смысловых образов, отражающих мифологические представления древних племен Казахстана.

Интересными являются воспоминания Т.В. Воробьевой-Трифоновой. В 1970-м году молодого специалиста, только принятого на должность художника в отдел археологии института истории АН КазССР, отправляют в составе экспедиции исследовать курган близ города Иссык. Тамара Викторовна эмоционально замечает, что эта первая в её жизни археологическая экспедиция дала начало последующей профессиональной деятельности. Из рассказа Т.В. Воробьевой-Трифоновой мы узнаем об этапах последующего изучения артефактов, обнаруженных в ходе раскопок кургана Иссык.

В частности, об организации в отделе археологии отдельно охраняемого помещения – хранилища, из него Кималь Акишевич периодически выдавал золотые бляшки с одежды древнего царевича и предметы из погребения для производства работ по их отрисовки и зарисовки. Данный иллюстративный материал в последующем будет использован на страницах известного монографического труда К.А. Акишева. Из личного архива Т.В. Воробьевой-Трифоновой были взяты цифровые копии фото-документального материала повествующие о работе иссыкского отряда.

О поводах предопределивших начало раскопок на кургане Иссык и обстоятельствах имевших место быть в процессе археологических работ ярко повествует рассказ старейшего археолога, первооткрывателя гробницы иссыкского царевича – Бекмуханбета Нурмуханбетова. В отличие от А.К. Акишева, Б.Н. Нурмуханбетов отрицает факт частичного разграбления погребения. В начале апреля 1970 г., когда была уже полностью расчищена поверхность бревенчатой усыпальницы – сруба,

в момент возвращения археолога из Алматы, в основании южной стороны погребения дети (школьники) города Иссык – палочками пытались произвести подкоп в погребение. Застав их за этим занятием, он прогнал детей отобрав у них маленькую коробочку, в которой лежали золотые бляшки с обуви захороненного. В результате данного подкопа образовалась дыра в месте расположения конечности правой ноги погребенного, из-за чего не представлялось возможным расставить кости этой ноги в анатомическом порядке. Вследствие чего они были положены рядом с расчищенным погребением, поэтому на зарисовке погребальной камеры с костными останками нет нижней части правой ноги скелета.

В целом комментируя воспоминания А.К. Акишева, Б.Н. Нурмуханбетов отмечает: «Алишер, в то время студент-практикант приехал на раскоп в составе группы Кималья Акишевича на завершающем этапе исследования кургана, поэтому «свидетельскими» следует считать только те «показания» Алишера Кималевиича, которые связаны с началом расчистки бокового захоронения кургана Иссык». Дополняя воспоминания А.К. Акишева по поводу неудавшейся киносъемки раскопа захоронения «Золотого человека» почетный археолог вспоминает: «Помню эту ситуацию, внизу в могильной яме мы расчищаем погребение, наверху вокруг толпа зевак, Кималья Акишевич поясняет происходящее, откуда-то врывается человек и буквально, нависая над нами, начинает снимать на кинокамеру. Я видел, как Кималья Акишевич подошел к нему, очевидно, просил представиться. Ответа, я не расслышал, но тон был надменным и дерзким, такого Кималья Акишевич смертным не прощал. Жалел о том, что не было съёмки Кималья Акишевич позже, но не об этом конкретном случае, а о кинофиксации в принципе. Тогда просто не было времени, да и телевидение не имело технической возможности для оперативной съёмки».

Поясняя интервью Алишера Акишева, Бекен Нурмуханбетович вспоминает, что в 1969 г. он вместе

с Айтбеком (лаборантом) жили гостинице, доме-срубe, построенном в 1915 г., ныне в нём располагается телемастерская ЧП «Гарант», по улице в прошлом Октябрьской, ныне Жаманкараева 98. В 1970 г. они уже жили в вагончике у дороги на виду у раскопа, вокруг которого был пустырь, где и разбирали украшения целно снятого из усыпальницы костяка «Золотого человека».

К.А. Акишев, вспоминая о начале работ на кургане Иссык в 1969 г., отмечает, что в Иссыке необходимо было снести три кургана, тогда как в Приказе по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР от 21 апреля 1969 года речь идёт о двух курганах. Б.Н. Нурмуханбетов документально подтверждает, что курганов было три: «Второй из упомянутых К.А. Акишевым курганов (1-й был курган Иссык) располагался в 350-400 м. восточнее первого, на территории ПМК 704 (ныне Есикский профессионально-технический колледж, улица Талгарская 1, угол улицы Сейфулина). Охранные археологические работы здесь были начаты в начале 1971 (см. Приказ № 7, § 4 от 25 января 1971 г., Приказ № 17, § 1 от 17 февраля 1971 г.) продолжила его исследование А.Г. Максимова (см. Отчет о раскопках у села Иссык // Архив заповедника-музея «Иссык»; также: А.Г. Максимова. Еще один курган могильника Иссык // Археологические памятники Казахстана. А-Ата, 1978 г.). Третий курган находился между первым и вторым (южнее), напротив здания филиала ГУ «Казселезащита», улица Астана 1, разрозненные остатки его насыпи были расчищены в 2005 г. (см. Б.Нурмуханбетов, С.Момын, А.Онгар, А.Чотбаев, Г.Киясбек. Таукелі құдурет. Есик, 2005 г. // Архив заповедника-музея «Иссык»).

К вопросу о появлении названия «Золотой человек», дополняя интервью Т.В. Воробьевой-Трифоновой, Бекмуханбет Нурмуханбетов замечает: «Насколько я помню в СМИ название «Золотой человек» появилось

впервые в статье Мырзабека Дюсенова «Алтын киімді адам» (Қазақ әдебиеті, № 37 (1023), 11 сентября 1970 г.). О том, что в течение 1971 года такое название продолжало бытовать свидетельствует отчет А.Г. Максимовой, где она пишет: «Самые близкие аналогии этим сосудам мы встречаем в Иссыкском кургане с погребением человека в золотой одежде» (см.: А.Г. Максимова Еще один курган могильника Иссык // Археологические памятники Казахстана. А-Ата, 1978 г.).

Б.Н. Нурмуханбетов в настоящее время является единственным свидетелем и участником сенсационного открытия, поскольку остальные опрошенные нами лица присоединились к «открытию века» чуть позже.

В процессе исследования и написания настоящего сборника загадочным моментом в истории обнаружения и последующего изучения «Золотого человека» явилось отсутствие какой-либо полевой документации (планов, разрезов погребальной камеры, фотографий или негативов с них рабочих моментов раскопок и фиксаций уровней разборки погребения кургана Иссык). Поэтому сотрудниками музея была проведена поисковая работа в личных и ведомственных архивах. И хотя указанных материалов обнаружить все же не удалось, были обнаружены не менее ценные архивные документы и фотографии.

Архивные материалы восполняют пробелы и неточности, зафиксированные в интервью участников иссыкской экспедиции, создавая более реальную событийную картину того времени. К примеру, сотрудники экспедиции, исследовавшие курган Иссык путаются в дате начала археологических работ на объекте. Найденные в фондах архива приказы дирекции Института истории, археологии и этнографии за 1969–70 гг. точно определяют дату начала и окончания исследований. Кроме того, они четко описывают

состав экспедиции, что с одной стороны подтверждает воспоминания участников, с другой опровергает их. Так, в повествовании Б.Н. Нурмуханбетова единственной неточностью является описание состава командированной с ним экспедиции в апреле 1969 года. Он упоминает лишь лаборанта Айтбека Амандыкова. Однако согласно приказу дирекции Института истории, археологии, этнографии от 21 апреля, на археологические работы в Иссык были командированы младший научный сотрудник отдела археологии Б.Нурмуханбетов, инженер-фотограф О.В. Медведев и художник П.Сон сроком на 10 дней. Присутствие в составе экспедиции художника П.Сон подтверждает рассказ Т.В. Воробьевой-Трифоновой, которая правильно определяет срок начала своей работы в отделе археологии. В 1969 году П.Сон являлся единственным штатным художником в отделе, на следующий год он уволился, а на его место пришла Тамара Викторовна. Отдельные детали рассказа также подтверждаются архивными данными, действительно в реальности существовало упоминаемое ею особое помещение – хранилище, созданное в отделе археологии для хранения золотых украшений из кургана Иссык. Доступ, в который был строго ограничен, для чего специально была введена пропускная система.

Алишером Акишевым был передан в фонды заповедника-музея «Иссык» личный архив профессора К.А. Акишева. Среди материалов архива фотографии отрисовок ряда предметов из кургана Иссык, (оригиналы отрисовок найти не удалось), фотографии погребальной камеры, артефактов обнаруженных вместе с «Золотым человеком», часть из которых в последующем была использована в качестве иллюстраций к книге «Курган Иссык». Переданный в фонды заповедника-музея рукописный материал включает в себя:

черновые записи к написанию упомянутой монографии, записанные от руки автора; таблицы, чертежи, зарисовки отдельных предметов и наброски к их реконструкции, также сделанные рукой автора. Помимо этого – газетные статьи, посвященные событиям, связанным с сенсационным открытием и последующим изучением материалов кургана Иссык.

В личном архиве археолога Б.Н. Нурмуханбетова удалось найти негативы фотографий посвященных процессу проводимых археологических работ на кургане Иссык – фото участников экспедиции 1969 г. на фоне кургана Иссык, рабочие моменты по расчистке погребальной камеры полевого сезона 1970 года.

В фондах Архива кино-фото документов Республики Казахстан удалось выявить и оцифровать документальный фильм «Серебряные письма золотого воина» в 2-х частях, снятый киностудией Казахфильм в 1978 году. В фильме проводятся параллели изобразительного ряда с одежды «Золотого человека» с семантикой «звериного стиля» скифо-сакского ареала обитания, акцентируется внимание на проблеме дешифровки надписи иссыкской серебряной чаши.

В сборнике приведены отдельные газетные публикации времени открытия «Золотого человека» и несколько статей районной газеты «Иссык» более позднего периода. Принимая во внимание популярный, новостной стиль такого рода публикаций, не всегда их можно рассматривать в качестве достоверного исторического источника. К примеру, в статье «О чем поведал саркофаг» (1970 г.) журналист образно описывает, как «на глубине восьми метров лопатка вдруг уперлась во что-то твердое», не уточняя – восемь метров от первоначальной высоты кургана или от древней дневной поверхности. В то время как центральное и боковое (южное)

захоронения находились на глубине 1,2 м от уровня древнего горизонта (К.А. Акишев. Курган Иссык. Москва, 1978, с.15). В статьях «Тайны иссыкского кургана» и «О чем поведал курган» (1970 г.) приводится фраза «шаровары из истлевшей тонкой ткани», тогда как известно, что органики в захоронении обнаружено не было, не считая очень мелких фрагментов кожи. В рубрике «Поиски, находки» газеты «Комсомольской правды» написано, что кафтан, штаны и сапоги были «отделаны бисером и фигурными бляхами», на самом деле бисера в украшении костюма «Золотого человека» не было.

Публикации газеты «Иссык» о первооткрывателе «Золотого человека» также могут рассматриваться лишь как свидетельство интереса к открытию, предтечей нашего исследования.

В перечне архивных документов относящихся к теме исследования, а это 77 архивных листов за период с 1969 по 1980 гг., можно выделить один интереснейший документ, датируемый 16 марта 1972 года. Речь идет о протоколе заседания отдела археологии, на котором был заслушан доклад руководителя отдела К.Акишева по теме предварительных итогов результатов исследования кургана Иссык. Выше мы отмечали наличие круга неразгаданных тайн и легенд, связанных с темой «Золотого человека», одна из которых сформировалась вокруг костных останков «человека в золотой одежде». Как ни парадоксально это звучит, но с момента открытия сенсационной находки до сегодняшнего дня не произведен антропологический анализ посткраниального скелета «Золотого человека», что порождает вымыслы о половой принадлежности погребенного. Хотя на момент обнаружения были даны устные характеристики, определяющие захоронение как мужское. На этот факт указывает и сам К.Акишев в упомянутом нами протоколе.

В любом случае, какие бы весомые подтверждения не содержались в архивных материалах в пользу мужской принадлежности захоронения из кургана Иссык, окончательный ответ на вопрос

о половой его принадлежности может только изучение биологического материала «Золотого человека». В результате исследовательской работы сотрудниками музея были найдены останки «Золотого человека» (считавшиеся ранее утерянными). К сожалению, среди костных останков не было черепа. Судя по первым фотографиям и воспоминаниям очевидцев, на момент раскопок череп был уже поврежден, но даже в таком состоянии он мог бы раскрыть множество тайн. А пока исчезновение самого черепа остается ещё одной загадкой, требующей разрешения.

Попытки провести антропологическое исследование посткраниального скелета и получить ответы на многие интересующие вопросы побудило сотрудников заповедника-музея обратиться за помощью к известным отечественным и зарубежным антропологам.

В мае 2015 года в заповедник-музей «Иссык» с целью предварительного осмотра состояния костных останков «Золотого человека» были приглашены казахстанские антропологи академик О.Исмагулов и А.Исмагулова. Учеными был определен состав скелета. В целом сохранность костей

была оценена как умеренная или плохая. Первоначальный визуальный осмотр позволил им определить возраст (около 17–20 лет) и пол – мужской. Антропологи подтвердили мнение сотрудников о необходимости проведения полного антропологического исследования с измерениями и описанием индивидуальных и типологических особенностей. «Необходимо, сопоставление состава и состояния костей с фотографиями, сделанными

во время раскопок. В перспективе после подробных антропологических и палеонтологических исследований, необходимо провести молекулярно-генетические исследования из костей ядерной ДНК и определением Y-хромосомы (для уточнения половой принадлежности), а также радиоуглеродного датирования костных останков. Впоследствии возможно сопоставление результатов всех исследований и анализов с синхронными остеологическими материалами из рассматриваемого и других регионов и памятников», – написали в заключении антропологи.

Венгерский ученый Андраш Биро посетил заповедник-музей «Иссык» месяц спустя, в июне 2015 г. Известного антрополога, сотрудника фонда «Венгрия–Туран» привели в музей интерес к сакской культуре, а также желание ознакомиться с его фондами и экспозицией. Осмотрев посткраниальный скелет «Золотого человека», ученый отметил, что предположительно это скелет еще несформировавшегося

молодого человека. По плечевым и бедренным костям он сделал заключение, что они принадлежат юноше в возрасте 16–18 лет. Тонкие кости рук указывают на его аристократическое

происхождение, что и давало, по его мнению, повод отдельным очевидцам и исследователям говорить о женской принадлежности останков. Также как и его казахстанские коллеги Андраш Биро отметил необходимость полноценного антропологического изучения костных останков «Золотого человека», выразив готовность принять участие в этих исследованиях.

Этим же летом нам удалось через давних партнеров и друзей заповедника-музея режиссера и сценариста Армана Нурмуханбетова и руководителя Shejire DNA project Нурбола Баймуханова связаться с Музеем естественной истории Дании Центра Геогенетики университета Копенгагена. В результате переговоров был заключен договор о сотрудничестве между заповедником-музеем и Центром. С датской стороны договор был подписан профессором Eske Willerslev и доцентом Morten Allentoft. В августе молодой специалист Центра Геогенетики Peter Damgaard в качестве материала для научного исследования (DNA genoma) останков «Золотого человека» увез с собой небольшой образец фаланги пальца. В ноябре 2015 г. Peter сообщил следующее: «Я только что получил данные по Золотому человеку. К сожалению, я должен Вам

сказать, что невозможно секвенировать (прочитать последовательности ДНК) весь геном от этого индивидуума: содержание ДНК человека в экстракте из фаланги – 0,33%. Для того, чтобы получить какую-то полезную информацию, необходимо наличие большого количества ДНК в экстракте из фаланги (которого там нет), для исследования 1 генома потребуется

использовать около 30 ячеек Illumina HiSeq (это прибор – высокоразрешающий генетический анализатор), что будет стоить около 270 000 евро. Этот образец по качеству не соответствует полно-геномному секвенированию. При этом, как было сказано, по характеру повреждений (распределению длин фрагментов ДНК и концевым повреждениям) человеческой ДНК, составляющей – 0,33% в экстракте, эта ДНК действительно выглядит как аутентичная древняя ДНК. Это значит, что при достаточной финансовой поддержке можно будет секвенировать эту ДНК, и определить ее сходство с другими популяциями мира. Как я рекомендовал, это должно быть частью большого этногенетического проекта по Центральной Азии».

К исследованиям останков в рамках реализации научно-прикладного проекта «Идеология и мифология саков Семиречья» мы привлекли российских коллег. Во время посещения заповедника-музея в апреле 2014 года

научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН антрополог Е.П. Китов оставил небольшой отзыв: «Замечательный музей! Признаюсь, были сомнения в принадлежности скелета «Золотому человеку». Убедили! Очень похоже на правду. Сомнения в поле индивида остались (но тема спекулятивная в связи с возрастом индивида). Необходимы анализы». Позже, когда началась работа над проектом, мы попросили ученого о содействии в исследовании материала, а именно, о проведении исследования по идентификации костных останков находящихся в фондах со скелетом, зафиксированным на фотографиях во время раскопок 1970 года. Вопрос решился положительно. Результаты изучения костных останков изложены в настоящем сборнике в статье А.О. Китовой. На основании совпадения сохранности и индивидуальных особенностей, представленных на исследование костей с фотографиями и прорисовкой погребения, автор сделала вывод, что «скелет принадлежит индивиду из кургана 5 могильника Исык, или так называемому «Золотому человеку».

Начало положено, очень надеемся, что у нас получится изыскать средства на полноценное антропологическое исследование и получить ответы на многие вопросы, связанные с «Золотым человеком», после чего мы сможем провести ритуал перезахоронения и придать его земле. В настоящее время костные останки экспонируются в зале заповедника-музея, посвященного истории открытия и исследования «Золотого человека».

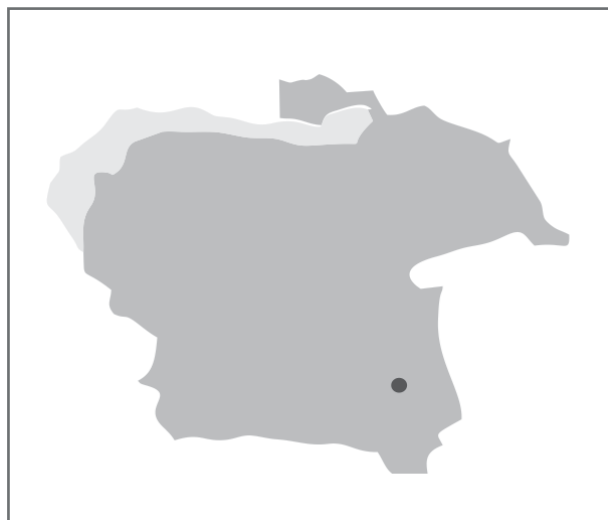
Собранный и исследованный нами материал вводит в научный оборот новые данные более детального и достоверного восстановления этапов истории открытия и последующего изучения царского погребения из кургана Исык. В отдельных случаях указанный анализ по новому

восстанавливает и интерпретирует череду исследовательских работ как на кургане Иссык, так и после сенсационного открытия. Собранный в процессе исследования комплекс фото-документального материала весомо пополнил фонд нашего музея. На основе материалов создана музейная выставка. Таким образом, заповедник-музей «Иссык» стал мостом, соединяющим «берега» науки и её популярной презентации.

Мы очень надеемся, что не разочаруем своих читателей, и сборник приоткроет завесу над «тайнами Золотого человека», вызовет интерес к более глубокому изучению сакского периода нашей истории.

Глава 1

Идеология и мифология саков Семиречья

А.К. Акишев

Жетысу – сердце «страны саков»

Начало I тысячелетия до н.э. в Казахстане ознаменовалось сложением блестящей культуры ранних кочевников, входивших в обширный ареал племен, которые в скифологии называют обобщающим именем «саки» (1).

Слово «сак», как полагает сэр Г.Бейли (2) означает «могучий» или «умелый», по другой версии это имя первоначально означало «ветвь» (позднее эфеменистически – «олень»). Есть и иное мнение, согласно которому имя «сака» выводится из иранского sak – «идти, бежать». То есть Saka «бегущий, быстрый, подвижный, кочевник» (3). Быть может, так называли какую-то группу племен, отколовшихся от массива праскифов, вероятно, носителей хотано-сакского языка или других восточно-иранских языков, находившихся друг с другом в состоянии диалектного родства.

«Саки», весьма вероятно, было самоназванием. Так, по всей видимости, называли себя многочисленные племена, жившие на территориях нынешнего Казахстана (Жетысу), Центральной Азии (Памир, Фергана и Хорезм) (4), Восточного Туркестана и Афганистана в период между VIII веком до н.э. и первыми веками нашей эры. Несомненно, что и древние кочевники Северного и Восточного Казахстана, Южной Сибири и Монголии (5) также входили в ареал сакских культур.

Хотя, как выяснилось, некоторые племена саков были земледельцами и имели представления об архитектуре и урбанизме, бо́льшая их часть, занимаясь разведением лошадей и овец, жила в основном пастушеской жизнью. В ходе перемещений саки входили в контакт с племенами Южной Сибири и Центральной Азии, образ жизни и культура которых были в значительной мере схожи с культурой и образом жизни саков: с сарматами Южного Приуралья и оседлыми племенами Восточного Туркестана, с народами Средней и Передней Азии (бактрийцами, согдийцами, хорезмийцами, парфянами и персами).

Различные этнические группы саков, жившие в Великом поясе евразийских степей, говорили на скифских языках (североиранской или восточноиранской группы), большинство которых в Восточном Туркестане и Средней Азии были впоследствии тюркизированы и исчезли и к которым из ныне живых языков относятся осетинский (6) и ваханский языки (7). Они выработали некоторые схожие экономические и культурные характеристики, которые проявляются в археологическом материале. Определение сакского «этноса» основано на элементах так называемой «скифской триады»: боевое снаряжение, упряжь и искусство «звериного стиля».

Саки были наследниками культуры бронзового века, они жили в Северном, Центральном и Южном Казахстане. Это были земли, откуда произошли индоиранские и иранские народы. Отсюда тремя волнами арии распространились по континенту в трёх разных направлениях. Происхождение саков было, однако, процессом сложным, в нем определённую роль сыграли племена Малой Азии. Известно, что некоторые из саков обосновались в Мидии в VII веке до н.э. Это «киммерийцы» вавилонских источников. В ахеменидских надписях упоминаются три группы саков, соответствующие трём конфедерациям: саки-тиграхауда (*sakā tigrakhauda*), саки-хаомаварга (*sakā haumavargā*) и саки-парадарайя (*sakā tayaiy taradrajā*). В надписях Дария I упоминаются *saka tayaiy para Sugdam* (саки которые за Согдом), *gandara saka maka* (Гандхара, Сака, Мака); в надписи Ксеркса *daha saka* (дахи, саки). Геродот 7.64 сообщает, что персы называют всех скифов (Σκύθαι) Σάκαι и его повторяют Плиний и Катулл. На римской карте *Tabula Peutingeriana* к северо-западу от Кашгара имеется *Saga*. Китайские источники упоминают царство *Sək* и сообщают об их широком распространении к северу от реки *Śītā* (Тарим) до Бактрии.

На Иранском плато саки появились в I тысячелетии до н.э. Регион их расселения в древнеперсидском называется *Zranka* и эта область известна сейчас как *Sakastan* или Систан (8).

В послеахеменидский период этот этноним так же был широко распространен. У Исидора Харакеноса (время императора Августа)

встречается Σακαστανη. В надписи сасанида Шапура skstn, «страна саков». В VI веке н.э. у Агафия встречается Σελεστανη. В Индии на Львиной капители в Матхуре: Sakastana. В джайнском пракрите – Saka и Saga, в индуистском санскрите: Śaka (9), Śakasthānam. Сакастан упоминается так же в зороастрийском пехлеви, в среднеиранском языке Турфана, в согдийском христианском, сирийском, армянском, новоперсидском и арабском языках (10). В документах на хотано-сакском так же имеются подобные имена, например, Sakām и Sakāna Sanira, «сакский».

Местность с именем Сака упоминается в районе Аксу, древнее название Яркенда было Сака, в китайской транскрипции so-kú. В греческом в «Географии» Птолема – σαγα.

В буддийской традиции на хотано-сакском языке встречаем śśakauna yavana palvala «Саки, Яваны (греки), Пахлавы (парфяне)». В Махабхарате (V 196.7) gāndhāra-rājah śakuniḥ, «саки цари Гандхары». В древне-индийских источниках в перечне народов Uttarāpatha ‘северных земель’ имя сака встречается вместе с именем Kāmboja: śaka-kekaya-vokkāṇa-hūṇa-vāṇayuja-kāmboja-vāhlika-vahlava-limpāka ‘саки-кекайя-ваханцы-хуны-камбоджи-бактрийцы-пахлавы-ламганцы’ (11). В Махабхарате III.188.34. ff. :

... *Viraparīte tadā loke pūrvarūpam ksayasya tat
Vahavo mleccharājānah prthiviyam manudjādhipa
Mrsanuśāsinah pāpā mṛsāvādaparāyanāh
Andhrāh Saka Pulindāśca Yavanāśca narādhipāh
Kāmbojā Bahlikāh Sūrāstathā’ bhīrā narrotama*

В этот темный период (Кали-юга – АА) людей покинет добродетель, они обратятся к злым нравам и земля перейдет во владение Андхров, Саков, Пулиндов, Яванов, Камбоджей, Бахликов (бактрийцев), Суров и Абхиров, чья власть будет несправедлива и лишена правды.

Латинские источники среди племен оккупировавших Бактрию называют Sacaraucae (сакарауки), в греческом искажении Σακαραυλος, Σακαυρακοι (сакаравки) (12). Термин совпадает с китайским Sək-uang, позднее Sai-wang, «саки цари». Этот этноним

является транскрипцией хотано-сакского слова *ruka, rauka*, «правитель», т.е. «саки-цари» или «царские саки» (13). Наконец, этноним саки идентифицирован с *śk* древнего Египта (14).

Этимология имени *sakā tigrakhauda* хорошо известна, её можно перевести как «саки в остроконечных шапках». Что касается значения «саки-хаомаварга» (*sakā haumavargā*), то тут мнения учёных расходятся. Одни утверждают, что речь идёт о «саках, превращающихся в волков» посредством потребления «хаомы». Другие же считают, что «хаомаварга» («*haumavargā*») означает «приготавливающие хаому». Напомним, что «хаома» – растение, оказывающее наркотическое действие, *Cannabis sativa* или мухомор. Выражение «*sakā tayaiu taradrajā*» обозначает «саки, живущие за рекой». Есть мнение, что это европейские скифы. Древние авторы называли саков «азиатскими скифами».

Геродот 7.64 и вслед за ним Плиний 6,50 сообщают, что персы называют всех скифов *Zakai* (саками). Перечисляя различные племена саков, Геродот, упоминает племя «ортокарибантиев» (*orthocurbantae*), которые, похоже, соответствуют сакам-тиграхауда или массагетам. Он также пишет об амюргиях, которые, по всей видимости, были саками-хаомаварга. Некоторые считают, что персидское имя *Saka* относится к скифам Причерноморья. В V веке до н.э. саки «в остроконечных шапках» и массагеты населяли низовья Сырдарьи, южные районы Казахстана и Жетысу (юго-восток нынешнего Казахстана). Персы называли одну группу саков «саки которые за Согдом» («парикании» у древних авторов). Их соседями были саки-хаомаварга, жившие вблизи гор Памир-Алая и в Ферганской долине.

Иранцы называли страну саков Сакастан, а индийцы Сакадвипа – «страна саков».

Древние китайские летописи называют саков Жетысу «сэ» (*ses, sai*) в древнем написании сэк, саки. В тех же источниках указывается, что под давлением юэчжей – термин в древности транскрибировался как сагуда, согды, скифы – вождь саков (сэк-ван) и их царский род были оттеснены в Гибинь (северо-

восточную Индию), за Памир (15). Об эпохе саков говорят и индийские источники. В «Махабхарате» рассказывается о том, как саки, жившие в Сакадвипе, проникли на территорию Афганистана и в Центральную Индию, захватили Таксилу, столицу государства Гандхара, и в 85 году до н.э. установили свою власть в этом регионе. Саки и юэчжи атаковали греко-бактрийцев, индо-греков и парфян с нескольких сторон.

Саки сыграли весьма значительную роль в основании империи Великих Кушанов, которая возникла в начале нашей эры на территории нынешнего Афганистана, Индии и в Центральной Азии. Они прошли через высокогорные перевалы и спустились к Герату, направившись затем в аршакидский Иран. Несколько групп саков основали династию в царстве Адиабена (со столицей Киркук – с 128–125 годов до н.э. и вплоть до начала нашей эры), а затем обосновались в Арахозии, управляемой в то время царём Митридатом II. В названии провинции Систан (ранее – Сакастан) сохранилось название саков. Из Арахозии, пройдя через Боланский перевал, саки продвинулись дальше, к Индии, где создали недолговечную империю, простиравшуюся вплоть до ворот Дели и Бомбея и сакские республики в Раджастане.

Саки были превосходными воинами, их родоплеменная организация составляла отличную основу для кавалерии. «Цивилизованный» мир знал их как превосходных всадников, их лошади славились своей выносливостью. Саки усовершенствовали немалое количество деталей конской упряжи. Это не удивительно, разведение лошадей и верховая езда в Казахстане известны с энеолита. Среди саков были пешие воины, лучники-наездники, а также катафрактары – всадники, сражавшиеся в доспехах и вооружённые копьями и длинными мечами. Последняя категория воинов относилась к сакской элите.

Военное искусство саков чрезвычайно почиталось их современниками. В армии Александра Македонского были отряды всадников саков, а его легионеры потерпели серьёзное поражение в битве с саками, произошедшей неподалёку от реки Яксарт –

Сырдарьи. Известно также, что персидский царь Кир II Великий был убит в битве с массагетами.

В письменных источниках почти отсутствуют этнические характеристики саков. Из «Анабазиса Александра» Флавия Арриана (16) известно, что самые высокие воины Александра Македонского ростом двадоставаляли плечасакских воинов. В китайских источниках, описывающих северные и западные племена (саков (сэ), юэчжей, усуней, тю-цзюэ (древних тюрков), гуннов (сюнну) и др., говорится о зеленоглазых саках или о саках с глазами «цвета лазурита», рыжих и краснолицых. По антропологическим материалам и найденным художественным изображениям, антропологи предположили, что саки представляли собой гетерогенную группу. Так, например, рельефные изображения воинов саков-тиграхауда на лестнице, ведущей в ападану – зал приемов дворца Персеполиса, во многом похожи на современных казахов и киргизов. На изображениях воинов можно разглядеть узкие брюки, заправленные в высокие сапоги и застёгнутые куртки с кинжалом на ремне. Высокие шапки саков напоминают казахский свадебный головной убор «саукеле». Вождь саков, чьи останки были найдены в кургане Иссык в Жетысу, был захоронен в похожем одеянии, украшенном ритуальными символами. Несмотря на то, что умерший человек относился к европеоидному антропологическому типу, у него присутствовали и монголоидные черты, появившиеся в результате смешения народов из Центральной Азии (16а). Большинство черепов саков, найденных в захоронении Жетысу, имеют сходные признаки. У саков Памира преобладал так называемый «памиро-ферганский» антропологический тип. Саки-хаомаварга походили на нынешних афганцев, а их одежда напоминала бактрийскую.

С лингвистической точки зрения саки относились к индоевропейской семье языков, а конкретно к североиранским, «скифским» языкам, из которых в настоящее время сохранились только осетинский, ваханский и ягнобский (связанный с согдийским) языки (17). Имена саков, упоминающиеся в письменных источниках, в основном североиранского происхождения. Хотано-

сакский язык, известный по буддистским текстам, найденным во время раскопок в Восточном Туркестане, отделился от иранских языков к VIII веку до н.э. Прочие сакские языки, известные по находкам письменных памятников в Восточном Туркестане, Жетысу (иссыкское письмо), в Средней Азии и Афганистане (Дашт-и Навурская трилингва) находились в состоянии диалектного родства. Не исключено, что некоторые из племён, которых их соседи считали саками, говорили на тохарских языках (не иранских), принадлежавших к индоевропейским языкам группы кентум (18).

Языковая принадлежность саков, к сожалению, ещё не полностью изучена, однако некоторые документы, недавно найденные в ходе раскопок, позволяют получить дополнительные сведения.

Так серебряная чаша, найденная, в 1970 году в знаменитом сакском захоронении царя-жреца в Исыкском могильнике, содержит надпись, составленную на неизвестном языке (19). Позже выяснилось, что надпись либо алфавитного, либо силлабического характера. Российский лингвист В.А. Лившиц выяснил, что некоторые знаки, присутствующие на чаше, встречаются и среди других археологических находках, сделанных в Центральной Азии, например, на тувинских берестяных надписях, найденных в Туве А.М. Мандельштамом. Самая интересная с этой точки зрения находка была сделана в 1967 году французским геологом М.А. Бутьером, нашедшим в 80 км от Газни, на плато Дашт-и Навур, камень с тремя высеченными на нём надписями, восходящими к эпохе Великих Кушанов: одна из них была сделана на греко-бактрийском языке, вторая на «неизвестном языке» и третья – на кхароштли. Никто не представлял как определить народ, сделавший надпись на «неизвестном языке». Предполагая, что это текст на видоизменённой форме кхароштли, французский учёный Жерард Фюссман попытался расшифровать надпись, но, к сожалению, безуспешно (20).

Речь здесь идёт о надписи, сделанной саками. Надпись из Дашт-и Навура это трилингва. В двух текстах, составленных

на греко-бактрийском и на кхароштли, уже расшифрованных, упоминаются походы кушанского царя Вимы Такто – деда кушанского династа Канишки против народа сайна и установление им алтаря бога Митры. Третья надпись «неизвестным письмом» самая большая. Как выяснилось позднее, она содержит текст на одном из сакских языков, на котором говорили Великие Юечжи – создатели Кушанской империи (21). Следовательно (и это является важным достижением для понимания истории Азии), письменность саков была официальной в империи Великих Кушанов.

Судя по иранским источникам, в которых земли саков определяются как Сакастан, регионы расселения этих племён охватывали территорию, соответствующую юго-восточному Ирану, Центральной Азии и нынешнему Афганистану. Индуистские источники называют район первоначального расселения саков «страной саков» – Сакадвипа.

Так где же именно находилась эта знаменитая «страна саков», частично опустевшая в результате Великого переселения народов? Геродот предоставляет нам интересную информацию: когда Дарий направил свои войска против саков-тиграхауда, ему пришлось столкнуться с сакскими передовыми отрядами в месте, расположенном в удалении от изначального региона проживания саков. Используя излюбленную воинами-наездниками тактику, саки неожиданно атаковали врага. Теряя солдат, разгневанный, Дарий отправил вождю саков своих посланников, обращаясь к ним с предложением сразиться в открытом бою. «Пусть персы найдут и уничтожат могилы наших предков, и тогда они узнают, как саки умеют сражаться», – таков был ответ саков.

В любом древнем обществе народ олицетворялся с образом вождя. Саки не составляли в этом исключение, сердце «страны саков» находилось там, где были похоронены их предки. Вне всякого сомнения, что в V–I веках до н.э. территория Жетысу, как ни одно другое место, подходило под это определение. И действительно, нигде больше, будь то в Центральной Азии, в Казахстане или в Южной Сибири, не было найдено захоронений

саков столь внушительных размеров. Некоторые из них достигают высоты 16 или 18 метров и диаметра в 100 и 150 метров. Они расположены в предгорьях Тянь-Шаня, в долинах вдоль берегов рек. Могильники сгруппированы и нередко представляют собой комплекс из нескольких десятков курганов. По составу могильники подразделяются в зависимости от времени сооружения, по размерам и в зависимости от проходивших в них ритуальных церемоний.

Могильники вождей племенных конфедераций, вождей племён и знатных воинов явно отличны от остальных захоронений, а разница в размере могильных сооружений указывала на существовавшую в сакской элите иерархию. Неподальёку от больших курганов были обнаружены места для жертвенных церемоний, следы огня, поминальных трапез, подземные ходы, кромлехи и специально отгороженные ритуальные зоны.

В некоторых случаях были зафиксированы остатки храмов связанных с культом огня. Очевидно, именно там помещались великолепные бронзовые и железные котлы-триподы, алтари и столы для жертвоприношений, курильницы для благовоний, котлы, ступки и песты, использовавшиеся во время ритулов. Все эти предметы сделаны с большим искусством, их декор относится к «скифо-сибирскому звериному стилю». К постройке царских гробниц привлекалось значительное количество работников, а строительство длилось порой довольно долго. Так, было подсчитано, что одному рабочему понадобилось бы 4000 дней на постройку иссыкской гробницы, в которой был похоронен царь (ябгу), правивший саками в IV–III веках до н.э. На возведение усыпальницы Бес-Шатыр в долине Или у того же рабочего ушло бы в десять раз больше времени.

Вождей саки хоронили в деревянных саркофагах, сделанных из тянь-шаньской ели, или в каменных склепах. Рядовых воинов с оружием хоронили в каменных цистах или в земляных могилах под невысокими курганами. Пастухов, ремесленников и земледельцев хоронили в простых могилах без оружия и с бедным погребальным инвентарем.

У саков существовали также оседлые поселения, жители которых были земледельцами или торговцами. Украшения, обнаруженные в богатых курганах, были в большинстве своём сделаны оседлыми саками.

Судя по находящимся в нашем распоряжении источникам, воины, из среды которых выбирались вожди, представляли собой правящий класс. В сакских империях Индии существовала система наследования по женской линии, как это происходило в царстве Элам. Власть передавалась сыну сестры царя, а самым влиятельным человеком в государстве после самого царя был тот, кого называли «братом царя» (то есть, шурин и отец наследника), обладавший правом чеканить свою собственную монету. Несмотря на разграничения между светской и религиозной властью, вождь был ещё и жрецом. Судя по некоторым сведениям у наследников одного из племен сакского круга Больших юечжей кушанов и у усуней существовал институт двойного царствования. У усуней – большой и малый гуньмо.

Существовало сословие жрецов, которые обслуживали храмы огня и некрополи предков.

Геродот рассказывает, что саки, как и многие другие индо-иранские народы, использовали наркотические средства во время религиозных церемоний. В курганах Пазырык (Алтай) и в одном из курганов Талгарского могильника в Жетысу были обнаружены курильницы, в которых находилась конопля.

Точно установлено, что саки создавали конфедерации племён, возглавляемые царём, которых выбирали из сословия воинов-всадников. Ассимиляция в этих структурах, по примеру империи Великих кушанов, происходила легко.

Таким образом, общество саков имело структурные характеристики первых классовых обществ, возникших в древнем мире, и по своим признакам походило на авестийское общество.

Сегодня считается, что конфедерации саков, по-видимому, были государственными организациями и их можно сравнивать с древними восточными монархиями со своей идеологией, системами

администрирования и контроля.

Идеология саков опирается на дошедшие до нас архаичные индо-иранские мифы, в числе прочих – на «Ригведу» и «Авесту», или же зороастрийскую литературу позднего периода. Сакское влияние прослеживается в структуре некоторых стихов «Авесты», в центральноазиатском эпосе (в частности, в эпической поэме «Шахнаме» и в поэме о Рустаме), в некоторых легендах тюркских народов и в топонимике Центральной Азии. Бог Солнца, очень схожий с Митрой «Авесты», занимал, вероятно, центральное место в сакской мифологии. Царь саков давал клятву Солнцу, он считался его представителем и даже воплощением Митры на земле. Персонифицированный центр мира, объединитель и отец всех социальных классов, вождь был одновременно и верховным жрецом. Хоронили вождя все его подчинённые. Лучшие экземпляры сакской культуры, символы всех страт общества, находят именно в царских усыпальницах. О скрытых в царских могильниках богатствах знали и враги саков. Многие погребения вождей саков были неоднократно разграблены во время вторжения в Жетысу юэчжей, усуней, сюнну и др. народов. Некоторые были ограблены в XIX веке.

Иссыкский курган, исследованный в 1969–1970 годах археологами Академии наук Казахстана, является в этом смысле исключением.

Усыпальница, обнаруженная под курганом, оказалась нетронутой грабителями. В ней находились останки одного из вождей (ябгу) сакской конфедерации. Курган был возведен на рубеже IV и III веков до н.э. Как по своим размерам, так и по своему строению эта усыпальница, в отличие от других царских курганов могильника, не представляла собой ничего особенного.

Чем пышнее был ритуал, тем он был убедительнее, и общество саков, в то время ещё находившееся в апогее своей мощи, не скупилось на восхваление своих вождей и прокламацию их сакральных свойств. Многие предметы, обнаруженные в Иссыкском кургане, были очень дорогими и, по всей видимости,

не использовались в быту. Другие же предметы были покрыты всего лишь тонким слоем золота.

По расположению останков найденного под Иссыкским курганом покойного можно судить о том, что тело было положено на спину, головой на запад в левой части погребальной камеры. Справа от останков находились предметы ритуального характера: подносы, блюда различной формы и размера, черпаки, чаши, миски и кувшины, сделанные из различных материалов (дерева, керамики, бронзы). На одной из чаш была обнаружена выгравированная надпись.

Вместе с погребенным был положен его меч и кинжал в инкрустированных золотом ножнах. Конец ножен меча был привязан к ноге, с тем чтобы оружие не било по ноге при ходьбе. У левой руки умершего находилась украшенная золотом кожаная сумочка с зеркалом из позолоченной бронзы и с краской для ритуальной косметики. На шее он носил золотую гривну с изображениями тигриных голов – символ власти. На на одном из его золотых перстней был изображён солярный бог Митра. Структура декоративных элементов костюма связывалась с представлениями саков об идеальной организации Космоса.

Церемониальное одеяние умершего (так называемого «Золотого человека») состояло из кожаной куртки, украшенной тысячами золотых пластин, узких брюк и высоких сапог. Он носил головной убор – высокий остроконечный колпак с наушниками. Это была одежда всадника. Напомним, что вожди саков выбирались из воинов – всадников. Его куртка была, возможно, имитацией катафракты – металлического оборонительного доспеха рыцаря. Красный и золотой цвет одежды символизировали в глазах индо-иранских народов сословие воинов, ассоциировавшееся с Солнцем. Защитная ценность этих золотых доспехов заключалась не в прочности золота, а в его символической мощи, магической силе солнечного металла.

Головной убор, надевавшийся лишь во время празднеств и ритуальных церемоний, был украшен загадочными узорами,

расположенными в вертикальном порядке и разделёнными на три яруса. Его украшал декоративный фриз с изображениями золотых гор и деревьев. У подножья гор – земные животные: тигры и козлы, на вершинах гор – птицы и крылатые тигры. На орнаменте, по представлениям саков, изображен хребет Мировых гор, окружающих Вселенную по периферии. Декор отражает также тройственную организацию вселенной (снизу вверх): подземный мир, земля и небесный мир. Фигуры зверей, расположенных крестообразно, символизируют четыре стороны света. В центре композиции головного убора была эмблема Солнца – четыре крылатых коня и четыре золотые стрелы. Она и символизировала также космос в целом и была царским знаком. В целом композиция декора на головном уборе символизировала власть над тремя мирами, а также квадрантом ураносферы, освещаемым Солнцем по мере его движения с востока на запад.

Вероятно, при жизни «Золотой человек» идентифицировался с богом Солнца, он считался властителем мира. Такие представления о масштабах сакральной власти вождей были широко распространены у разных народов в древности. Существует большое сходство между символикой золотого костюма и индо-иранской мифологией, «Авестой», гимнами «Ригведы» и космогоническими зороастрийскими текстами собранными в пехлевийском «Бундахишне» (22).

Не меньший интерес представляет исследование зооморфных украшений костюма. Они демонстрируют тесные аналогии с искусством народов Ближнего Востока (Ассирии, Вавилона, Ирана) и Бактрии с одной стороны, и искусством южно-сибирских племён и Центральной Азии (Пазырык, искусство Ордоса и искусство гуннов) – с другой.

Звериный стиль, в том виде, в каком он существовал у саков Жетысу, представляет собой оригинальное творчество, искусство саков свидетельствует о существовании не только военных контактов, но и более плодотворных, творческих связей со многими культурами континента.

Звериный стиль был одной из составляющих, которая в сочетании с другими элементами привела в первые века нашей эры к возникновению великого искусства Кушанов (23) и Согда. Кроме того, саки и гунны испытывая влияние культуры Китая (24), в свою очередь, сыграли значительную роль в возникновении искусства времен правления китайской династии Хань и опосредствовано в развитии т.н. «европейского звериного стиля» появившегося в средние века после инвазии гуннов и аланов в Европу.

Эпоха саков представляет собой ключевой момент в истории Азии. В начале новой эры перемещения народов «сакского круга» изменило лик Евразии. Эта эпоха совпала с двумя эпохами традиционной европейской историографии: с античностью и эллинистическим периодом.

Вклад саков в историю Азии сравним с влиянием, которое античная культура и достижения эллинистических городов-государств оказали на окружающие их кочевые народы.

Особо яркие культуры сакской эпохи сложились в Жетысу, Восточном Казахстане и Приаралье.

Среди них ранние сакские комплексы Жетысу отличаются особые признаки элитарности: погребения с оружием, сброей, памятники, наследующие культуру племен предшествующего периода эпохи бронзы, может быть, по преимуществу, тохароязычных. Есть основания считать, что материальная культура племен Жетысу в это время не была монолитной, а отражала ситуацию, с одной стороны, параллельного сосуществования нескольких этнокультурных традиций, с другой – интеграции в «сакский этнос», в составе которого разные родоплеменные подразделения выполняли различные социальные и производственные функции. Соответственно изменилось и наполнение термина «саки», которое зафиксировано не только в ираноязычных, древнекитайских, античных и индийских источниках, как общее наименование для различных групп ираноязычных кочевников, но и в языке самих саков.

К эпохе ранних кочевников относятся и упоминания, часто

легендарные о народах и географических реалиях Жетысу и Восточного Казахстана, которые можно обнаружить в античных, древнеперсидских, древнекитайских и индийских письменных источниках. Для греков – это страна Ойкумены, входящая в ареал расселения азиатских скифов, где из области вечного мрака вырывается ураганный ветер Аквилон. Может быть, это первое упоминание о ветре Сайкан, дующем из прохода Джунгарских ворот. Здесь у высоких гор обитают справедливейшие племена аргипшеев, с которыми азиатские скифы (саки) общаются через переводчиков. Интересно, что в начале нашей эры Жетысу называлось тохарским именем Аргу. Для гор системы Тянь-Шань употреблялось название: Асканамские, Имавские, Комедские и Апурийские. Китайские источники до III века до н.э. не дают конкретных сведений о Жетысу, вероятно, какие-то его регионы могли входить в состав загадочного Западного края – области, в которой жили племена жунов и хусцев.

По одной из существующих научных гипотез Семиречье относится к ареалу «саков-хаомаварга», основной ареал которых локализуется на Памире. Конкретнее, к «сакам, которые за Согдом» ахеменидских надписей. По другой точке зрения Семиречье и Среднеазиатское междуречье населяли племена союза «саков-тиграхауда» (ортокарабантии Геродота, причем, может быть, существует возможность сопоставления их с массагетами. Однако, описательный характер этого термина («саки в стреловидных шапках»), не позволяет делать выводы о том, что так называли целый этнос, а, положим, не какое-то социальное подразделение в этносе. Вероятно будет заключить, что те группы саков, которые зафиксированы в персидских и античных сообщениях, это политические объединения, следовательно, и такие этнонимы имели, скорее всего, политическое значение, под ними могли понимать крупные союзы, поэтому термины и носят то описательный, то географический характер, тем более что в ходе своей истории кочевники-саки неоднократно меняли ареалы своего расположения в Евразии.

В скифское время, в VII–III вв. до н.э. в Жетысу племена развивались в значительной мере изолированно от Центрального и Западного Казахстана, и это заметно при сопоставлении археологических культур, отражавших, по-видимому, состояния локальных этносов. Жетысу – край скотоводов и земледельцев – было ближе к Южному Казахстану, Приаралью и юго-востоку Средней Азии, на что указывают разнообразные признаки: от особенностей погребальных памятников, элементов знаменитой «скифской триады» (оружие, конская сбруя, искусство «звериного» стиля) – до сходства антропологических типов. Есть и явные признаки контактов с населением Южной Сибири. Область Великой Степи – Центральный Казахстан – заселяли кочевые племена «тасмолинской культуры» (может быть, именно их называли исседонами), оставившие яркие свидетельства своей истории, особенно, своеобразные курганы с каменными грядами и захоронениями коней, специфическое искусство, по ряду признаков сравнимое с искусством савроматов Приуралья и Западного Казахстана. Особую роль для нарастания таких различий сыграло утверждение в разных регионах особых хозяйственно-культурных типов: кочевое скотоводство с элементами земледелия и т.д. Происходит и консолидация племенных союзов – зародышей больших суперэтносов.

Центр страны саков был на месте могил их предков, а так как в древних обществах единство народа олицетворяли вожди, то священным сердцем страны саков было место, где они хоронили своих вождей. Таким местом в VII–III вв. до н.э. несомненно должно считаться Жетысу. Ни в одном другом регионе Средней Азии и Казахстана и Южной Сибири не встретишь такого количества царских курганов сакской культуры. Они расположены у подножья высоких гор Тянь-Шаня, в долинах, у рек. Курганы, иногда до нескольких десятков, группируются в могильники, внутри которых они различаются как по времени возведения, так и по величине, конструкции и другими особенностями обряда.

Выделяются курганы царей племенных союзов, вождей

племени и знатных воинов. Градация размеров погребальных сооружений и колоссальные тудозатараты на их возведение свидетельствовали об иерархии сакской аристократии и, может быть, соответствовали своего рода «табели о рангах». Рядом с большими курганами обнаружены жертвенные места со следами костров, тризн, системы кромлехов, менгиров и жертвенники и поминальных ограды. В нескольких случаях неподалеку замечены остатки поселений и храмов огня, атрибутами которых были замечательные медные и железные триподы, алтари и жертвенные столы, курильницы, котлы, песты и ступки, предназначенные для совершения религиозных церемоний. Многие из них выполнены с большим искусством и имеют зооморфный декор. Вождей хоронили в усыпальницах, срубленных из бревен тянь-шаньских елей, или в камерах со стенами из валунов и речной гальки. Рядовых воинов – с оружием – в каменных ящиках и грунтовых могилах под небольшим курганом. Значительная часть населения, очевидно, занималась скотоводством, ремеслом и земледелием. Их хоронили в грунтовых ямах без оружия и с небогатым сопровождающим инвентарем. У саков были оседлые поселения и города, как, например, в Жетысу и в Хорезме, жители которых специализировались на земледелии и ремеслах. Большинство ювелирных изделий, находимых в богатых сакских погребениях, скорее всего, сделаны оседлыми саками. Военное сословие у саков – всадники, судя по данным, было правящим. Из среды воинов выбирали вождей. Древние индийцы считали саков кшатриями. Верховный вождь выполнял и главные жреческие функции, хотя, возможно, существовали и светское и религиозное предводительства. Не исключено, что у саков были жрецы, обслуживающие храмы огня и некрополи предков. Общество саков имело развитую структуру, характерную для раннеклассовых обществ древнего мира.

С саками связан замечательный феномен истории культуры Евразии, носящий название «скифо-сибирский звериный стиль» в искусстве малых форм.

У неспециалиста упоминание этого термина вызывает

образ блестящей коллекции древностей, выполненных в золоте, бронзе, дереве и кости, собранной на огромной территории Евразии и рассредоточенной по разным музеям мира. При более пристальном знакомстве с этим искусством, становятся заметно, что сако-скифские древности очень сходны (особенно, на раннем этапе своей истории) во всем ареале распространения и в то же время в «зверином» стиле во время его расцвета четко выделяются своеобразные направления. В стремлении объяснить эти сходства и различия исследователи, в одних случаях, говорят о некоем механизме «культурной радиации», т.е. одностороннем распространении прототипов сако-скифского искусства из определенного первоисточника (Передняя Азия, Причерноморье, Сибирь, Центральная Азия), а в других – пытаются доказать, что «звериный» стиль возник везде независимо или конвергентно (суммарное выражение последний тезис нашел в гипотезе общечеловеческой «скифской стадии» развития Н.Я. Марра). Такого рода дискуссии периодически возникали и возникают с каждым новым открытием в том или ином регионе новых скифских или сакских сокровищ. Довольно часто в стремлении отстоять свою точку зрения, исходные позиции оппонентов чрезмерно ужесточаются и упрощаются, что влечет опасность «с водой выплеснуть и ребенка». И тогда сила или слабость позиций дискутирующих сторон начинает определяться не степенью аргументации, а количеством эпигонов. А суть состоит в том, что «звериный стиль» – это отражение своеобразной живой эстетической и мировоззренческой системы, почти 8 столетий существовавшей в сознании, хотя большого, но имеющего определенные границы этнического массива (условно: сако-скифский мир), в разных пространственных локусах и хронотопах, специфически ориентированного на периферийное окружение. Показательно, что это искусство исчезло (в зависимости от оценки его развития, можно применять и другие термины: выродились, деградировало, трансформировало и т.п.) одновременно с резким изменением этнополитической ситуации в Евразии во время

«Великого переселения народов».

Для всей «полосы гор» Тянь-Шаня, Саур-Тарбагатая и Алтая характерна издревле сложившаяся однородная высотная структура ландшафтов (25). Климат определяется высотной зональностью. На Тянь-Шане из-за лучшей увлажненности северные склоны удобнее для хозяйственной деятельности. Региональная специфика скотоводства здесь – вертикальная система кочевания Амплитуда кочевания, как правило, не превышает 50–70 км в горных и 100–200 км в степных областях. Поэтому максимально адаптированной формой хозяйства здесь было яйлажное (полукошачье) скотоводство. Оно оставалось ведущим вплоть до XX в. Что же касается времени перехода к полукошачьему скотоводству, то эта форма – ранняя и переходная к кочевничеству с большими расстояниями сезонных кочевий в аридных и экстрааридных зонах сложилась уже во второй половине второго тысячелетия до н.э. (26).

Переход от гетерогенного хозяйства эпохи поздней бронзы и сложение культурно-хозяйственного типа (далее КХТ) региона, таким образом, произошли давно. КХТ не претерпевал существенных изменений на протяжении всей эпохи ранних кочевников, а отдельные черты – вплоть до нашего времени.

Археологические памятники ранних кочевников с X–VIII вв. до н.э. концентрируются в так называемом «культурном районе», простирающемся широкой полосой вдоль гор и включающем зону ковыльной степи, верхний ярус степи полынной и нижнюю часть образованных на лессовых плащах черноземных лугов (27) Ширина этого пояса в значительной степени совпадает с величиной амплитуды весенне-летнего кочевания. К северу условия резко изменяются, здесь на полынных и горно-типчаковых степях, издревле находятся зимники. Это – Чу-Илийская провинция и провинция Каратауская.

Аналогичны условия в микрорегионе Тарбагатая. Зимники здесь располагаются на Чиликтинской межгорной равнине. В Южном Алтае лучше увлажнены западные склоны. Зимние пастбища находятся на предгорьях, расстояния откочевок еще

более сокращены.

Южные (выходящие к Кашгарии и Джунгарии) склоны Тянь-Шаня и Саур-Тарбагатая характеризуются аридным климатом. Скотоводство в предгорьях здесь привязано к проходам в центр горной страны, к межгорным долинам с обильным травостоем. А значит сезонное направление кочевья здесь обратное, северное.

Таким образом, вся полоса вдоль хребта Южного Алтая, Тарбагатая, Северного, Западного и Южного Тянь-Шаня в экологическом отношении однородна. В географическом отношении разделяющие горные системы Балхаш – Алакульская и Зайсанская впадины, являются связывающими зонами в сезонных циклах кочевания.

Однородность ландшафтно-климатических зон и экстенсивный характер эксплуатации земли при животноводстве привели к раннему закрытию пастбищ узами традиции и договорными обязательствами к регламентации пользования ими. Это стало важной причиной образования союзов племен в регионе.

Полукочевое скотоводство немыслимо без существования оседлости значительное время года и постоянных зимовок. Оно предполагает наличие земледелия. Оседлоземледельческие поселения и навыки богарного, возможно, и ирригационного земледелия достоверно зафиксированы в Семиречье в усуньское время, возможно, вместе с тем и группы саков имели земледельческую специализацию и стационарные жилища (28).

Переход от гетерогенного хозяйства эпохи бронзы к полукочевому скотоводству, возможно, не был столь резким как при чистом кочевничестве, ведь полукочевое общество сохраняет возможности для существования разных укладов хозяйства, которые, правда, играют подчиненную роль. Видимо, эта специфика облегчала появление нескольких типов хозяйства, например, появление саков и усуней земледельцев, возникновение оседлых поселений – центров контактов и обмена скотоводов и земледельцев. Изучение этой проблемы стало насущной задачей

(29). Действительно, и у локальных этнографических групп существуют разные виды хозяйственной деятельности, несколько типов традиционного хозяйства. Роль играет ландшафт, этногенез, адаптация. Поэтому схематическое разделение народов на кочевые и оседлые неправомерно. Также не представляется возможным говорить обо всех сакских племенах как исключительно кочевниках.

Судя по археологическим данным, в Семиречье у саков было высокоразвитое товарное ремесло, навыки строительства долговременных жилищ (30).

Традиции погребений, богатство и огромные трудозатраты сооружения «царских» курганов говорят о значительной социальной стратификации у саков, зарождении классов на основе социальных прослоек (31).

При реконструкции общества саков представляется возможным использование структуры общества ариев Авесты. Ведь сакское общество, в силу традиционности, несомненно, сохранило многие архаические признаки, отраженные в ранних частях Авесты. Как полагает Б.Г. Гафуров (32), Авеста дает картину «обычную для обществ, находившихся на пороге или в начале создания государства». Перспективно и использование стадияльно близких этнографических аналогов, единого КХТ. Это было доказано на примере социального устройства скифов А.М. Хазановым (33). Сведения персидских, античных и китайских источников о саках важны, но недостаточны.

В сакской археологии распространена точка зрения, согласно которой саки находились на стадии перехода к государству, т.е. их общество было раннегосударственным. Здесь целесообразно разграничение, так сказать, военной демократии генетического племени и стадияльно высшей военно-иерархической структуры межплеменных объединений, пусть аморфных и размытых, но раннегосударственных образований.

Однородность ландшафта Тянь-Шаня и сходство КХТ – немаловажный фактор консолидации местных сакских племен. В то

же время население горных районов чаще сохраняет традиционные черты чем равнинные, степные племена. Вообще, с одной стороны, роль традиции как подчас исчерпывающей формы регламентации производственных отношений и законсервированные в любом кочевом обществе родовые институты способствовали сохранению у саков Семиречья поразительной преемственности материальной культуры.

С другой стороны, появление в военно-демократическом обществе надродовых институтов, усиление расслоения, возвышение вождей, объективно стремящихся эти институты приспособить своей власти, конфедеративное объединение вызывали процессы этнокультурной интеграции в рамках союзов. Противоречиво и соотношение дробности, аморфности союза и тенденции к слиянию, к появлению этнических общностей более высокого порядка. Зарождение государственности, кроме того, тормозилось относительно примитивной формой адаптации кочевников (в социологии культура рассматривается как саморегулирующая система, при росте популяции племен сокращались эксплуатируемая территория, что приводило к необходимости откочевок избыточного населения). Это, вероятно, было существенным фактором внешней политики, способствуя широкому расселению сакских культур, диффузии, появлению или взаимобмену культурными достижениями. Необычное скопление сакских «герросов» в горных долинах Семиречья, их разновременность и, видимо, разная культурная принадлежность, заставляют предположить, что регион был центром обширного политического объединения разных сакских племен «полосы гор». Ретроспективным примером таких объединений служат грандиозные империи во главе с сако-юечжийскими правителями в Хорезме, Бактрии, Парфии, империя Великих Кушанов; сарматское правление аспургианов в Причерноморье.

Археологические культуры «полосы гор» исключительно ярки и самобытны и очень сходны друг с другом. Все это, как будто, говорит о спокойном, не омраченном сильными

кризисами развития в сакское время. Видимо, это показатель политической консолидации племен. Ведь в данных условиях стабильно развиваться могли сильные объединения, слабые гибли или распались. Объединения, не способные противостоять миграциям иных племен, распались также, а это означало общий культурный регресс как форму адаптации в условиях нарушения производственного ритма. Когда создаваемые ценности разрушаются в обстановке нарушения баланса, постоянных «сбоев» хозяйственной деятельности и перемещений, когда в психологии народа господствует ощущение неуверенности, вечной опасности, пессимизма, тогда происходит общий упадок, и не только производства, складывающееся этническое самосознание приходит к декадансу и распадается. Именно в этом отношении правы исследователи, когда пишут, что самобытная культура кочевников I тыс. до н.э. ярче, самобытнее и более развита, чем эклектическая культура номадов XVIII века (34).

Художественное творчество особенно резко отражает подобные надломы. Такой упадок случился в Семиречье на рубеже новой эры, при первых волнах «Великого переселения народов». Нельзя отрицать, что эклектический фон, который и есть следствие таких кризисов, при благоприятных условиях, становился почвой для «ренессансов» (как в истории кушанов). Но условие тому – стабильность и материального производства и политической системы.

Очевидно, что период VIII–III вв. до н.э. – «сакское время» в периодизации истории Семиречья – время относительно стабильного развития и консолидации, обусловленные комплексом факторов.

Археологические данные показывают сходство и общие черты развития отдельных компонентов материальной культуры саков Тянь-Шаня, Восточного Казахстана и Южного Алтая в течении скифского времени (35).

Погребальный обряд здесь характеризуется устойчивой западной ориентировкой. В «царских» курганах обычно бревенча-

тое погребальное сооружение или в виде сруба иногда с дромосом: Аржан, Чиликты, Бес-Шатыр, Пазырык, Башадар и др. или клетки Иссык. В памятниках пазырыкского типа сруб опущен в яму, а в Аржане и Бес-Шатыре срубы стоят на горизонте. В Бес-Шатыре зафиксировано круглое в плане сооружение, а в могильнике Иссык ряд курганов имели каменную кладку. Есть мнение, что этот тип погребальных сооружений восходит к дандыбай-тагискенским мавзолеям и следовательно указывает на преемственность архитектуры от культур финальной бронзы и переходного периода к сакским. Захоронение часто осуществлялось в колоде или дощатом ящике. В рядовых погребениях покойник находился в яме – каменном ящике, либо яме, обложенной деревом.

В редких случаях зафиксировано скорченное положение костяков. Аналогичные конструкции, сооружения и обряды наблюдаются в погребениях переходного периода (Дандыбай, Бегазы, Сангру (36), Тагискен) и раннесакского времени (Тагискен, Аржан, Уйгарак, Биже). В приаральских комплексах находящихся в экстрааридной зоне в переходный этап погребальные сооружения возводились из сырца; в степной зоне Сары-Арки – из массивных валунов и плит; в раннесакское время в Приаралье по углам могильных ям оставляли круглые ямки. Это, возможно, имитация угловых столбов, вызванная отсутствием дерева.

В регионе «полосы гор» бытуют близкие типы керамической посуды, таковы узкогорлые кувшины с плоским дном. Параллели им известны в Китае чжоу-ханьского времени, в основном период «Воюющих царств» (Чжаньго). Это так называемый «тип Ли». Они доходят до раннего средневековья, причем, станковая керамика, красно-сероангобированные формы сосудов появляются уже в сакское время (Иссык, Талгар, сакские поселения Семиречья, дающие керамику, напоминающую керамику т.н. Арысской культуры юга Казахстана и типы, похожие на керамику Чирик-рабата-III), но широко распространяются позднее (материалы ранних оседло-земледельческих поселений Семиречья и Южного Казахстана: Актас I-II, Ак-тобе I, II, Чардара, Шаушукум и др.).

Особо специфичны для Семиречья и Приаралья оригинальные сосуды с носиком и петлевидной ручкой. Для всей области – кружки с шаровидным туловом, миски и котлы со срезанным ножом краем и туловом сегментосферой, часто красного лощения. Для Семиречья, Киргизии и Южной Сибири (Алтай) фиксируются аналогичные, даже тождественные типы деревянной посуды и бронзовой культовой утвари: курильницы, жертвенные столы, триподы. Бронза также находит прямые тождества в инвентаре кочевнических погребений позднежозуского и раннеханьского времени и особенно – курильницы (тип Бошань) и триподы – котлы (тип дин). Это так сказать, внешний фактор связи культур «полосы гор».

Область совпадает с ареалом распространения совершенно оригинального стилистического направления в зверином стиле, которое можно назвать алтайско-семиреченским. Это важно так как элементы духовной культуры, как и материальной могут выступать этническими символами (37). А искусство всегда определенным образом отражает самосознание народа, значит вполне применимо как показатель этнокультурной близости племен регионов.

Культурное сходство саков «полосы гор» возникло не только на основе единого КТХ. Роль сыграли разные формы интеграции материальной, культурной, духовной территориальной и наконец политической. Очевидны и этногенетические причины параллелизма культур. Они характеризуются, прежде всего, архаизмами и чертами традиционности в материальных культурах вследствие общего происхождения на основе культур переходного периода, типа Дандыбай–Тагискен. Последние же, в свою очередь, генетически связаны с поздним алакульским этапом андроновской культуры.

Общие черты многочисленных памятников полосы гор неоднократно привлекали внимание исследователей. Это пазырыкские, башадарские, туэктинские, берельские курганы и курганы Аржан Алтая, уюкские, саглы-бажинские Тувы, памятники тагарской культуры, отдельные памятники из Ми-

нусинской котловины, чиликтинские и прииртышские курганы Зайсанской котловины, бесшатырские, иссыкские, талгарские, новоалексеевские и прочие памятники Семиречья, берккаринские курганы Южного Казахстана, могильники Кетмень-тобе Северного Кыргызстана, курганы и находки из Приисыккуля, тагискен-уйгаракские курганы Приаралья.

Имеются данные об археологических памятниках саков южной стороны Тянь-Шаня и Тарбагатай (кашгарские и джунгарские предгорные районы СУАР). Памятники оттуда сходны и идентичны с памятниками севера. Интересно, что прямые параллели некоторым элементам культуры Жетысу, в частности, зооморфная торевтика известны далеко на юге Азии: дяньские бронзы (38), материалы из погребений с колесницами, но датировка их не определена. Параллели в зверином стиле известны и среди вещей из оазисов Хотана, но все они позднее сакского времени и относятся уже к эпохе Кушан.

Тем не менее, и в сакское время племена саков, несомненно, (С.Д. Франкфорт (39)) жили на территории Восточного Туркестана. В целом, «полоса гор» довольно отчетливо выделяется в единую этнокультурную область.

Антропологическая характеристика саков «полосы гор» характеризуется монголоидным компонентом в составе европеоидного сакского населения. Антропология до сих пор при подборе объектов изучения – серии черепов отталкивается от заключения археологов. Поэтому, как и в археологии, определение критериев хронологической чистоты краниологической серии заставляет желать лучшего. Но есть и значительные достижения.

Антропологические данные показывают преемственность саков Семиречья от андроновских племен. Особое качество краниологического материала, происходящего из «полосы гор», это присутствие монголоидных черт. Монголоидный компонент – еще один мостик, все связывающий субрегионы области.

У саков Семиречья преобладает индоевропейский тип, но бывает и незначительная примесь монголоидности (40).

Так, например юноша погребенный под курганом Иссык имел незначительную монголоидную примесь (заключение О.Исмагулова). Ближайшее морфологическое сходство саки Семиречья имели, с одной стороны, с приаральскими, с другой – с алтайскими саками. По ширине лица они занимали промежуточное положение между ними. Предположительно монголоидный элемент проникал в состав саков со стороны Алтая (41)

В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова (42), анализируя тагискен-уйгаракскую серию черепов, пришли к выводу, что они близки к горноалтайским, восточно-казахстанским, семиреченским и Тянь-шанским. Они предположили, что племена «полосы гор» этнически были очень близки (43). Весьма показательно, что по монголоидным чертам приаральская серия VII–IV вв. до н.э. наиболее близка к сакской из Семиречья и Киргизии. Они выделили два направления, по которым монголоидные признаки проникали в состав Приаралья со стороны Алтая по полосе гор и через Джунгарские ворота вдоль Саур-Тарбагатай из Центральной Азии (44). Чаще монголоидность выражена на отдельных женских черепках, следовательно, проникновение было недавним, доминировали отдельные межплеменные браки и небольшие перекочевки малых этнических групп (45).

Краниологические материалы из Восточного Казахстана (территориальный охват серий был обширным и, видимо, захватывал так называемые этно-дифференцирующие зоны) неоднородны, по морфологическим признакам они близки Алтаю и Тянь-Шаню (46).

Итак, антропологические данные подтверждают выделение «полосы гор» как особой этнокультурной области и указывают на теснейшие, в том числе и этнические взаимосвязи регионов в сакское время, намечаются направления контактов с Центральной Азией и Приаральем.

Касаясь уже этнической атрибуции саков Семиречья, а вернее, проблемы сопоставления материальной культуры с данными письменных источников, отметим сходство их облика с этническим

типом той группы саков на рельефе из ападаны в Персеполе, которую принято отождествлять с *saka-tigrahauda* Бехистунской надписи. В настоящее время в археологической литературе бытуют две версии этнической атрибуции саков Семиречья, вернее, отождествления с этнонимами зафиксированными в источниках. Подробнейший анализ источников проделан Б.А. Литвинским (47). Он доказал ненадежность каких-либо отождествлений основанных на комбинации письменных, зачастую очень разноречивых данных

Мы не будем останавливаться на разборе этих мнений. Отметим только, что в выделенной «полосе гор», культуры резко отличаются от сакских культур Памира по всем перечисленным признакам. Здесь преобладает ориентировка погребенных на восток, скорченное положение костяков. Своеобразны шаровидные сосуды, акинаки имеют особые 3-образные перекрестья. Находки памятников «звериного» стиля в Памирском регионе редки и не позволяют делать какие-либо выводы. Известный Амударьинский клад – т.н. «Сокровище Окса» синкретичен, в «зверином» стиле здесь почти не переработана переднеазиатская струя, что резко отличает этот клад, характеризующий, скорее, бактрийское искусство, от искусства «полосы гор».

Антропологические отличия памирских саков разительны. Они принадлежали к средиземноморской расе, ее индо-афганскому типу, походили на афганцев или северных индийцев (48), что объясняется изолированным положением саков Памира, поэтому тезис об объединении саков Семиречья и Памира в едином этнониме оказывается необоснованным. Памир и по характеру ландшафта – это чрезвычайно специфичный регион со специфическими локальными особенностями хозяйства. Близка к сакам Семиречья эйлатанская культура Ферганы, но она и резко отлична от саков Памира, а регион хорошо «привязан» к КХТ и особенностям топографии «полосы».

В заключение подчеркнем в сакское время «полоса гор» – тесно взаимосвязанная географическая, экологическая и этнокультурная область, населенная сакскими племенами. Специфика КХТ

объективно должна была привести к появлению общности этих племен. Соответственно возникли предпосылки для появления надплеменного аппарата управления раннегосударственного типа.

Литература

1. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские // «Археологические исследования в Казахстане». Алма-Ата, 1973; Акишев А.К. Скифская дорога и Великий шелковый путь // Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы, Алматы, 1999, с.38–62.
2. Bailey H. W. Languages of the Saka // *Handbuch der Orientalistik*, 4, 1. Leiden-Köln, 1958.
3. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples., Wisbaden, 1992, pp. 46-47. Bailey H.W. Languages of the Saka // *Handbuch der Orientalistik*, 4, 1. Leiden-Köln, 1958.
4. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972; Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. К историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии, Душанбе, 1968; Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948; Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // «Проблемы скифской археологии», М., 1971. Wang Binghua. Reseches historiques preliminaries sur les saka du Xinjang ancien // *ArA*, Т. XLII, 1987, s. 31–44.
5. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980; Грач А.Д. Могильник Саглы // Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // *СА*, 1961, №3; Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960; Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948; Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961; Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953; Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. Л., 1959; Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // *АСГЭ*, 3, Л., 1961; Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; Грязнов М.П. По поводу одной рецензии // *СА*, №4, 1960; Грязнов М.П. Рецензия на книгу С.И. и Н.М. Руденко «Искусство скифов Алтая» // *Вестник ЛГУ*, 1950, №1; Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень (этиюд на тему скифо-звериного стиля) // *Проблемы археологии*, II, Сб. Статей в память профессора М.И. Артамонова, Л., 1978, с. 222–232; Грязнов М.П. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тыс. до н.э. // *Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии*, М.-Л., 1959; Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // *КСИА*, вып.6. 1951; Грязнов М.П. Курган Аржан. Л., 1978; Мартынов А.И., Мартынов Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971.
6. Абаев В.И. Скифо-осетинские изоглоссы на стыке Востока и Запада.

М., 1965.

7. Ваханский язык. М., 1976.

8. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 47.

9. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию, М., 1960, с. 65.

10. Bailey H.W. The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan., NY, 1982, pp.7–8.

11. (список Râjaúekhara “Kâvyamîmâmâsâ”) // Bailey H. W. Ancient Kamboja. Iran and Islam, Edinburgh, pp. 65–71.

12. Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.

13. Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka, Cambridge University Press, 1978.

14. Burchard M. Die alten Fremdwörter und Eigennamen in Aegypten, no 811

15. Anthony F.P. Hulsewe in China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. // A.D.23 (An Annotated Translation of Chapters 61 and 96 of the History of the Former Han Dynasty). Leiden: E.J. Brill, 1979, pp. 104–105.

16. Арриан, Поход Александра, III, 18, VII.

16а. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана, «Искусство», М., 1977, с.62.

17. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples, Wisbaden, 1992, pp. 32–33.

18. Гамкрелидзе Т.В. Иванов В.В. Индоевропейский и индоевропейцы. Тбилиси, 1987, II, с. 639; В.В. Иванов. Функции «тохарских» языков и «тохарской» литературы в Восточном Туркестане и проблема тюркско-«тохарских» контактов // Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции, Новосибирск, 1972.

19. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана, «Искусство», М., 1977; Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина. // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 г., М., 1976, с.163–169; Harmatta Y. Languages and Scripts in Graeco-Bactria and the Saka Kingdoms. // HCCA, vol.II, UNESCO, 1992.

20. Fussman G. Les inscriptions du Dast-e Nawur // Actes du XXIX Congrès international des Orientalistes. Asie Centrale, Paris, 1976; Davary G.D., Humbach H. Die bactrische Inschrift IDN 1 von Dasht-e Nâwûr (Afghanistan) // Akademie der wissenschaften und der literature, Wiesbaden, 1976; Harmatta Y. Languages and Scripts in Graeco-Bactria and the Saka Kingdoms // HCCA, vol.II, UNESCO, 1992; Bivar A.D.H. The Kusana Trilingual // BSO(A)S, London, 1976, vol.XXXIX, part II, pp.333–340; Fussman G. Documents epigraphiques Kouchans // BEFEO. Tome LXI, Paris, 1974.

21. Harmatta Y. Languages and Scripts in Graeco-Bactria and the Saka Kingdoms. // HCCA, vol.II, UNESCO, 1992.

22. Акишев А.К. Искусство и мифология саков, Алма-Ата, 1984; Акишев А.К. К интерпретации символики иссыкского погребального обряда // Археология и этнография Хорезма. Л., 1981.

23. Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
24. Баркова Л.Л. Новые исследования импортных тканей из Больших Алтайских курганов // СГЭ. [Вып.] LXVII. СПб.:Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009, с. 5–21.
25. Давыдов Л.К. Климат. Сб. Джетысу (Семиречье) // Естественноисторическое описание края. Ташкент, 1925.
26. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
27. Шнитников В.П. Растительность Джетысу // Джетысу (Семиречье). Ташкент. 1925, с.72; Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма..., с.31–46.
28. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. с.78, прим. 65; Акишев К.А. Указ соч., с.77–87; Он же. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.,1978.
29. см. Акишев К.А., Байпаков К.М, Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата,1972.
30. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с.77–84.
31. Акишев К.А. Древняя культура саков и усуней. с.86–87; Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. М.,1976.
32. Гафуров Б.Г. Таджики. М.,1972, с.54–58.
33. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей, М., 1975.
34. Гумилев. Л.Н. Хунны в Китае. М.,1974; Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М.,1978, с. 53–54; Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
35. Акишев К.А. Саки Семиречья // Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата,1959.
36. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
37. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973, с.64–66
38. Итс Р.Я. Золотые мечи и колодки невольников // «Культура народов Востока», М., 1976.
39. Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjang des origines aux Han // Paleorient, vol.15/1 1989; Дебен-Франкфорт К. Саки Синьцзяна эпохи Хань (206 г. до н.э.-220 г. н.э.): критерии идентификации // Кочевники и земледельцы Центральной Азии. Париж ,1990; Ma Yang, Wang Binghua. The Culture of Xinjiang Region // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. Paris, 1994, pp.209–206.
40. Исмагулов О.И. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970, с. 37, рис 9. 38.
41. Исмагулов О. И, Указ соч., 1970, с. 36–38.
42. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.,1972.
43. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Указ. соч., с. 110–112. См. также Виноградов

-
- А.В., Итина Л.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Аму-Дарьи. М., 1986, Яблонский Л.Т. Проблемы этногенеза древнего населения Севера Средней Азии в эпоху бронзы // Виноградов и др. «Древнейшее население низовьев Амударьи». Труды ХАЭЭ. Т. XV. М., 1986.
44. Исмагулов О.И. Указ. соч., с. 38.
45. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии, новая серия. т. IV. М., 1956; его же. О физических типах людей скифского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. № 117. М., 1971, с. 9.
46. Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Труды Института этнографии. Новая серия, т. XXXII 1. М., 1956, с. 243–245.
47. Дремов В.А. Центральноазиатские связи населения Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990, с. 132–142; Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000, №3, с. 116–131.
48. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 186.

А.К. Акишев

Кулах Золотого человека. Семантика изобразительных элементов.

Исключительная сохранность захоронения в кургане «Иссык» дала возможность реконструировать одежду, головной убор, воссоздать систему размещения на них золотых украшений (1).

Иссыкский головной убор кулах (2) очень сложен по своему оформлению. И все-таки по ряду признаков он имеет аналогии у древних индоевропейских и не индоевропейских народов. Аналогии можно найти среди изображений на рельефах, в скульптуре, торевтике, в росписях, петроглифах, наконец, среди реконструированных головных уборов из скифских и сакских курганов.

Материалы, которые мы использовали, имеют широкий хронологический диапазон. Некоторые из них разного происхождения. Однако эти головные уборы объединяет ярко выраженная культовая функция и сходное орнаментальное оформление.

Иссыкской головной убор – это высокий (до 65 см) прямостоящий конический колпак с нащечными лопастями, или наушниками, и полукруглым языком, прикрывающим шею. В композиции его орнаментов была запечатлена картина организованного космоса: три сферы, сквозь которые прорастает солнечное Мировое дерево; 4 угла, или стороны света, с «локопалами», а в центре диаграммы – образ четырех солнечных коней (ипостаси Митры или других солнечных богов, например

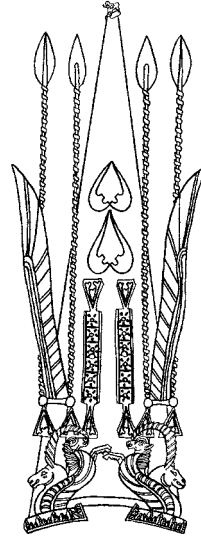

рисунок 1.

Ашвинов) (3).

Можно предполагать, что иссыкский кулах был сшит из кожи или имел внутри плотную основу (дерево, войлок). Иначе конец шапки, перегруженный всевозможными украшениями, загибался бы, что привело бы к поломке деталей оформления, но главное – нарушилась бы композиция, а она имела важнейшее политическое значение. Высокие (в среднем 70 см) и богато украшенные амулетами свадебные казахские колпаки – саукеле обязательно имели основу из картона или дерева (4). В Пазырыкском кургане найден головной убор, вырезанный из дерева. Сверху он имел круглые отверстия для накладных кос, которые должны были держаться вертикально. М.П. Грязнов сопоставил этот головной убор с изображением шапки на золотой бляхе с так называемым мотивом «отдыха в пути». Шапка имеет непонятную высокую «мачту» (5). Деревянная основа для высоких шапок типа иссыкского, может быть, была похожа на такую конструкцию.

Высокие остроконечные шапки были широко известны в скифо-сакском мире. В древних описаниях и иконографии

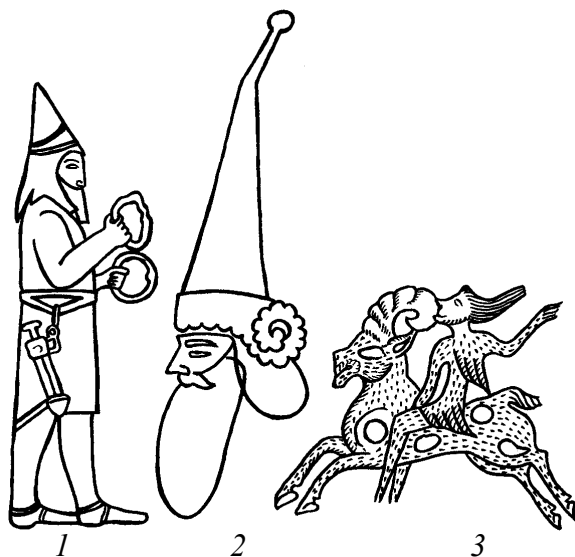

рисунок 2.

нередко отражался этнографический веризм, благодаря чему мы различаем изображения разных народов. Например, на рельефе лестницы в ападану Персеполя или на гробнице Дария в Бехистуне изображена какая-то группа саксов в похожих на иссыкскую остроконечных шапках (6) с нащечниками,

нашейным языком и то ли прошитые кантом вокруг головы на уровне лба, то ли обвязанные ремешком (7) (рис. 2–1). В такой же шапке, но со свернутыми наподобие бараньих рогов нащечниками (?) изображен вождь саков-тиграхауда (*saka-tigrahaúda*) Скунха. Его фигура замыкает вереницу покоренных Ахеменидом царей (8) (рис. 2–2).

Шапка типа тиграхауда, кажется, была этническим признаком саков. Ее отождествляет с *saka-tigrahaúda* этимология: «саки с острыми шапками», упоминаемыми в накш-и-рустамском списке (9).

Геродот в числе скифских племен называет ортокарибантиев (10). Этноним является калькой с тиграхауда. Но, перечисляя пешее войско Ксеркса, он сообщает, что и амюргии (‘обладающие’ хорошими лугами’ = саки-хаумоварга) носили прямостоящие шапки с острым концом (11). Комментируя эти данные, В.В. Струве предположил, что остроконечные шапки были этническим символом только саков-тиграхауда (ортокарибантиев). Саки-тиграхауда носили их всегда, амюргии лишь в военных походах (12). Ранее, по мнению В.В. Струве, это был также повседневный головной убор у амюргиев. В свое время Г.И. Боровка считал, что скифские кулахи были не столько повседневными, сколько культовыми головными уборами (13).

Заманчиво использовать сходство иссыкского головного убора с кулахом типа тиграхауда, например, для обоснования гипотезы о расселении сакских племен, но нужно учитывать тот факт, что изображение Скунхи – это изображение не просто сака, а «главного из них», т.е. вождя. На лестнице в ападану также представлены образы не средних саков, а представителей союза, значит, или очень знатных, или вождей отдельных племен, так как символика рельефов связана с имперскими праздниками (14). Может быть, головные уборы типа тиграхауда были кастовой привилегией сакских вождей.

Древнему искусству демократизм был чужд, и поэтому, прежде чем реконструировать обычный костюм сака или скифа,

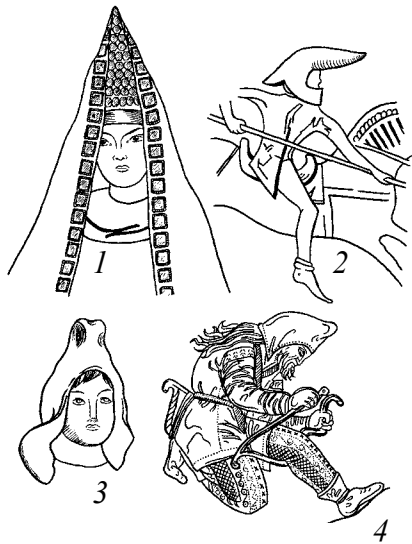

рисунок 3.

стоит задуматься, будет ли реконструкция достоверной. Скорее, мы получим реконструкцию богатого, кастового костюма. Еще более вероятно, что это будет культовый костюм. Для мифологического сознания и, следовательно, для художественно-образного строя древнего искусства ценно только сакрализованное. Сакрализован мог быть и обычный головной убор, но тогда он впоследствии должен был приобретать особые отличительные признаки, выделяющие его из числа других.

Естественно, что с развитием идеологии в первую очередь должны были сакрализоваться все атрибуты, связанные с властью (светской и религиозной): они становились регалиями. Головные уборы типа тиграхауда на изображениях из Сибири (15), на острaке из Кой-Крылган калы в Хорезме периода Сиявушидов, в коропластике Халчаяна эпохи сако-юечжийского «штурма Бактрии» и кушанского времени (рис. 3–2,3), на граффити с изображениями парфянских катафрактариев из Дура-Европас (рис. 4–1), на каргалинской диадеме из Семиречья (рис. 2–3) – это принадлежность элиты. Но этот тип головных уборов развился из обычного кочевнического колпака вроде куль-обского (рис. 3–4). Г.В. Бэйли, анализируя терминологию, связанную с одеждой, в индоевропейских языках, доказывает ее древние истоки (16). В принципе головные уборы типа кулаха необходимы в странах с резко континентальным климатом, где летом жарко, а зимой дуют ледяные ветры (17). Их покроем незамысловат, и они вполне могли появиться у разных народов независимо. Однако в скифо-сакской среде они известны чаще всего как особые, военные или культовые, головные уборы.

Помимо них существовали и другие виды головных уборов. В скифо-сакское время такие шапки были уже дифференцированы как социальные знаки, что, возможно, произошло еще во времена индоевропейского единства.

рисунок 4.

Кулахи типа «тиграхауда», очевидно, появились у индоевропейцев очень рано. Как церемониальные и культовые они известны с досакского времени. Очень ранние головные уборы этого типа, кажется, изображены на поздних окуневских стелах так называемого тас-хазинского типа (18), связанного с проникновением в окуневские ареалы андроновцев. Головной убор да и вся одежда из Иссыка напоминает колпаки и одежду жрецов хеттов, известные по рельефам из Сакчегеза,

Богазкея и Каркемиша (19). Г.И. Боровка остроконечный головной убор считал изобретением хеттов, а скифский – дериватом хеттского (20). Хетты, судя по изображениям, чаще носили колпаки без лопасти. Однако воины (изображение в Богазкее (Хаттусасе)) носили уборы, закрывающие щеки и шею и, видимо, имеющие по краю валик околыша, что придавало убору жесткость.

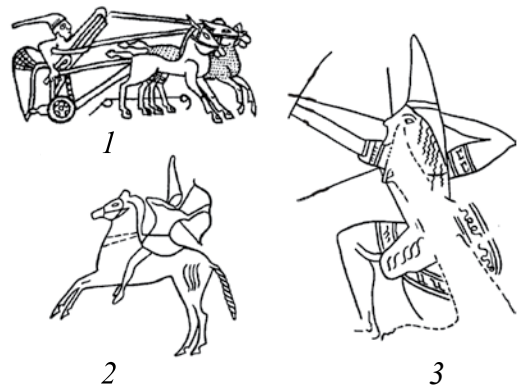

рисунок 5.

Авеста упоминает воинов в остроконечных шлемах (Яшт, 9, 30), но неясно, были ли эти шлемы похожи на прямостоящие кулахи.

Возможно, высокие прямостоящие шапки носили и киммерийцы. На одной этрусской вазе (середина VI в. до н.э.) изображен всадник, стреляющий из лука на скаку, полуобернувшись назад. На голове его высокий прямой колпак, кажется, с языком, закрывающим шею. На греческой вазе есть изображение киммерийца-лучника или скифа в высоком колпаке с околышем (21) (рис. 5–2,3).

Скифы знали несколько разновидностей головных уборов: женские, мужские, жреческие и царские, типа кулаха, тиары, башлыка и колпака (22). Но наиболее древним и, вероятно, ставшим культовым, был простой невысокий мягкий колпак – *kurpâsa* с вырезом для лица (рис. 3–3). Судя по изображению на сосуде из Куль-Обы (рис. 3–4), у скифских кулахов (греч. карбазий) нащечники не были отделены от нашейного языка. К армированным броней военным башлыкам они крепились отдельно. Нащечные лопасти у шапок, по археологическим источникам, известны в основном у саков Средней Азии. Они, должно быть, как-то завязывались под подбородком, чтобы шапка не сваливалась с головы во время верховой езды. Не от нащечников ли ведет свое происхождение зороастрийское забрало, повязка, предохраняющая священный огонь от осквернения дыханием? Головные уборы магов, или атраванов, как предполагает О.М. Дальтон, ведут свое происхождение от обычных кулахов кочевников (23). У атраванов было несколько видов головных уборов. Среди более ста изображений на votивных пластинках «Сокровища Окса» («Амударьинский клад»), правда, нет ни одного головного убора, полностью соответствующего типу *tigrahaŋda*: то туля шапки мягко опущена вниз, то шапка имеет вид тиары или башлыка, то изображен и вовсе непонятный головной убор с каким-то козырьком наверху (24), напоминающий шапку.

Только на одной из пластинок атраван изображен в очень высоком и остром головном уборе, кажется, стилизованном под козлиный рог, но конец шапки загнут (25).

Есть черты, сближающие головные уборы жрецов на votивах из Амударьинского клада и шапку из Иссыка. Многие головные уборы атраванов явно имеют язык сзади (26), а по округлости

головы, на уровне лба, перехвачены повязкой (?), концы которой иногда завязаны сзади; нащечники иной раз соединены перед ртом и образуют забрало (27). В одном случае лопасти, вероятно, подвязаны под подбородком, а забрало закреплено отдельно; в другом – забрало спускается сверху, а концы повязки видны над лбом. Обращают внимание налобные утолщения и клювообразные козырьки на некоторых уборах (28). В Иссыке на лобной части околыша закреплена скульптурная эмблема в виде совмещенных протомов коней. О.М. Дальтон, предположивший, что на votивных пластинках изображены маги, выполнявшие роль жрецов, или атраваны (atravan Авесты) – жрецы огня, сопоставил принадлежавшие им атрибуты с 12 зороастрийскими предметами экипировки райташгара ('колесничего') Авесты (29). Головные уборы с забралом, таким образом, были ритуальными. Это обычные кулахи, переосмысленные и несколько видоизмененные в религиозном духе. Носили их, как и иссыкский кулах, скорее всего жрецы или вожди, выполнявшие главные религиозные обряды.

Ритуальными были головные уборы ахеменидских царей (30). Чаще всего они были цилиндрическими или же в форме короны. Иногда использовались kurpâsa «мидийского образца» (31), причем, согласно Ксенофону (32), коническую прямую тиару мог носить только царь; у остальных вельмож ее конец загибался вниз. Последнее, должно быть, означало подчиненное положение. Прямая тиара тоже имела символическое значение, ведь в индоиранской теократической идеологии царь есть воплощение бога, его действия – реализация воли бога, а одежда – это одежда бога (33). В царской короне или в цилиндрической тиаре, например, изображали Ахура-Мазду. Характерно, что высокие прямые головные уборы с космологической символикой входят в иконографический канон митраистских, индуистских и буддийских богов и святых, например, в коническом прямом колпаке типа tigrâhâda иногда фигурирует Майтрея, дериват Митры; последний на митраистских рельефах изображался во фригийской шапке (34) (рис.4–3).

Превращение военного головного убора в инвеститурный символ хорошо иллюстрируют материалы эпохи эллинизма, особенно времени воцарения так называемых сако-юечжийских династий в государствах Азии. Лучник на реверсах аршакидских парфянской драхмы имеет на голове мягкий кулах с наушниками (35). Кулах был инвеститурным атрибутом в Хорезме и у ранних сасанидов (36). Мягкий кулах на золотых бляшках мы видим у всадника из семиреченского кургана Тенлик (усуньское время), высокие прямые колпаки типа *saka-tigrahañda* – на шаманах или демонах «сян» каргалинской диадемы (рис. 2–3). Те перь головной убор стал признаком представителей верховной власти государства. Он имел уже исключительно социально-идеологическую функцию.

Интересно, что высокие и неудобные конические колпаки вроде исыкского сохранились веками исключительно в консервативной сфере. Совсем недавно высокий прямой колпак (кюле или гюле, кулох) был ритуальным головным убором у сибирских, казахских, киргизских, среднеазиатских и монгольских шаманов (37). Параллели (а есть основания считать, что существовали и прямые связи) между шаманством и древней индоиранской религиозной практикой отмечались не раз (38). Казахские саукеле (39) связаны со свадебным ритуалом. Любопытно, что у некоторых посетителей Музея археологии АН Казахстана исыкский кулах вызывает ассоциацию именно с саукеле. Саукеле обычно имело вид конуса, иногда усеченного, как и исыкский кулах, чаще всего крас ного цвета, лопасти-наушники, нередко шлейф сзади, закрывающий шею. Спереди саукеле обшивалось бляхами: розетками, листиками, монетками, а также украшалось пучками перьев лебедя или филина и растительным орнаментом. Его носили со дня свадьбы до рождения первого ребенка (40).

Сходство исыкского кулаха и саукеле привлекает внимание особенно потому, что у многих народов коронация бывает терминологически близка к бракосочетанию.

Исыкский головной убор являл сакральную модель космоса,

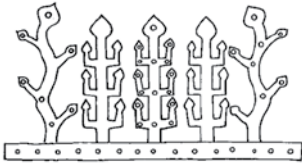
организованного мифологического пространства и времени. На нем в сжатой, но емкой форме отражена концепция мироздания – стержень идеологии саков Семиречья, оставивших курган Иссык. Это был племенной символ веры. Возложение головного убора на вождя, поднимавшее его до уровня божества, прокламировало его божественное избрание. Все изображения на шапке: крылья, звери – инкарнации богов, растительные и геометрические орнаменты – служат пропаганде племенной идеологии. Соответствующие догматика и обряды в азиатских «варварских империях» эпохи эллинизма вовсе не во всем были заимствованы из практики государств древнего Востока (Бактрия, Хорезм, Парфия, Иран и т.д.); иссыкские материалы доказывают, что они стали этапом развития теократической концепции власти и культа племенного вождя стадии военной демократии и сложения союзов племен. Значения сако-юечжийских корон были сходными, как сходны были символы, которыми они украшались. Они отражали три традиционные формулы теократии: 1) владыка народов волею божьей; 2) подобный богу; бог-«медиатор»; 3) властелин четырех сторон света.

Для мифологического мышления ассоциация социокосм (государство или, ранее, союз племен) и макрокосм была естественной. В идеологии племени и государства вождь или царь провозглашался центром мира и образом Народа, а его корона соответственно обладала функцией и этнического индикатора, как тамга, герб, эмблема (41). Соответственно развитию государственного аппарата развивалась иерархия инвеститурных символов – различных частиц той божественной сущности, которой была главная корона царя. Может быть, эта иерархия первоначально была повторением субординации инвеститурных символов в структуре племени или союза?

Для пояснения вышеуказанных тезисов остановимся на типологических и семантических параллелях символов на иссыкском головном уборе.

Если как признак нашего головного убора выделить ореол

1

2

3

рисунок 6.

золотых солнечных стрели и крыльев, то он отвечает иконографическому канону образов солярных богов, в соответствии с которым одевались служители их культов (42). Так, например, изображен Митра на перстне-печатке из Иссыка. Если взять в качестве основного признака иссыкского головного убора изображение на нем картины организованного космоса, то с ним окажутся изоморфными, например, конические головные уборы или прически в неолитической антропоморфной скульптуре Хаджилара (Анатолия). Скульптурки, изображавшие богинь

земли, в своем строении моделировали вертикальную космограмму, т.е. выражали контекст Мирового дерева; аналогичную семантику имела, например, золотая диадема шумерской царицы Шубад с фигурками мифических животных и Мировым деревом (43); навесы ритуальных головных уборов у китайских императоров (44). По сходству головного убора космограммой к «Иссыку» близки и скифская царская тиара из Чертомлыка, и пектораль из Толстой могилы (45), многие сако-юечжийские корона эпохи эллинизма и короны Бильге-кагана, просходившего из тюрков Ашина (рис. 5, 1,2). Последние и головные уборы кушан, сасанидов и эфталитов дают ближайшие аналогии символам на иссыкском кулахе.

Изображениям корон на монетах, фресках, произведениях торевтики и анализу письменных сведений об инвеститурных символах посвящено много работ (46). С.П. Толстов указывал на взаимосвязи типов корон в виде зверей и птиц у династов Средней и Центральной Азии, Индии и Ирана со времен «штурма Бактрии» до эпохи сасанидов. Он полагал что наиболее ранние

короны возникли на юечжийской основе, они были простыми, как например, кулах в виде головы птицы на керамической фляге из Кой-Крылган калы (47). Такие уборы распространились с парфянского и кушанского времени и особенно с III в. н.э. (48). Находка в Иссыке доказывает, что инвеститурные кулахи и короны «варварских государств» – это головные уборы сакских племенных вождей, репрезентирующие уже государственную идеологию. В эпоху эллинизма они попросту стали широко «тиражированными» монетным чеканом. По выражению Г.А. Кошеленко, монета служила «средством пропаганды определенных идей... Вся система символов, помещенных на монете, отражала определенные идеологические концепции...» (48). Изображение владыки в короне сакрализовало монету. Корона, кулах или инвеститурные эмблемы на монете играли ту же роль, что и герб страны. На участие саков Семиречья в этнических процессах, приведших к сложению сако-юечжийских государств, помимо аналогии «иссыкскому письму» в кушанской Дашт-и Навурской трилингве может указывать тот факт, что центральный солярный символ на иссыкской шапке в виде протомов коней с четырьмя стрелами, возможно, является изобразительным «дешифрующим» прототипом тамги – «царского знака» Великих Кушан.

Широкие соответствия символики на различных коронах династов сако-юечжийского происхождения доказывают и их этногенетические связи и сходство религиозно-мифологических представлений, сложившихся на общей индоиранской основе. С другой стороны, они отражают единые пути социально-политического развития. Закономерно, что в новых империях, где к власти приходили вожди сакских племен и союзов, племенная реликвия (церемониальный головной убор) становилась общегосударственным символом. Это хорошо характеризует родо-племенные пережитки в сако-юечжийских государствах. Династы помнили о своем происхождении, а функции управления монополизировались представителями сако-юечжийских родов и племен. Китайские хроники сообщают, что владетели из Юйтянь

Корона из Тилля-тепе

(Хотан), Гуйцы (Куча), Сулэ (Кашгар) и Цао (дом юечжей Чжаову) восседали на тронах в виде золотых коней, львов, носили золотые шляпы в виде зверьков, львов, рыб. Аналогичные короны, как недавно выяснилось, носили и тюрки Ашина (49). Эти описания корон и кулахов известны нам

по многочисленным изображениям эпохи эллинизма.

Иссыкский головной убор позволяет по-новому взглянуть на происхождение так называемой «орлиной короны», известной в Хорезме, Парфии, Согде, у кушан (Канишка, Васудева) и сасанидов (50). Такие короны, а также обычай зооморфных наверший на головных уборах существовали в Согде долгое время, о чем мы можем судить по изображениям на фресках Варахши, Пенджикента, Кизила и Кучи (51). Б. И. Вайнберг считает, что «орлиная корона» хорезмийского происхождения. Из Хорезма она заимствована кушанами, а от поздних кушан или от царей Хорезма и Парфии ее перенял сасанид Шапур I (52).

Как показывают материалы кургана «Иссык», обычай украшать короны вождей изображениями орлиных крыльев был у саков Средней Азии и Казахстана уже в IV в. до н.э. «Иссык» – не единственный памятник такого рода (53) (рис. 1). Очень близки к иссыкским, а соответственно к сако-юечжийским крылатым кулахам и золотые изображения корон из гробниц ванов государства Силла (Корея, I в. до н.э. – VII в. н.э.). Короны надевались на колпак, на котором изображалась пара ажурных крыльев, предназначенных для полета вана в иной мир (по корейской Самбук саги и Саньго

чжи – китайской династийной хронике «История троецарствия»). Короны украшались подвесками в виде рогов оленя или в виде деревьев (корона из царской могилы Kinkan-Tsuka (Золотой короны) в Южной Корее). И.Вернер справедливо считает короны Силла каким-то образом связанными с эмблематикой хунну. Характерно, что похожие короны носили знатные сарматы и даюечжи (материалы некрополя юечжей в Тилля-тепе, Афганистан). На некоторых из них Древо мира, как и в Иссыке, «растет» из спины протомов козлов (54) (рис. 6, 1–3). Золотые изображения крыльев украшали и тиары скифских царей (Чертомлык). Таким образом, происхождение «орлиных корон» у скифо-сакских и иранских народов, скорее, имело общую идеологическую основу, тогда как иконическое своеобразие «орлиных корон» сако-юечжийских династов намекает на их единое происхождение. Иссыкский кулах является одним из прототипов «орлиных корон».

Птица или ее перья, крылья и т.п. на коронах везде были связаны с идеей божественной инвеституры и ролью царя-жреца как посредника между людьми и миром богов. В древнем Египте солнечный бог Хор – покровитель фараонов изображался в виде парящего крылатого диска (55). Этот символ в Месопотамии стал царским штандартом. В Атхарваведе (АВ, III, 3) царь сравнивается с летящим соколом, а Геродот (56) приводит легенду о сне Кира, увидевшего будущего царя Дария парящим на крыльях, тень от которых падала на Азию и Европу. Если вспомнить, что ахемениды изображали Ахура-Мазду в одежде царя, причем, иногда фигура его выступала из солнечного крылатого диска, становится ясно, что и ахемениды считали крылья солнечной птицы и полет знаками божественной инвеституры. Как показывает Э.Херцфельд, у ахеменидов изображение царя под крылатым осеняющим его диском соответствовало идее царь *vašna* *Oramazdâha* волею бога, в тени бога.

Аналогичный символизм у царских зонтов (с Саргона до абассидов и до сих пор в Индии) (57). Хотя формула *vašna ahuramazdâha*, многократно повторяющаяся в надписях Дария и

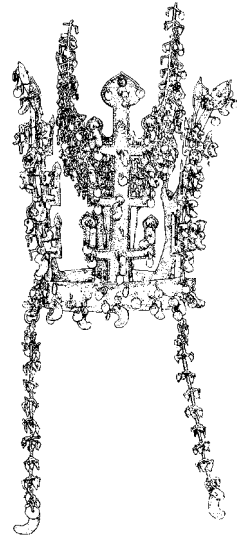
Ксеркса, не встречается в Авесте (58), сама теистическая идея царь – бог или персонификация его воли, несомненно, существовала у ираноариев, причем у них она строго связывалась с идеей порядка – артой (ашой). У ахеменидов орел стал штандартом царя (59). В Шахнамэ (60) имеется любопытный эпизод из сновидения Кей-Ковада (Кави Усана Авесты, Кей Кауса зороастрийской литературы на пехлеви), одного из царей, обладавших хварном. Кей-Ковад увидел, как два сокола увенчали его царским венцом. Согласно Шахнамэ он посторил «аэростатический трон» в виде помоста с 4-мя золотыми копиями по углам. К остриям копий были привязаны ляжки баранов, а к углам трона – 4 огромных орла. Орлы рванулись к пище, и трон поднялся в небо. Точная «дешифровка» всей композиции на иссыкском кулахе! Интересно, что этот мотив повторяется в византийских легендах о полете Александра. Сходные мотивы, видимо, общеиндоевропейские и, конечно, не удивительно, что они известны во многих сказках центральноазиатских народов. Вообще же символика орла как царской птицы охватывает не только Хорезм, Парфию, Согд и Средний Восток (61), но и Сибирь (62), Восточный Туркестан (63), многие другие районы мира вплоть до Южной и Северной Америки (64).

У иранцев, в частности саков, птичьи крылья и перья на царских коронах, очевидно, отражают концепцию хварна, ведь в Авесте (65) хварн отлетает от первоцаря солнечного Иимы в образе птицы Варган. Тождество корона хварн было утвердившимся. Хотя Р.Гёбль сасанидскую корону с орлом связывает с Анахитой, В.Г. Луконин – с Вретрагной и птицей Варган, Б.И. Вайнберг – с Митрой, а А.М. Беленицкий птицу, венчающую царя на фреске из Пенджикента, считает эволюцией Ники и орла Зевса (66) – в любом случае корона должна была связываться с инвеститурной догматикой хварна.

С большей уверенностью можно видеть в зооморфных изображениях на коронах образы индоиранского пантеона, но полиформизм их инкарнаций не позволяет однозначно ответить

на вопрос, какому божеству соответствует какая форма короны. Доказано только то, что у сасанидов и ахеменидов зубчатая корона была символом Ахура-Мазды, а лучистая – Митры. Золотые стрелы на иссыкском кулахе, помимо прочих значений, являли лучи солнца. В зороастрийской символике нимб или лучи вокруг головы Митры означали именно лучи солнца, символизирующие авестийское *čista* – проявление порядка и Религии. *Čista*, вероятно, проявлялась в виде разных животных, особенно птиц – *varagna* инкарнации Веретрагны (*Vrθragna* – Яшт XIX, 35) и в виде Сраоша. Авестийские *Sraoša* или *Čista* и *Rašnu* фигурируют как спутники Митры. Лучистой (солнечной) короной во время праздника Михраган (ср.-перс. *mithrakâna*) венчались сасаниды, что символически означало идею: царь – Митра на земле (67) и царь – *artâvâ* или *ašava* – ‘причастный к арта или аша’, т. е. к праву, правде – порядку. Символика корон входит в солярные циклы, а корона отражает концепцию власть – порядок, «харизма власти». Различие символов, по мнению В.Г. Луконина, могло соответствовать иерархии власти; царь жаловал специальные головные уборы как знаки достоинства и степени знатности приближенного (68).

Иссыкский инвеститурный головной убор с солярной символикой отражает идею хварна, а фигурка золотого барана на его конце была широко распространенным символом Митры и хварна у североиранских народов (69). В то же время кулах выражает локализацию вождя в центре мира, ассоциируется с Древом мира, Горой или Варой (70). Символическая структура хварна оказывается созвучной организации макрокосма. Интересно, что в Авесте небесные космические горы *Nara Varesa* окружают хварн со всех сторон, как скорлупа яйца.

Корона Силла

Диаграмма Вселенной на сако-юечжийских коронах и коронах государств Азии эпохи эллинизма может быть закодирована в образах зверей и птиц – солярных инкарнаций. Царь в короне, таким образом, ассоциировался с Мировым деревом и его эквивалентами: Гора, Столб, Ось мира, полет птицы вверх, движение солнца, огня. Согласно Бундахишну (GB, VB, 55.3), обращение солнца подобно короне вокруг мира. В цикле мифов о Митре он заставляет Солнце носить лучистую корону, в митраистских мистериях, отражавших прежде всего индоиранскую идеологию, его кулах ассоциируется с небом или мировой горой, оплодотворением и другими процессами и явлениями, образно выражающими идею единства дифференцированного космоса. Один из распространенных образов единства – полет птицы. В образе птицы спускается на царя сверху хварн, но орлиная корона означала и способность владыки к полету, поднимавшему его над народом (ср. эпитет «Высочество»). С полетом или движением по Мысленну древу ассоциировались, например, действия шаманов и жрецов во время камланий или подобных литургических действий.

Космология освящала царскую власть, а сам царь персонифицировал социальный организм (племя, союз, государство). Его власть в теологическо-историческом аспекте как выражение социальной централизации трактовалась равнозначно явлению космического масштаба – упорядочению, и в этом смысле хварна перекликается с *šta – arta/aða*.

Царь – Генеалогическое древо, царь (или его действия в церемониях) – Мировое древо, царь – *axis mundi*, царь – территория и царь – бог – эти соотношения отвечают нормам последовательных семантических переносов в логике первоначально мифологического сознания, а потом – теократической и космократической идеологии с ее формулой – «мантрой»: «я – царь царей, бог; царь четырех сторон света». Уже у племенного вождя, захороненного в Пазырыке 3, был головной убор с золотым навершием в виде четырех крестообразно расположенных зубцов (71). Зубцы на коронах часто связываются только с архитектурным декором (мерлоны) (72).

Такую корону, по античным представлениям, носила богиня Великая мать:

Голову ей увенчали венком крепостным,
указуя,

Что защищает она города на местах
неприступных. В этом уборе теперь проносят по целому
свету, Ужас вселяя везде, божественной матери образ.

(Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1958, II, 595 – 613).

Венец Великой матери, таким образом, символизировал космос, а поскольку защищено может быть только сакрализованное и организованное по космическим закономерностям, то и архитектурные конструкции в древности строились по принципу «янтры». Интересно, что в мерлонообразной короне, согласно Яшт 5, 128, изображалась Анахита, которая, возможно, является иранским дериватом переднеазиатской богини земли-матери. Мерлоны нередко встречаются на коронах эпохи эллинизма Средней и Передней Азии и, видимо, символизируют 4 угла света и упомянутую выше формулу – «мантру», что было и лигатурой индоиранской идеи царь = *rtāvan* 'праведный'. На коронах сасанидов между четырьмя углами иногда помещен шар (73), символика которого, возможно, связана с существовавшими в зороастрийской и ведической догматике представлениями о космическом яйце – образе единого рождающегося мира (74). У иранцев божественное правление царя приравнивалось к блеску (*šīhr*), а египтиара ассоциировалась с небесной стеной (мировые горы) и с лучами солнца. Эта концепция ярко воплощена в орнаментах сакского головного убора из кургана «Иссык». В Махабхарате свет солнечных лучей приравнивается к космическому могуществу: они проникают во все стороны. Иранцы в одежде царя видели символ его власти над космосом.

Символика иссыкского головного убора сочетает тезис о сопричастности вождя к космологическим процессам с системой образов сакской мифологии. Он имел инвеститурные, церемониальные и культовые функции. Смерть и погребение

вождя, рассматривающиеся как проявление медитации: перенесения или рождения в новом мире, на небе (75), – эти события (вернее, связанные с ними мифологемы и ассоциации) уже «запрограммированы» семантическим полем символов инвеститурного головного убора. Нет оснований считать его исключительно погребальным. Вождей саков, как и ахеменидских царей, хоронили в своих коронах. Новый вождь в ритуалах «божественного избрания» получал новую корону и хварн, созданную по принципу мандала или соответствующую идее рита /арта.

Таким образом, сакские военные головные уборы с развитием государственной теократической идеологии приобретают пышные сакральные атрибуты, отражающие роль сакских царей в государстве. Иссыкский кулах – бесспорное свидетельство существования у саков идеологии, освещающей власть. Как и иссыкское письмо, он указывает на высокий уровень социального развития саков уже к IV в. до н.э. Судя по этим же данным, сакские вожди совмещали и светские и религиозные функции, поэтому еще раз обратимся к экипировке шаманов. Их шапки, часто конические, украшались перьями и когтями орла, филина, лебедя, амулетами в виде рогов барана, козла и оленя. Перья «окрыляли» шамана, помогая ему достигать небесного мира и в галлюцинациях общаться с духами (онгонами, тенгриями, джиннами, пери). По головному убору подчас можно различить этническую принадлежность шамана. Некоторые шаманские шапки, например из Восточной Халхи (Западная Монголия), удивительно схожи с кулаками зороастрийских магов и сакских вождей-жрецов (Иссык). Некоторые даже имеют забрало из черных висюлек. Конические шапки носили среднеазиатские шаманы – дуана. На шаманских шапках мы видим те же детали, что и на иссыкском кулахе, на коронах среднеазиатских, сако-юечжийских династов. Казахские бақсы при камлании призывали на помощь духов в образе орлов, тулпаров и четырех коней разной масти (76). Около 2,5 тыс. лет тому назад у саков Семиречья четыре золотых коня – солнца «поднимали» вождя во время литургии.

Превратившись в золотую птицу, он возносился к обители богов, связывая тем самым Землю и Небо, олицетворяя, собой арту, являя своей деятельностью образец космического порядка.

Комментарии

1. Акишев К.А. Курган «Иссык». М., 1978. В реконструкции А.К. Акишева есть незначительные отличия (См. Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья. Автореф. дис. канд. истор наук. Алма-Ата, 1980); он же. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
2. Термин кулах принят условно. Kulâh – шапка в зороастрийском пехлеви и новоперсидском (келе, кюло, гюлѐ, кулох – остроконечная шапка в совр. тюрк.). Видимо, это диалектная форма от «шапка». Старое написание известно из надписи Картира в Кааба и Зардушт – kul'ру – шапка. Греч. Карбасиа. Более позднее kulâf (см.: Bailey H. W. *Ariana «Orientalia Suecana»*. Uppsala, 1955, p. 9, 10) перешло в тюркские. В казахском кулакшын – ушанка, колпак. Греки передавали древнеперсидское наименование мидийской шапки как $\chi\rho\rho\beta\alpha\sigma\iota\nu$, *kurbasia* – восходит к *kurpâsa* (Ibid, p. 11). Вероятно, *kurpâsa* у иранцев назывался головной убор типа куль-обского с лопастями для прикрытия щек. Этот термин будет употребляться нами для обозначения похожего головного убора из кургана Иссык.
3. Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья // КСИА, М, 1978, № 154.
4. Акишев А.К. Искусство и идеология саков Семиречья. Автореф. дис. канд. истор. наук. Алма-Ата, 1980.; Захарова И.В., Хаджиева Р.Д. Казахская национальная одежда XIX – начала XX века. Алма-Ата, 1964, с. 110–114.
5. Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник, вып. 3. Л., 1961, рис. 8, а, б; 10 а, б; 11, 12; Курьер ЮНЕСКО, 1977, январь, с. 26–27.
6. Реконструкция иссыкской шапки очень точна благодаря уникальной сохранности всех деталей *in situ*, которые располагались в соответствии с формой и с конструкцией шапки, в качестве образца были взяты изображения из Персеполя и с Бехистунской скалы.
7. Эта деталь (например, лента у основания тульи современных шляп) очень древнего происхождения. См.: Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с.137.
8. King L.W., Thompson R.C. *The Sculptures and Inscription of Darius Great on the Rock of Behistun in Persia*. London, 1907, pl. XVI, N 5; Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.- Л., 1956, рис. 43, с. 249; Ghirshman R. *Perse. Protoiraniens, Medes, Achemenides*. Paris, 1963, p. 129–237;

- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973, рис. 3-5; Дандамаев М.А. Иран при первых ахеменидах. М., 1963, с. 269; Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 52.
9. Струве В.В. Этюды по истории..., с. 56, 109.
10. Геродот. III, 92.
11. Геродот, VII, 64.
12. Струве В.В. Этюды по истории..., с. 56.
13. Боровка Г.И. Женские головные уборы Чертомлыкского кургана // ИРАИМК, т. 1, с. 169–193.
14. Pone A.U. Persepolis as a Ritual City // *Archaeology*, 1957, 10, p. 123–130; Duchesne-Guillemin J. A la recherche d'un art mazdéen // V Congress of Iranian Art' and Archaeology. Teheran, 1972, p. 265–270; Уилбер Д. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977, с. 94–95.
15. Оглохтинская писаница, которую Н.Л. Членова сопоставляет с изображениями саков-тиграхауда. См.: Вяткина К.В. 1961, с. 193, рис. 1; Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 193; она же. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М, 1967, с. 142. Ср. также оленные камни из Алтая и Монголии.
16. Bailey A.W. *Ariana. Orientalia Suecana. Uppsala, 1955, II. Equipment.*
17. Dalton O.M. *The Treasure of the Oxus With Other Objects from Ancient Persia and India London, 1905, p. 50.*
18. Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967; Леонтьев Н.В. Наскальные рисунки Коровьего Лога (к вопросу о периодизации антропоморфных изображений окуневской культуры) // Известия Сибирского отделения АН СССР, 11, вып. 3, серия общественных наук, 1976, с. 128–136, рис. 2, 5, 4, 3.
19. Meyer G.R. *Durch vier Jahrtausende alt vor der asiatischer Kultur. Berlin, 1962 t. 3;* Weber Q. *Die Kunst der Hethiter. Berlin, s. a., taf. 46, 14;* Zimmer H. *The Art of Indian Asia. Its Mythology and Transformations, vol. I - II. Bollingen series XXXIX, Kingsport, 1955, p. 42–43, fig: 1.*
20. Боровка Г.И. Женские головные уборы Чертомлыкского кургана, с.169–192.
21. Дьяконов И.М. История Мидии..., с. 249, рис. 40; Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977, рис. 71. В высоких остроконечных шапках изображены колесничие на рельефе ситуды (рис. 5–1) из Куффарна. Хотя ситуда обнаружена в гальштатском могильнике, вероятно ее этрусское происхождение. См.: Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.с. 41, рис. 21.
22. Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов // СА, 1977, № 3, с. 79–94.
23. Dalton O.M. *Op. cit.*, p. 48f.
24. *Ibid*, pi. XIII, N 48, 49, p. 94–95, pi. XIV, N 51, 69, p. 97, N 70, 74, p. 97–98, N 75, p. 98; Ghirshman R. *Op. cit.*, fig. 120, p. 90–94, 245–250, fig. 121.
25. Dalton O.M. *Op. cit.*, pl. XIV, N 84, p. 99.

26. В Авесте встречается термин *kuris*, означающий защиту для шеи, пристегивающуюся к шлему сзади и спускающуюся до панциря. См.: Bailey H.W. *Op. cit.*, p. 8. Видимо, *kurit* происходит от слова, обозначающего язык кулаха или башлыка, армированный броней. *Kurit* - восьмой атрибут в списке 12 частей снаряжения зороастрийского воина. Видевдат, 14.9; Herzfeld E. *Zoroaster and His World*, vol. I–II. Princeton, 1947, p. 786.
27. Dalton O.M. *Op. cit.*, pi XIV, N 69, 75, XIII, N 49; Ghirshman R. *Op. cit.*, fig. 120–121. Г.В. Бэйли переводит авестийское *raitī* – *dāna* как «защитная броня под панцирем» (*zrç*). См.: Bailey H.W. *Op. cit.*, p. 6, тогда как О.М. Дальтон усматривает за этим термином повязку для рта, т. е. забрало. См.: Dalton O.M. *Op. cit.*, p. 46–47. Страбон при описании войлочных тиар у персидских жрецов в Каппадокии упоминает и нащечники, закрывающие даже губы (Strabo, XV,III)
28. Dalton O.M. *Op. cit.*, p1. XIII, N 48, 49, XIV, N 70.
29. *Ibid.*, p. 46 - 47.
30. Widengren G. *The Sacral Kingship of Iran // La Regalia Sacra*. Leiden, 1955, pp. 253–254.
31. Dalton O.M. *Op. cit.*, p. 52.
32. Ксенофонт. Киропедия, VIII, III, с. 13.
33. Widengren G. *Op. cit.*, p. 242–258.
31. Zaehner R.C. *The Dawn and Twilight of Zoroastrianism // History of Religion*, London, 1961, fig. 24; Campbell L.A. *Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden, 1968, p. 23 f.
35. MLA:Wroth, Warwick. *Catalogue of the Coins of Parthia*. London, 1903.
36. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 65, Ж; Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с. 52.
37. Владимиров Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Вып. II. Л., 1927, с. 26–27; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946, с. 195; Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН Казахской ССР, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, с. 31; Абрамзон С.М. К характеристике шаманства в старом быту киргизов // КСИЭ, вып. XXX. М., 1958, с. 145–146; он же. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 313.
38. См., например: Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1974.
39. Аналог у киргизов – шокуло, куле, гюлё, у узбеков – кулох, у каракалпаков – саукеле, у кундууровских татар, удмуртов – айшон, мордвы – турка и панга, чувашей – хушну, башкиров – кашмау и каляпуш.
40. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда..., с. 110–114; Касиманов С. Қазақ халқының қол өнері. Алматы, 1969, 187–189.
41. Многие исследователи полагают, что изображения в зверином стиле

имели функцию этно-социальных индикаторов. См., например: Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, с. 58; Грибова Л.С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975. Функция этносоциального символа объясняет длительное переживание в культурах некогда тотемных образов. См. подробно: Lévi-Strauss C. Le totemisme aujourd' hui. Paris, 1962.

42. Афанасьева В.К., Дьяконов И.М. Об основных этапах развития изобразительного искусства древнего Шумера // ГЭ, т. V. Л., 1961, с. 14, 15, рис. 8; Barnett R.D. Assyrische Palastreliefs., Prague, taf. 54; Zaehner R.C. Op. cit., fig., 24; Campbell L.A. Op. cit, p. 101, 103, 134; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 84; Он же. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 155–156; Он же. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 180; Апулей. Метаморфозы. XI, 24, 29; Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.–Л., 1963.

43. Вулли У. Ур халдеев. М., 1961, с. 68; Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977, с. 78–113, табл. XVI, XVII.

44. Они совмещали круг и квадрат – символы единения Неба и Земли. См. Сычев Л.П. Китайский декор как часть единой системы космологических символов // Научные сообщения ГМИИВ. Вып. IX. М., 1977, с. 124.

45. Курьер ЮНЕСКО, 1977, январь, с. 19, 24. Здесь запечатлена «проекция» вертикальной схемы на горизонтальный «срез».

46. Herzfeld E. Kushano-Sassanidan coins // MASI, Calcutta, 1930, N 38; Erdman K., Die Entwicklung der Sasanidische Krone // Ars Islamica, VI, Pans, 1951, Göbl R. Investitur im sasanidischen Iran // Wiener des Morgenlandes, Bd. 56, 1960; Jänichen H. Bildzeichen der Koniglichen Hoheit bei den iranischen Volkern // Antiquitas, Reihe , Aza G., Bd. 3; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана, с.177–180, табл. XVIII; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977 и др.

47. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 177, рис. 65.

48. Кошеленко ГА Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971, с. 212.

49. Бейшу, гл. 97, 147; 160–161, 163, 189; Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950, с.247, 256, 258, 276; Т. III. М - Л., 1953. с. 147, 160, 162, 183, 186, 188; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 175, прим. 3.

50. Вайнберг Б.И. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки // ВДИ, 1962, № 1, с. 128; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана, табл. XIX а.

51. Шишкин В.А. Варахша. М., 1963, табл. XIV; Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, с. 32; Werner J. Nomadische gürtelbei. Persern Byzantinern und Langobarden. Problemi Attuali Di Scienza e Di Cultura, Roma, 1974, s. Г14, abb. 4, (1); 3.
52. Вайнберг Б.И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 128–129, прим. 17.
53. Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973, с. 189–190, рис. 241.
54. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila Reiches B. Tafelteil. Munchen, 1956. taf. 32, 2a, 66. 3; Глухарева О.Н. Ювелирное искусство Силла // Корейское классическое искусство. М., 1972, с.30–37, рис. 5, 6.
55. Сказки и повести Древнего Египта. М., 1956, с. 29, прим. 2; Carter H. The Tomb of Tomb of Tutankhamen. London, 1972, p. 214.
56. Геродот, I, 205–215.
57. Curt. III, 3, 16; Herzfeld E. Op. cit, 1947, p. 817.
58. Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 142.
59. Ксенофонт. Киропедия, I.IV, 1–2; II.IV, 19–20; VII.I, 3–4, VIII.VII, 6–7; он же. Анав. I, 10, 12.
60. Фирдоуси. Шахнамэ, I, 10442–10446.
61. Вайнберг Б.И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 128.
62. Штернберг К.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с.112–116.
63. Williams C.A. S. Outlines of Chinese Symbolism. Peiping, 1931, p. 141.
64. Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 317; Серов С.Я. Динамика этногенетического мира инков // Этническая история и фольклор. М, 1977, с. 48–50.
65. Яшт 14, 36; 19, 34 - 35: Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London – New York, 1941, p. 296; Вайнберг Б.И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 127–128; Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 53–54.
66. Göbl R. Op. cit., s. 37; Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 155–156; Вайнберг Б.И. Ранняя хорезмийская монета..., с 128, прим. 11; Беленицкий А.М. Новые памятники..., с. 32.
67. Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 155–156; он же. Искусство древнего Ирана М., 1977, с. 180; Zaehner R. C. Op. cit., p. 139 f.; Campbell L. A. Op. cit., p. 103 - 104, 134; 185 - 188; Топоров В.П. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология, 1967. М.,1969, с. 16.
68. Луконин В.Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с 52–53.
69. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Баран как символ хварна изображен на шлеме сасанидского шахиншаха Шапура II. См.: Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана, М., 1977, с. 210.
70. Конус и столб – обычный образ оси Вселенной в диаграммах типа «мандала»

от сакских курильниц типа «бо-шань-лу» до, возможно, баз зороастрийских алтарей огня, тем более что в индоиранской религиозной литературе и литургиях огонь - эсхатологический первопринцип Вселенной. На митраистских рельефах Митра обычно носит фригийскую шапку-небо (См.: РВ, III, 1, X, 45; Darmesteter, SBE, IV, p. 115; Campbell L. A. Op. cit., p. 23, 178; Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 7–18.

71. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л., 1953, с. 113–1, 4, табл. ХСVI, 2.

72. См., например: Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966, с. 209; Пугаченкова Г.А. Халчаян [текст]: к проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, с. 51.

73. Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана, табл. I - XXI.

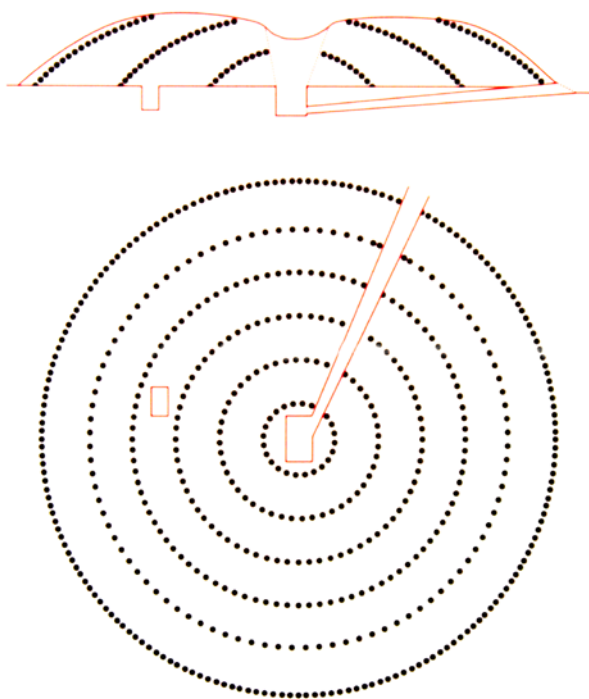
74. Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 60–67.

75. О хтонических и эсхатологических представлениях у индоиранцев см.: Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений ... с. 7–18

76. Диваев А.А. Из области киргизских верований. Баксы как лекарь и колдун. Казань, 1899, с. 15–16; Чеканинский И.А. «Баксылык». Следы древних верований казаков // Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казахстана. Т. 1. Семипалатинск, 1929; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань..., с. 195; Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири // Труды Института этнографии АН СССР, т. XXII. М.–Л., 1954, с. 94–97, рис. 85, 88–94, с. 158, рис. 52, с. 159, рис. 54, с. 686, рис. 133; Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы. Алма-Ата, 1951, с. 31, Вайнштейн С.И. Тувинцы-таджены. М., 1961, с. 184; Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 282–283; Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. М., 1893, с. 46; Ильясов С. Пережитки шаманизма у киргизов // Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, вып. 1. Фрунзе, 1945, с. 182.

Глава 2

История открытия «Золотого человека»: мифы и реальность

Е.А. Джасыбаев

Архивные материалы об истории открытия и изучения «Золотого человека»

В предгорьях Тянь-Шаня с поэтическим названием Жетысу (Семиречье) более 45 лет назад казахстанские археологи сделали сенсационное открытие – непотревоженное захоронение древнего царя. находка казахстанского «Тутанхамона» получила известность во всем мире под названием «Золотой человек». Место обнаружения уникальной находки – могильник Иссык является одним из крупнейших погребально-культовых памятников Северо-Восточного Жетысу, важным для изучения обряда погребений, мировоззрения и идеологии кочевых племен Семиречья с VII в. до н.э. по XI в. н.э. Он характеризует социально-экономическое развитие, материальную культуру, быт, верования и образ жизни сакских племен. Погребальные сооружения могильника Иссык дают также наглядное представление о развитой социальной иерархической структуре древних кочевников Жетысу, содержат ценную информацию об образе жизни далеких предков казахского народа.

В отношении темы «Казахстанского Тутанхамона» нельзя оставить в стороне связанный с ним «шлейф» легенд и мифов, которые, на первый взгляд, мешают формированию объективного взгляда на историю. Одним из загадочных и интересных моментов в истории обнаружения и последующего изучения уникальной находки остается факт отсутствия комплексного антропологического исследования костных останков «Золотого человека», что порождает ряд домыслов о половой его принадлежности. В настоящий момент можно констатировать факт «жизни» «Золотого человека» в научном, культурном, музейном пространстве (6). Исходя из этого можно выделить и другие «слои» мифологизации. К примеру, «мифы» об истории обнаружения данной археологической находки, разные версии на

предмет причин, поводов, личности первооткрывателя.

Давайте предметно рассмотрим этапы исследовательских работ организованных отделом археологии Института истории, археологии, этнографии им. Ч.Ч. Валиханова в далеком 1969 году на основе «показаний» участников экспедиции и архивных материалов, отложившихся ныне в Республиканском государственном предприятии «Ғылым ордасы» (в прошлом АН КазССР). В указанном архиве было выявлено и изучено 81 дело в количестве 4122 листов за период с 1969 по 1980 гг. В особенности Фонд 11 – «Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР», Описи 1-Л, 1 – «Номенклатура дел дирекции института» и «Номенклатура дел работы института». Из всей массы материалов было отобрано для копирования 77 архивных листов.

Исходя из интервью участников экспедиции и повествования архивных документов предысторию работ связанных с открытием «Золотого человека» следует начинать с организации строительства в городе Иссык (ныне Есик) автоколонны № 2571. Иначе говоря, это были охранные раскопки в зоне нового строительства бывшей Иссыкской автобазы. Раскопки кургана, названного в последующем «курганом Иссык», в котором было обнаружено непо потревоженное царское погребение проводились в период с 1969 по 1970 годы.

О том как проходило археологическое обследование кургана Иссык, рассказывают очевидцы тех событий – это К.А. Акишев (видный казахстанский ученый, на тот момент руководитель отдела археологии, начальник экспедиции) и Б.Н. Нурмуханбетов (старейший археолог Казахстана, на тот момент младший научный сотрудник отдела археологии, начальник отряда проводившего охранные работы).

Касаюсь темы истории обнаружения и изучения «Золотого человека» в целом воспоминания К.А. Акишева и Б.Н. Нурмуханбетова соответствуют реальным событиям имевшим место быть сорок с лишним лет тому назад, кроме некоторых нюансов. Так, К.А. Акишев определяя время начала археологических работ по исследованию кургана Иссык, упоминает конец сентября 1969 г., в это время, как далее вспоминает ученый, к нему в

отдел обратился «начальник исыкской автобазы» с просьбой о сносе трех курганов, находящихся в зоне предполагаемого строительства новой автобазы. Б.Н. Нурмуханбетов отмечает в своих воспоминаниях, что в марте месяце 1969 года из кабинета К.А. Акишева «вышел некий человек приехавший из села Исык, как оказалось, являвшийся главным инженером автобазы», что послужило поводом к организации внеплановой экспедиции.

Из архивных документов мы узнаем, что дирекция автобазы действительно обратилась с соответствующим запросом в Академию наук КазССР, но не в октябре или марте, а в апреле 1969 г. На это указывает приказ дирекции Института истории № 54 от 21 апреля 1969 г., согласно которому в Исык были командированы младший научный сотрудник отдела археологии Б. Нурмуханбетов, инженер-фотограф О.В. Медведев и художник П.Сон сроком на 10 дней, фронт предписанных им работ состоял в «сносе двух курганов Исыкского могильника», основанием являлось письмо автотреста за № 305 от 16 апреля 1969 г. (Приказ № 54, к сожалению, текст указанного письма в фондах архива разыскать не удалось). Данный приказ также корректирует, описываемый в воспоминаниях Б.Нурмуханбетова, состав командированной с ним экспедиции. Он не упоминает О.В. Медведева и П.Сон. Срок командировки указанных сотрудников был продлен с 5 по 30 мая включительно на основе письма автотреста (Приказ № 60), поскольку, как пишет в своих воспоминаниях в 1984 г. Б.Н. Нурмуханбетов: «Темп в работе как-то спал. Техника либо ломалась, либо ее перебрасывали на другие «горящие» объекты» (5). 12 мая фотограф и художник из экспедиции были отозваны, они зачислялись в состав Отрарской археологической экспедиции (Приказ № 69). В Исыке видимо оставался один Б.Нурмуханбетов, который продолжал следить за сносом насыпи кургана. Касаясь событий 1970 года К. Акишев, как и Б.Нурмуханбетов, совершенно верно отмечают, что ранней весной – 2 апреля 1970 г. работы на кургане Исык были возобновлены. В данном полевом сезоне состав экспедиции состоял лишь из двух сотрудников отдела археологии – это упомянутый Б.Нурмуханбетов

и старший лаборант А.Амандыков (Приказ № 39). Шофер А.Паршин и два рабочих Стапаев С. и Утеулинов (в архивных материалах инициалы второго не обозначены) присоединились к ним уже после обнаружения непотревоженного царского погребения, а именно 16 апреля, о чем свидетельствует приказ дирекции института от 15 апреля 1970 г. В этом же документе особо отмечается основание командировки – «в связи с исключительной важностью находок в Иссыкском кургане». Примечательно, что расходы по производству археологических работ до середины апреля производились за счет автотреста. После обнаружения уникальной находки последующие исследования оплачивались за счет сметы Отрарской археологической экспедиции (Приказ № 47). Данный факт говорит о том, что охранные раскопки с этого момента приняли характер полноценного археологического изучения объекта, правда внепланово. Датой окончания работ на кургане Иссык, судя по архивным документам, можно считать 15 мая 1970 г. (Приказ № 62). Хотя другой очевидец тех событий, в ту пору студент 1-го курса КазГУ, ныне известный исследователь Алишер Акишев упоминает 22 апреля – как дату завершения археологических работ на объекте и перевозки всех материалов в Алматы, при этом отмечая, что в Иссике остается Б.Нурмуханбетов, который производя контрольную зачистку погребальной камеры, обнаружил под её плахами еще один золотой перстень, случайно закатившийся в основание погребения. Это свидетельство не противоречит архивным материалам, а наоборот дополняет документальные свидетельства. Ведь после транспортировки археологического материала следовал период рекультивационных и организационных работ по сворачиванию деятельности экспедиции. Касаясь вопроса о дате окончания работ на кургане Иссык, необходимо учесть и то важное обстоятельство, что к быстрому окончанию исследований руководителя и участников экспедиции толкали неудобства форс-мажорного характера. Все участники в своих воспоминаниях сходились в том, что археологические работы по разборке погребальной камеры кургана

Иссык и фиксации выявленных находок затруднялись ежедневным присутствием толп любопытствующих (жителей города Иссык и его окрестностей). Исходя из чего сроки исследования ускорились. Судя по воспоминаниям, работы начинались с раннего утра и продолжались до позднего вечера, когда в сумерках уже не возможно было что-то расчищать. Б.Н. Нурмуханбетов отмечает, что часть погребения снималась блоками и зачищалась уже в полевом вагончике (3). Исходя из чего можно предположить, что в сложившихся условиях, работы наспех были завершены уже к 22 апреля 1970 г.

К.А. Акишев вспоминает, что после его доклада президенту Академии наук КазССР о сенсационной археологической находке в Иссыке все участники экспедиции получили денежные премии, однако размер выделенных премий не уточнялся. Знакомясь с пожелтевшими страницами архивных дел мы действительно обнаруживаем Постановление президиума АН КазССР за № 88 от 14 мая 1970 г. и Приказ дирекции Института истории за № 70 от 25 мая того же года о премировании сотрудников отдела археологии открывших и исследовавших курган Иссык. Выделенно было 500 рублей, 200-ти из которых достались Б. Нурмуханбетову, остальным трём сотрудникам – инженеру-реставратору В.И. Садомскову, фотографу О.В. Медведеву и старшему лаборанту А.Амандыкову по 100 рублей (Приказ № 70). Данный документальный факт, в противовес многим доказательно недокументированным газетным статьям, подтверждает роль Б.Нурмуханбетова как первооткрывателя уникальной находки. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в указанных документах упоминаются имена сотрудников отдела археологии вроде бы не причастных напрямую к открытию века. Например, фотографа фиксировавшего моменты раскопочных работ и расположение артефактов в погребении и инженера-реставратора позже занимавшегося реконструкцией одежды «Золотого человека». Как мы могли наблюдать выше – эти имена не отмечены и приказами дирекции института за 1970 г. Здесь видимо документальные материалы не смогли отразить всю

полноту событий, да и это не могло произойти в силу того, что сухой язык ведомственных документов, в нашем случае приказов, не может рассказать о действительных масштабах работ проводимых в тот момент на объекте, ставшем позже исторически значимым в археологии Казахстана. Такой археографический казус имеет частое распространение в источниковедении – административные акты и постановления, в целом бюрократическая документация однобоко отражают череду событий пропуская перипетии «рабочих моментов», в нашем случае связанных с кадровым составом экспедиции и его изменением в ходе исследований на археологическом объекте. Данный ощутимый пробел восполняют воспоминания очевидцев. Руководитель экспедиции К.А. Акишев вспоминает, что в момент обнаружения неразграбленного царского погребения в Иссыке он находился в Алма-Ате, о сенсационной находке его известил Б.Нурмуханбетов, «в связи с этим, – рассказывает далее ученый, – в Иссык выехали срочно всей группой, включая, разумеется, и реставратора, и фотографа, и художников». Действительно, следуя методике проведения археологических работ, в случае обнаружения погребения, да еще такого масштаба, на раскопе должны обязательно работать упомянутые К.А. Акишевым специалисты, в противном случае исследование не даст никаких научно и практически значимых результатов. Помимо этого, необходимо отметить, что открытие было внезапным и не давало времени на раздумье или, иначе говоря, на оформление бюрократических проволочек связанных с официальной процедурой включения в состав экспедиции прочих необходимых специалистов. Может возникнуть вполне правомерный вопрос: почему же включенные произвольно в состав экспедиции, исследовавшей курган Иссык, сотрудники отдела археологии не были официально оформлены приказами института истории позже? Ответ очевиден. Как отмечалось выше, окончание полевых работ в Иссыке с каждым днем ускорялось, поэтому возможно руководителю отдела археологии, который постоянно находился на раскопе, просто не хватало времени на решение упомянутых

бюрократических вопросов. К тому же этого принципиально и не требовалось, большинство, если не все сотрудники в полевые сезоны прошлых и последующих после открытия «Золотого человека» годов работали в составе Отрарской археологической экспедиции (ОАЭ), исследовавшей ежегодно в основном городище Отрар, поэтому переброска специалистов на те или иные исторические объекты не всегда оформлялась юридически, достаточно было сформировать состав соответствующего отряда, такая процедура часто фигурирует на страницах архивных отчетов. Кроме того, всем специалистам ОАЭ по смете полагалась установленная денежная ставка полевых расходов. Поскольку, с 15 апреля 1970 г. расходы по работам на кургане Иссык осуществлялись за счет сметы «Отрарской экспедиции», оформление соответствующего приказа в принципе не требовалось. Процедура с оформлением приказов требовалась ранее, поскольку расходы производились за счет средств строящейся автобазы.

Документальные материалы архива РГП «Ғылым ордасы» во многом дополняют и уточняют воспоминания другого участника экспедиции исследовавшей курган Иссык, правда и примкнувшей к ней гораздо позже. Речь идет о Т.В. Воробьевой-Трифоновой, в 1970-м году молодого специалиста принятого на должность художника в отдел археологии Института истории АН КазССР. Вспоминая события тех лет, она отмечает, что буквально после выхода приказа об её назначении в апреле 1970 г. руководитель отдела археологии К.А. Акишев предложил юной девушке отправиться в экспедицию по исследованию сенсационной находки близ города Иссык, на что новый сотрудник охотно согласилась. Из отмеченных выше приказов Института истории видно, что в 1969 г. в составе экспедиции присутствовал художник П.Сон, который на тот момент являлся штатным специалистом в отделе. Благодаря отложившимся личным делам сотрудников отдела археологии в фондах архива мы узнаем, что П.Сон 5 августа 1969 г. уволился, а в начале 1970 г. 12 января на его место пришла Тамара Викторовна. Т.В. Трифонова рассказала об этапах последующего изучения артефактов обнаруженных

в ходе раскопок кургана Иссык, в частности об организации в отделе археологии отдельно охраняемого помещения – хранилища из которого Кималь Акишевич периодически выдавал золотые бляшки с одежды древнего царя и предметы из погребения для их отрисовки и зарисовки. Это также подтверждается документально. Действительно, Приказом дирекции Института истории от 4 декабря 1970 г. в отделе археологии было создано специальное хранилище – особое помещение для хранения золотых украшений из кургана Иссык. Доступ в который был строго ограничен, для чего специально вводилась пропускная система (Приказ № 176).

Справедливости ради, надо отметить заслугу инженера-художника Т.В. Воробьевой в деле реконструкции костюма и вооружения иссыкского погребения. Данными работами руководил талантливый реставратор, выше упомянутый нами В.И. Садомсков – ведущий специалист лаборатории археологической технологии, передового на тот момент подразделения Института истории, открытого в 1971 году. Уже в год открытия лаборатории Владимир Иванович отреставрировал и законсервировал около 1200 золотых бляшек, серебряных, деревянных, железных изделий обнаруженных в кургане Иссык электрохимическим, химическим и механическим способами (Отчет о научно-исследовательской работе за 1971 г., л.34). С начала следующего года в реконструкции костюма «Золотого человека» ему помогала Тамара Викторовна, производя полную графическую реконструкцию головного убора, кафтана, шаровар и обуви царственного юноши (Отчет о научно-исследовательской работе за 1972 г.). Об этом было рассказано в «Казахстанской правде» (1972) в статье «Курган раскрывает тайны». Кроме того протоколом заседания отдела археологии за 1973 г. отмечается природный талант молодой художницы в проведенной реставрационной работе материалов иссыкского захоронения (Протокол заседания от 21 марта).

Касаюсь судьбы костных останков «Золотого человека» (долгое время считавшихся потерянными, ныне хранящимися в фонде заповедника-музея «Иссык» и ждущих полного

антропологического обследования), необходимо упомянуть еще об одном интересном документе. Речь идет о протоколе заседания отдела археологии, датированном 16 марта 1972 г., на котором среди прочего был заслушан доклад руководителя отдела К.А. Акишева о предварительных итогах исследований богатого материала иссыкского погребения. После ознакомления с темой доклада ему были заданы вопросы. Приведем ниже наиболее интересные из них. На вопрос: «Дал ли что-нибудь для археологии сам скелет?» К.А. Акишев отвечает: «Восстановить его из-за плохой сохранности нет возможности, зато можно было установить принадлежность к мужскому полу, размеры». Анализируя данный процитированный ответ возможно предположить, что некое неформальное антропологическое исследование в тот период все же было произведено, в частности были сняты отдельные пропорции костей. Примечательно, что сотрудникам заповедника-музея «Иссык» не удалось отыскать в фондах архива «Гылым ордасы», в отчетной документации отдела этнографии (именно в этом подразделении работали в то время специалисты-антропологи) какого-либо официального документа подтверждающего обследование посткраниально скелета «Золотого человека». Общеизвестно, что в комплексе погребального инвентаря иссыкского захоронения было обнаружено среди прочего бронзовое зеркало (ныне экспонируемое в залах заповедника-музея «Иссык»), что является для ряда ученых аргументом в пользу женской принадлежности погребения. На заданный К.Акишеву вопрос: «встречались ли зеркала в мужских погребениях?», докладчик отвечает: «...ранее уже встречались зеркала в мужских захоронениях. В этом, как вы знаете, было зеркало. Кроме того, в левом ухе была обнаружена серьга» (Протокол заседания от 16 марта, л.20). В данном высказывании К.Акишев вновь указывает на мужскую принадлежность погребенного. После заданных вопросов и ответов на них докладчика, в протоколе отражено обсуждение упомянутого доклада. Среди выступивших сотрудников отдела археологии на том заседании интересно мнение археолога А.Г.

Максимовой, приведем его полностью: «Мне бы хотелось видеть в этом захоронении женщину, хотя антрополог Исмагулов О. склонен считать череп мужским. Но череп полностью не сохранился. К мысли, что захоронение женское, меня наталкивает и головной убор сакелек (видимо речь идет о традиционном казахском женском головном уборе саукеле), и отсутствие стрел, колчана. Антропологи ведь тоже могут ошибаться, хотя бы изредка. Но в целом – эта находка гордость нашей казахстанской археологии, нашего отдела» (Протокол заседания от 16 марта, л.22). Данное выступление вновь подтверждает наличие устного заключения, озвученного в тот период антропологами. Весомым доказательством в пользу этого также может служить краткое упоминание возраста и степени метисации погребенного царя, приводимое К.А. Акишевым на страницах своего монографического исследования посвященного кургану Иссык. Правда здесь автор в отличие от доклада отраженного протоколом 1972 г. не характеризует погребение как в целом мужское, ограничиваясь термином «захороненный» (1). В указанном капитальном труде, безусловно внесшем огромный вклад в проблему изучения сакского культурного круга, К.А. Акишев определяет хронологические границы погребения на основе изучения и сопоставления обнаруженного в ходе раскопок многочисленного инвентаря, в основном вооружения (1), хотя перед изданием монографии автор предпринимал попытки воспользоваться разработанными на тот момент междисциплинарными методами определения датировки захоронений. Так в архивных материалах сохранился один документ, датируемый 1971 годом – это письмо директора Института истории АН КазССР А.Н. Нусупбекова на имя заведующего ленинградским отделением Института археологии АН СССР с просьбой произвести внеплановый анализ образцов древесины бревен погребальной камеры «Золотого человека» (Рукопись письма). Письмо было написано рукой К.А. Акишева без заверенной подписи директора института – видимо это был черновой вариант требующий последующей распечатки на пишущей машинке. Ответного письма коллег из Ленинграда не

последовало (не сохранилось?).

Полевые работы на территории могильника Иссык после сенсационной находки проводились посезонно в последующие годы и имели видимо также аварийно-охранный характер. Приказом дирекции Института истории, в следующем после обнаружения иссыкского сокровища, году (зимой, 22 января 1971 г.) сотрудники Б.Нурмуханбетов и А.Амандыков вновь были командированы в Иссык «для наблюдения за раскопом Иссыкского кургана» (имеется в виду не курган Иссык), расходы по командировке возлагались на ПМК-70, иначе говоря на передвижную механизированную колону, которая судя по всему занималась дальнейшим строительным освоением территории автобазы. (Приказ № 7). Командировка упомянутых сотрудников была продлена на срок с 18 по 28 февраля указанного года (Приказ № 17). За этот период, исходя из отчета Б.Н. Нурмуханбетова, раскопки не были завершены, курган подлежащий сносу был лишь сфотографирован, снят на план и описан внешне (Отчет о работе Б.Нурмуханбетова). Автобаза по иронии судьбы или странному стечению обстоятельств в дальнейшем, как ни странно, продолжала инициировать археологические исследования на могильнике Иссык. 4 апреля 1978 года Иссыкское автотранспортное предприятие вновь обращается с письмом на имя директора Института истории, археологии и этнографии АН КазССР с просьбой о ликвидации двух курганов, в этом же документе упоминается, что с санкции института уже были снесены два кургана в 1968 (исходя из воспоминаний Б.Н. Нурмуханбетова в этом году производились раскопки небольших курганов (5) и 1976 годах (Письмо Иссыкского АТП). Дирекция института истории ответила на данный запрос ответным письмом, в котором среди прочего оговаривались сроки раскопочных работ, они были намечены на май 1978 г. (Ответ на письмо). Охранные работы действительно производились отделом археологии уже в июле-августе 1978 года на северной окраине города Иссык, к юго-западу от кургана Иссык «давшего захоронение человека в «золотой одежде» (Отчет о научно-исследовательской работе, л. 36). В

результате был исследован курган диаметром 30 м., высотой 3 м., с грабительской воронкой в центре диаметром 8 м. и глубиной около 2-х м. В ходе раскопок, на глубине 1,2 метра от древней дневной поверхности была обнаружена могильная яма, стенки которой были обложены бревнами тянь-шанской ели, размеры ее составили 4х2,7 м., ориентирована она была по длинной оси СВ–ЮЗ, углами по сторонам света. Как оказалось погребальная камера была дважды разграблена. Первый раз при помощи грабительского лаза который шел с южной стороны насыпи к юго-восточному углу камеры. Грабительский лаз имел форму овала и протянулся на 9 метров в глубину. При расчистке лаза археологи обнаруживали угольки, костные останки жертвенных животных. Второй раз грабители проникли в усыпальницу путем рытья воронки в центре кургана. При дальнейшей расчистке погребальной камеры, преимущественно в северо-западном её углу были собраны разнообразные фрагменты костей усопшего, золотые бляшки полусферической формы и спиралька из золотой проволоки. На дне камеры в разных местах встречались обломки глиняной посуды ручной лепки, обломки железных предметов, на некоторых из них имелись остатки сгнившего дерева, железный черешковый трехперый наконечник стрелы, а так же разрозненные древесные угольки. При входе в грабительский лаз была обнаружена ценная находка – наремная, железная в основе и покрытая сверху золотой фольгой, пряжка. Она имела прямоугольную форму, с обратной стороны на всех её углах имелись петельки для крепления к ремню (Отчет о научно-исследовательской работе за 1978 г., л. 37). В отчете сотрудников отдела археологии дается довольно подробное описание данной находки, приведем его полностью: «Лицевая поверхность пряжки как бы условно разделена на 4 равные части, в каждой из которых помещен один и тот же орнамент, выполненный рельефно, в плоскости и имитирующий «свернувшегося зверя», выполненного «S»-образными знаками с точками внутри». Резюмируя свой отчет исследователи отмечали: «Близкой аналогии этой пряжки мы не имеем, но принимая во внимание характер сооружения, как

насыпи, так и погребальной камеры, наличие немногочисленного инвентаря (обломки глиняной посуды, бляшки нашивки) мы склонны этот курган отнести к сакскому времени, т.е. V в. до н.э., как и ранее изученный К.А. Акишевым» (Отчет о научно-исследовательской работе, л. 38). Описанная в отчете пряжка была в последующем опубликована на страницах фотоальбома вышедшего в 1983 году под редакцией К.А. и А.К. Акишевых (2). В упомянутом иллюстрированном издании также опубликованы и другие золотые украшения и изделия обнаруженные видимо в ходе охранно-спасательных работ производившихся на могильнике Иссык в разные годы, однако отчеты по ним по каким-то причинам в архиве не сохранились. В 1980-х и 1990-х годах раскопки отдельных курганов могильника Иссык производились в основном под руководством Б.Нурмуханбетова. Результаты данных работ были незначительными в плане находок, погребальные камеры были разграблены.

Прочие документы выявленные в фондах ведомственного архива РГП «Ғылым ордасы» повествуют об организации выставок с презентацией костюма «Золотого человека» (первая реконструкция) в Каире, в Лейпциге, в Москве на временной выставке Государственного музея искусств народов востока. Имеется переписка отдела археологии с частными лицами из разных частей республики, заинтересовавшимися памятниками древности после обнаружения богатой Иссыкской гробницы.

Находки 1970 года в Иссыкском кургане по сей день остаются знаменательными. По количеству обнаруженных золотых изделий, высокой технике изготовления предметов украшения, вооружения и быта, по сохранности захоронения, позволяющей восстановить погребальный обряд знатного сака и все атрибуты парадного головного убора, одежды и обуви, захоронение по праву считается уникальным на всей территории Центральной Азии.

События связанные с историей открытия и изучения Иссыкской гробницы все больше отдаляются от нас, уходят исследователи и специалисты оставившие свой «след» на предметах, одежде и самом теле царственного юноши из кургана

Иссык, трудно найти очевидцев тех важных для нас весенних дней, те, кто есть все чаще путаются в собственных воспоминаниях. Автор данной публикации попытался на основе воспоминаний участников легендарной экспедиции и найденных архивных материалов воссоздать лишь отдельные звенья в цепи событий связанных с открытием и последующим изучением «Золотого человека». Сотрудникам заповедника-музея «Иссык», к большому сожалению, не удалось отыскать полевые материалы иссыкского отряда производившего обследование и раскопки кургана Иссык (планы, разрезы погребальной камеры, фотографии или негативы с них рабочих моментов раскопок и фиксации уровней разборки погребения), возможно они найдутся, как нашлись костные останки «Золотого человека», исходя из чего, казалось бы, очевидное на данный момент может стать невероятным в последующем.

Литература

1. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978, 125 с.
2. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983, с. 129.
3. Жумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Онгар А. Есік. Иссык. Issyk. Алматы, 2011, 200 с.
4. Курган раскрывает тайны // Казахстанская правда, 30.01.1972 г.
5. Нурмуханбетов Б., Загородний А. Путь к золотому человеку // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1984, с. 58–62.
6. Файзуллина Г.Ш. Музейное и немuseumное пространство археологического предмета // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011, Т. 3, с. 306–312.

Архивные материалы

Выписка из приказа №7 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д.77. Л. 7.
Выписка из приказа №17 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф.11.оп.1-л, д.77.Л. 17.
Ответ на письмо Иссыкского АТП // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1,

д. 1328. Л. 14.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии за 1971 г. // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 883. Л. 34-37.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии за 1972 г. // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 937. Л. 18.

Отчет о научно-исследовательской работе отдела археологии за 1978 г. // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 1326. Л. 36-38.

Отчет о работе Б. Нурмуханбетова за 1971 г. // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 883. Л. 74.

Письмо Иссыкского АТП // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 1328. Л. 12.

Приказ №54 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 71. Л. 52.

Приказ №60 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 71. Л. 58.

Приказ №69 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 71. Л. 68.

Приказ №39 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 73. Л. 41.

Приказ №47 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 73. Л. 46.

Приказ №62 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 73. Л. 59.л. 59.

Приказ №70 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 73. Л. 63.

Приказ №176 по институту истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1-л, д. 73. Л. 168.

Протокол заседания отдела археологии от 16 марта 1972 г. // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 936. л. 19-23.

Протокол заседания отдела археологии от 21 марта 1973 г. // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 992. Л. 4.

Постановление президиума АН КазССР №88 // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 785. Л. 16.

Рукопись письма на имя заведующего ленинградским отделением института археологии АН СССР // Архив РГП «Гылым ордасы», ф. 11. оп.1, д. 884. Л. 90.

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КУРГАНА ИССЫК

Кималь Акишев – академик, доктор исторических наук, руководитель экспедиции

*Интервью К.Акишева журналисту Г.Бендицкому
(передача «По Гамбургскому счету». 1998 г.)*

Вопрос: Можно ли переписать историю? И вообще от кого зависит то, что история как бы переписывается? От историка?

Ответ. От историка, который описывает, это зависит на какое-то время, тем более, если историк не объективный. А историю переписать нельзя. Ведь история это не только история правления какого-то царя или хана. Или история руководства страной какого-то президента. Это совсем не банальные слова, выдуманные в советское время. Это история народа, история страны в любое времена, история того, как воспринимаются людьми те

или иные события, как живет народ сейчас. Вот это история.

Закадровый голос.
Глядя как бодро шагает по степи и взбирается без одышки на высокие курганы этот человек, зная, что он прекрасно слышит и способен разглядеть в небе кружащуюся точку

и определить, что это именно беркут, вряд ли кому-то придет в голову, что герою нашей очередной передачи 75 лет. А между тем доктор исторических наук, археолог Кималь Акишевич Акишев в молодости прошел фронта Великой Отечественной войны, имеет боевые ордена и медали.

Археологические находки, которые в течение 55 лет, скитаясь по степям, сделал этот человек, легли в основу представлений об истории реального Казахстана и впечатляли даже зарубежных специалистов. Но мало кто знает, что боевой офицер-связист мог бы и не стать археологом, если бы не выстрел вражеского снайпера в июле 1944 года.

К. Акишев. Где-то за два дня после освобождения мы с боевыми друзьями, лейтенантами, шли по одной из улиц Бендер. И вдруг меня подстрелил немецкий снайпер. Один из тех снайперов-смертников, которые приковывались на крышах домов и вели прицельный огонь по советским офицерам и солдатам до последнего. После ранения я больше месяца лежал в военном госпитале в Одессе, потом еще

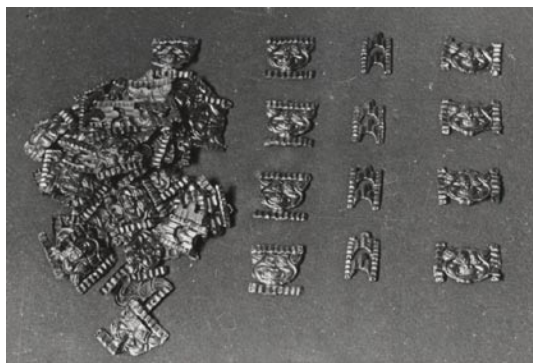

три месяца меня лечили в Днепропетровске. После этого демобилизовался по инвалидности.

Г.Бендицкий: А как произошло, что вы, технарь, офицер-связист, переквалифицировались в гуманитарную науку? Ведь после войны, в условиях

восстановления народного хозяйства, все технические кадры были сильно востребованы.

Ответ. Это интересный вопрос. Я ведь воспитывался в семье геолога Каныша Сатпаева, поэтому с юношеских лет у меня была тяга к этой профессии. Сразу после возвращения с фронта я поступил на геолого-разведочный факультет горного института

в Алма-Ате, ныне это Казахский национальный политехнический университет. Но мне пришлось столкнуться с немалыми трудностями, обусловленными тем, что в процессе учебы нужно было много чертить. Но мне с тяжелой раненой рукой

приходилось нелегко. И я поступил на исторический факультет Казахского государственного университета, который закончил в 1950 г. И в том же году я поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории и материальной культуры АН СССР. Аспиранты шутливо, но с нескрываемой гордостью называли этот научный центр «Могучей кучкой археологов». И это в действительности было так: здесь собрались очень именитые ученые-археологи, поэтому ленинградская археологическая школа

имела высокий уровень профессионализма.

Вопрос: Говорят, что советские археологи условно делились на две группы – стационарников и путешественников... Как это понять?

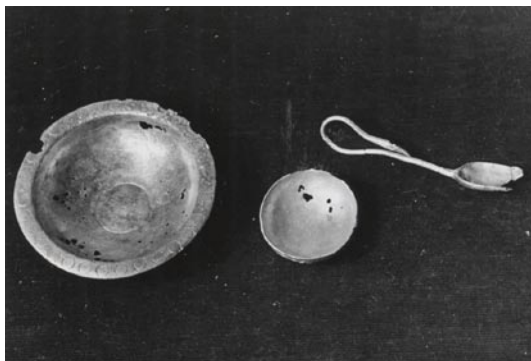
Ответ. Как я уже отметил, в Ленинграде

было достаточно много крупных ученых-археологов. Они отличались тем, что выбрав весьма перспективный археологический объект, практически всю жизнь посвящали изучению его или других археологических памятников той же эпохи, хронологически и культурно связанных между собой.

Вопрос: А у вас был другой подход?

Ответ. У меня был несколько иной подход. Я причисляю себя к археологам-путешественникам. За свою жизнь я раскопал очень много археологических памятников. Только на территории Семиречья их более двух тысяч, и они относятся к разным историко-культурным эпохам.

У археологов есть очень хорошее выражение: жизнь археолога определяется не только количеством исследованных памятников, но и протяженностью пройденных поисковых маршрутов. Должен сказать, что мои археологические маршруты пролегли во всех областях Казахстана, за исключением Мангистауской области. А сколько намотал километров на колесах экспедиционных машин,

сказать очень трудно, но объездил всю территорию Казахстана...

Вопрос: Сколько археологических памятников было открыто с вашим участием?

Ответ. Очень много. Сейчас только известных нам и нанесенных на карту – свыше 25 тысяч

памятников, археологических и архитектурных. Не принимая во внимание памятники архитектуры XVIII–XX вв., так как ими занимаются историки архитектуры. Допускаю, что не меньшее количество памятников нам еще неизвестно.

Закадровый голос. В научных кругах Кималь Акишев известен как археолог, откопавший знаменитого «Золотого человека». Это находка вызвала настоящий фурор. Однако Иссыкский курган был лишь одним из более двух тысяч, исследованных этим ученым за свою жизнь.

Ему довелось начинать работать еще с патриархами советской археологии – представителями сильнейшей в тогдашнем Союзе ленинградской школы. Был он лично знаком и с писателем Юрием Домбровским, автором книги «Хранитель древности». Работал с ним в одних экспедициях, и нет в Казахстане древнего памятника, комплекса в котором не приходилось копать грунт лопатой или чистить археологической щеточкой доктору наук Кималю Акишеву.

Вопрос: Вы как-то упоминали, что знали Ю. Домбровского.

Ответ. Да, я говорю, что знал его, был знаком с ним. Но Вы сами понимаете, мне тогда было 25 лет, а Домбровский и академик Бернштам были моими учителями. Близких отношений не было. Я знал Домбровского, когда он работал в нашем Республиканском музее, который находился в соборе, что на территории Парка им.

28 гвардейцев Панфиловцев. Он был участником экспедиции под руководством Александра Натановича Бернштама, а также участником находки знаменитого «Каргалинского клада», в том числе уникальной «Золотой диадемы», особенно эффектной среди других находок. С инкрустацией цветным камнем. Эти находки и Бернштамом были опубликованы, и Домбровский в «Хранителе древностей» описывает это время, когда был найден клад.

Вопрос: Как это произошло, что вам удалось откопать «Золотого воина»?

Ответ. В открытии «Золотого человека», я всегда говорю, был элемент случайности. Дело в том, что раскопки этого кургана в планы археологов не входили. Осенью 1969 г., в конце сентября, к нам пришел начальник Иссыкской автобазы в связи с возникшей проблемой. Суть ее состояла в том, что для строительства новой автобазы на северной окраине города был выделен участок земли, на котором находились три царских кургана из числа курганов Иссыкского могильника. Это на северной окраине города Иссык.

По существовавшему в то время законодательству, любая организация, на территории освоения которой находились

памятники материальной культуры, в случае необходимости их сноса, должна была вызвать специалистов-ученых, выделив денежные средства и технику для раскопок. Что и сделала иссыкская автобаза.

В начале октября начались раскопки этого кургана, но вскоре пошли дожди. И мы были вынуждены прекратить работу, раскопав курган наполовину.

Вопрос: То есть в первый год, как я понял, «Золотой человек» не был найден?

Ответ. Совершенно верно. В 1969 г. мы и не могли даже знать о его существовании. А весной 1970 г., продолжив раскопки, обнаружили, что центральное, основное захоронение было неоднократно ограблено и полностью уничтожено. На дне могилы археологи нашли битые черепки глиняных сосудов, древесную труху от деревянной погребальной камеры, очень мелкие незамеченные золотые пластиночки, кости человека тоже в обломках. Было полное разочарование, но, тем не менее, мы решили проверить всю площадь погребения. И когда начали, кстати, бульдозером выравнивать, стесывать эту всю площадь, то в 10 м. на юг от основного захоронения, вдруг нож бульдозера зацепил и выволок бревно. Это верный признак, что это второе захоронение. Первым это заметил наш археолог, мой ученик Бекен Нурмуханбетов, который сразу же приехал в Алматы, а я был в городе, чтобы рассказать мне о находке. В Иссык выехали срочно всей группой, включая, разумеется, и реставратора, и фотографа, и художников. Когда мы, приехав на место раскопок, стали расчищать курган, то обнаружили второе захоронение, о существовании которого, к нашему счастью, грабители ничего не знали.

Вопрос: Иссыкский курган – это чуть ли не единственная могила, которая не была разграблена.

Ответ. Да, это, несомненно, так. Это полностью сохранившееся нетронутое богатое захоронение и, причем, не только в Казахстане, но в масштабах всей Центральной Азии и Западной Сибири. Это, конечно, уникальное захоронение,

несомненно, и сейчас оно остается таковым.

Вопрос: Вы поняли что именно раскопали?

Ответ. В момент, когда начали расчистку погребальной камеры этого «Золотого человека» и мы увидели золотые украшения, стало понятно, что это богатое и, как говорят археологи, непотревоженное захоронение. Однако, едва ли мы могли осознавать полностью в тот момент научную и историко-культурную ценность находки. Наша задача состояла в том, чтобы, тщательно сохраняя любую из найденных вещей, все оставлять в первоначальном положении. Я до сих удивляюсь тому, почему мы не пригласили киногруппу – ведь могли бы все это заснять на пленку.

Тщательная методика археологических раскопок дала возможность потом, спустя три года после находки «Золотого человека», полностью реконструировать одежду, головной убор, обувь, все предметы вооружения, причем, довольно тщательно, это сейчас признано специалистами мировой науки, разработать систему размещения на его одежде многочисленных предметов украшения. Их свыше 4-х тысяч.

Вопрос: А кто проводил реставрацию? Кто занимался этим?

Ответ. Научной разработкой занимался я, а техническое воплощение осуществил талантливый инженер-реставратор Владимир Иванович Садомсков. Его, к сожалению, уже нет в живых. Он выполнил около 4-х тысяч копий золотых предметов украшений. Подлинники, конечно, хранятся особенно. Поэтому для тех фигур «Золотого человека», которые сейчас популярны и многим известны, были изготовлены алюминиевые анодированные копии. Но точность исполнения стопроцентная.

Вопрос: А какова доля ошибок при реставрации?

Ответ. Примерно 15–20 процентов, и то в системе расположения этих золотых украшений, особенно на головном уборе.

Вопрос: Кто выделил вам средства на реставрацию? Я имею в виду работу по изготовлению копий предметов украшения,

сделанных из алюминия.

Ответ. Это были наши личные средства. Все, что было необходимо для реставрации, в том числе металл, химические реактивы для анодирования, ткань и т.д., мы с Садомсковым покупали на свои деньги. Академия наук, Институт ни копейки на это не расходовали, но мы и не просили. Был научный интерес. Нам самим хотелось увидеть и представить что же это было.

Вопрос: Имелали ваша археологическая находка материальное выражение в виде каких-то премий для Вас и для Садомскова?

Ответ. Когда в 1970 г. я доложил Президенту АН об археологической находке в Иссыке, он всем участникам экспедиции выделил деньги.

Вопрос: А насколько это была большая сумма?

Ответ. Сейчас я точно не помню, но хорошо помню, что все члены экспедиции, когда получили премии, единогласно решили сходить в ресторан. Все деньги оставили там и ушли навеселе.

Закадровый голос. Сегодня, по собственному определению Кималя Акишева, его находка и одновременно детище – «Золотой человек» – живет своей самостоятельной жизнью. Мало кто задумывается, что практически вся государственная символика нашей страны построена на разных элементах костюма сакского воина, который более двух тысяч лет назад был похоронен в Иссыкском кургане. Но нередко это приводит к очень смешным казусам.

Вопрос: «Золотой воин» для Казахстана это нечто большее, чем ценная археологическая находка?

Ответ. Конечно. Сейчас я уже прихожу к мысли, что все элементы «Золотого человека» вошли в государственную символику нашей страны. Возьмите к примеру Монумент Независимости, который стоит на площади Республики в Алматы. Его венчает пятиметровая статуя «Золотого человека». Или герб Республики Казахстан – там крылатые лошади, с налобной части головного убора «Золотого человека». Или барс – символ Президентской власти и центральная фигура на гербе города Алматы.

Вопрос: Когда все эти элементы использовались, получали Ваши консультации, с Вами советовались?

Ответ. При создании Монумента Независимости архитектор Шота Валиханов консультировался со мной, делился своими творческими замыслами. Другой подобной ситуации не было. Я не помню, чтобы кто-то меня вызывал, спрашивал, «уместно ли это сделать». Более того, должен сказать, что, когда выпустили первую почтовую марку РК, причем большим тиражом, к тому же за границей, случился казус – допустили искажения. Я с сыном написал письмо в газету... Дело ведь совсем не в амбициях. А в том, что надо советоваться, привлекать специалистов, которые в этом деле разбираются.

Вопрос: Есть ли шанс, что в Казахстане будут еще археологические открытия подобной ценности «Золотому человеку»?

Ответ. У меня есть уверенность. Поскольку знаю о существовании нескольких царских курганов, которые не тронуты. И об этом я уже писал в высокие инстанции, что если бы были выделены средства для раскопок, то думаю, что находка не менее ценная в научном плане, чем «Золотой человек», будет.

Вопрос: Считаете ли вы, что «Золотой человек» – это самая яркая и самая значимая страница вашей жизни?

Ответ. Нет, не считаю. Не только я, но и мои ученики, и мои сотрудники, которые много лет со мной работали, считают пиком археологической деятельности – это раскопки курганов Бесшатыра. Для всей Восточной Евразии это уникальный памятник. Это огромные черные курганы, самый большой из них высотой до 20 м., в диаметре эта огромная насыпь – 100 м. Вокруг насыпи он опоясан трехметровыми гранитными плитами, «влитыми» на ребро. Когда подъезжаешь к курганам Бесшатыра, то овладевает какой-то трепет. Мне всё время казалось это черный огромный каменный курган и вокруг него застыли часовые, которые были когда-то поставлены. «Люди», охраняющие его, вот эти гранитные плиты. Особенно когда на закате подъезжаешь, просто потрясающие

впечатления сейчас оставляют. С каждым годом, чем старше я становлюсь, тем более остро и душевно, и интеллектуально я ощущаю святость вот этих памятников. В свои довольно молодые годы, когда у меня было очень много сил и энтузиазма, и хотел раскопать этот большой Бесшатырский курган. Теперь я безмерно рад, что не сделал этого. И сейчас я по-человечески этому просто радуюсь тому, что он стоит, сюда приезжает масса людей, туристов и наших отечественных, и зарубежных. И они просто восторгаются и преклоняются перед такими памятниками.

Закадровый голос. Черные курганы Бесшатыра в горах Чулактау. Их величие до сих пор заставляет дрожать его голос. Он приезжает на это место каждый год. Сюда его тянет, походить по камням, почерневшим от времени под степным солнцем, представляя себе как народ жил здесь больше двух тысяч лет назад, когда тьянь-шанские ели подходили к самому берегу Или, размышляя на том, что за великие цари были похоронены под этими курганами, сначала возведенными, а после разграбленными их же соплеменниками.

Вопрос: Как по Вашему, насколько верно утверждение, что наука в Казахстане находится у государства в роли пасынка?

Ответ. В какой-то мере я думаю, что «да». Мое мнение такое, что наши высокие инстанции к науке относятся безразлично. У меня такое впечатление складывается по многим выступлениям наших руководителей. По отношению к Национальной академии наук, которая была после Российской академии наук и Академии наук Украины на третьем месте по своим научным достижениям. Сейчас это давно потеряно.

Вопрос: У меня сложилось впечатление, что историки у политиков всегда были на особом счету. В том числе и археология как часть истории. На особом счету, потому что от историков зависело в каком качестве эти политики будут представлены потомкам, и что о них будут знать. Насколько вообще профессия историка, скажем так, соприкасается с ложью? Насколько часто историку приходится идти на какие-то компромиссы с совестью

ради каких-то пусть сиюминутных интересов, политических, возможно? И как часто историку приходится, скажем так, быть инструментом в руках политика? Или это обязательное условие?

Ответ. Довольно часто. Это было, начиная с придворных летописцев. Зависим он от правителя, значит соответственно, подстраиваясь под него, он и свои источники писал. Особенно, думаю, значительно развито это и сейчас не только в Казахстане, но во всех странах бывшего Советского Союза.

Вопрос: Как думаете, будущее сможет разобраться в том, что правда, а что нет?

Ответ. Разберется. Думаю, что – да.

К.Акишев. Бесшатыр. 1963 г.

**Путь к «Золотому воину»
(«Памятники истории и культуры Казахстана». 1984 г.)**

Немало выдающихся открытий сделано за последние годы казахстанскими археологами. Но одно из наиболее ярких – это исследование (в 1969–1970 гг.) неограбленной гробницы сакского воина (V–IV вв. до н. э.) у г. Иссык, в 50 км к востоку от г. Алматы. «Золотой курган», «человек в золотой одежде», «золотой воин» – так часто называют это открытие.

Прошло уже более 10 лет со времени раскопок кургана, но работа с материалами этого памятника продолжается до настоящего времени. В 1978 г. издательством «Искусство» в Москве была выпущена большая, прекрасно иллюстрированная книга К.А. Акишева «Курган Иссык», посвященная исследованию этого кургана. Всех, кто серьезно интересуется древностями Казахстана, мы отсылаем к этой книге. Нам же, как участникам раскопок «Золотого кургана», хочется здесь рассказать о том, чего читатель в ней не найдет, о событиях происходивших за «кулисами» открытия.

Итак, был конец марта 1969 г. В Алма-Ате уже установилась по-настоящему весенняя погода. В это время года у археологов свои весенние хлопоты, связанные с подготовкой к полевому сезону. На полевой сезон археологи возлагают большие надежды, они «осмеливаются» даже мечтать. И хотя золото, с которым часто связывают профессию археологов, не является пределом их мечтаний, в душе археолога живет тайное желание отыскать богатое захоронение. Однако, нужна, прежде всего, серьезная, деловая подготовка, чтобы надежды и мечты превратились в реальность в полевом сезоне.

Так вот, в марте 1969 года сотрудники отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР были заняты тем, что, по их мнению, должно было

обеспечить успех будущего полевого сезона. Он во всех отношениях был новым: и район работ – древний Отрар, и сам характер работ – изучение исторической топографии и стратиграфии Отрара. Новой была и задача – подготовка средневекового городища Отрар к многолетним масштабным раскопкам.

В такое время незнакомый человек вошел в кабинет начальника отдела К.А. Акишева. Как выяснилось, он прибыл из г. Иссыка. Он сообщил, что там будет строиться новая автобаза. Место для строительства отведено на северо-западной окраине города, где расположен известный Иссыкский могильник. Один из больших курганов этого памятника попадает в пределы строительства и его должны снести, чтобы выровнять строительную площадку. Техника уже подготовлена. К.А. Акишев поручил археологу Б.Нурмуханбетову выехать на место строительства для археологического надзора при снятии насыпи кургана бульдозером.

Иссыкский могильник известен давно. В 1968 г. здесь производились раскопки небольших курганов, а также обмеры больших. Но о раскопках больших курганов не могло быть и речи, так как они очень трудоемки и требуют больших средств. И вот теперь такая возможность предоставляется. Ведь по Закону об охране и использовании памятников истории и культуры руководство любого строящегося объекта должно заранее уведомить соответствующую организацию о начале строительства с тем, чтобы там вначале было проведено археологическое обследование. И если на территории строительства имеются археологические объекты, они должны быть раскопаны специалистами, а финансирование этих работ производит строящая организация. Именно так и поступили руководители автобазы – директор Канишев и главный инженер А.И. Дубкарт, проявив уважение к Закону.

Кстати, попытки «обмануть» этот один из самых гуманных Законов, к сожалению, имеются. Взять хотя бы случай на территории совхоза «Панфиловский», что недалеко от г. Алматы. По приказу руководства при планировке полей было снесено

около десятка курганов! А ведь директор и парторг знали, что это не просто холмы, а погребения их далеких предков.

К счастью, с Исыкским курганом дело обстояло иначе. На стройке появился «начальник кургана», который приступил к работе.

Во-первых, нужно было подготовить курган к раскопкам. Что это значит? Нужно прежде всего сфотографировать, определить все параметры памятника его диаметр, высоту, найти на местности опорные точки – репера, выяснить характер внешней поверхности кургана и т.д. Все это наносится на чертеж, вычерчиваемый в определенном масштабе. Чертеж – основной документ археолога о проделанной работе в поле.

После подготовительных работ установили, что курган имел округлую форму, высота его 6 м, диаметр 60 м, крутизна склонов 45-50°. На вершине кургана имелась воронка глубиной 3 м, это плохой признак, это — след работы грабителей. Такие воронки имеются почти на всех больших курганах, и все раскопанные курганы оказались ограбленными. После подготовительных работ можно пускать бульдозер.

На следующее утро бульдозер С-100 с трудом поднялся на вершину кургана. Внимательно выслушав план работы, бульдозерист осторожно тронул машину. Так начался и прошел без всяких неожиданностей первый день раскопок. В последующие дни по мере углубления стали попадаться обломки керамических сосудов, кости животных, зольные пятна и т.д. Необходимо было делать зачистку все увеличивающегося разреза, наносить на план каждый замеченный предмет. При этом бульдозер останавливался, но бульдозерист не обижался на такой не очень удобный режим работы. Делал свое дело четко, с интересом.

Так прошли первые дни раскопок. Однажды, придя на раскоп, мы увидели рядом с нашим бульдозеристом незнакомого человека, который оказался прорабом этой стройки. Он сразу заявил, что мы мешаем бульдозеристу, он не выполняет норму выработки. Значит, у него будет срезана и зарплата. Мы срываем график и вообще

ставим под угрозу срыва план строительства в целом. Значит, продолжать работать в принятом темпе, мы не имеем права. Курган должен быть снесен механизмом быстро и до основания. Ведь нам, по его мнению, нужно только то, что находится под курганом.

Конечно, мы понимали, что у него свои планы. И поэтому терпеливо начали втолковывать, что копаем мы таким образом не из-да лениности, а по общепринятой методике археологических раскопок. Прорабу пришлось выслушать длинную лекцию, краткое изложение которой дается ниже.

Каждый курган и по внешнему виду и по сложности внутреннего строения является своеобразным архитектурным сооружением. Как строителю, вам не трудно представить курган в первозданном виде в форме правильного конуса, а ведь диаметр курганов достигает иногда 100 м, и высоты – 20 м. Возводить такого размера сооружение в виде правильной геометрической фигуры не так-то просто. Могила же, совсем небольшая по сравнению с площадью основания кургана, всегда оказывается в центре конуса. Как это достигалось древними? Оставляя половину насыпи, мы как раз и хотим изучить внутреннее ее строение, чтобы знать, как она сооружалась. Далее, часто в насыпях курганов бывают так называемые впускные захоронения, т.е. захоронения людей более позднего времени. Фиксируя их местоположение, мы получаем редкую возможность для определения относительного возраста древних культур. Наконец, по разрезу мы можем определить, как был возведен курган, – одновременно или в несколько приемов, какими средствами пользовались древние строители, чтобы насыпь длительное время не «расплывалась». Это дает нам возможность судить о технических возможностях древних, а отсюда в какой-то степени и о социальном строе общества. Вообще насыпь кургана может содержать в себе и многие другие, совершенно неожиданные, непредвиденные факты из жизни древних. Вот почему археологи придают большое значение изучению самой курганной насыпи.

Таким объяснением небольшой инцидент был исчерпан. Наш бульдозерист продолжал молча работать до тех пор, пока бульдозер

не сломался. Затем был второй, третий... В конце апреля и первой половине мая темп в работе как-то спал. Техника либо ломалась, либо ее перебрасывали на другие «горящие» объекты. И мы с трудом довели раскоп до намеченной цели. Была снята восточная половина кургана на глубину 5 м, сделаны горизонтальная и вертикальная зачистки, до такой же глубины была снята и западная половина кургана. Таким образом, было выполнено более половины всего объема работ по освобождению площади кургана от насыпи.

Тем временем настала пара выезда на плановые полевые работы, и мы, убедившись, что бульдозер на курган поднимется не скоро, решили законсервировать раскоп. По этому поводу зашли к директору автобазы. И опять по-деловому и оперативно решили вопрос. Договорилась, что до марта следующего 1970 года курган будет находиться в том состоянии, в каком мы его сейчас оставляем. Директор подписывает охранное обязательство, и мы уезжаем в Алма-Ату....

Трудно вспомнить, с чего началось возобновление работ на кургане Иссык в 1970 г. Кажется был звонок из автобазы. В самом начале марта на своей машине на место раскопа выехали шофер автобазы АН КазССР А.С. Паршин, лаборант отдела археологии Айтбек Амандыков и научный сотрудник Бекен Нурмуханбетов. Опять радушная встреча с директором автобазы, быстрое решение различных организационных вопросов. Стало понятно, что в этом году подрядчик намерен серьезно взяться за курган. Когда мы подъехали к кургану, там уже стояли два мощных бульдозера. Знакомимся с бульдозеристами: один назвался Шмидтом Гугой Владимировичем, другой Лаптевым Савелием Денисовичем. Они оказались любопытными, много расспрашивали. Рассказывали случаи из своей практики, когда при земляных работах натыкались на кости, иногда откапывали обломки кувшинов и т.д. Мы объяснили, что нам от них нужно: внимательность, аккуратность и даже, в какой-то степени, ювелирность в работе.

Теперь нам предстояло снять оставшуюся восточную половину кургана до материка. Работа продвигалась быстро,

однако по мере углубления насыпь становилась все тверже и тверже. И вот ножи не врезаются в грунт, а лишь скользят по его поверхности. Механизаторы (они были хорошими специалистами своего дела) пытались работать по-разному, но все было тщетно, – ножи скользили, как по льду. Наконец, посоветовавшись между собой, решили к ножу одного бульдозера приварить стальные зубья. После этого работа наладилась. Уже к началу апреля мы были близки к цели, т.е. до материка оставалось около метра.

И тогда на курган вновь пожаловал уже знакомый прораб, он опять выразил недовольство. Оказалось, что тот уровень, до которого мы дошли, и был предусмотрен проектом. Значит – хватит. Снова пришлось ему выслушать лекцию, почему мы копаем так, а не иначе. Зная наше упрямство, прораб только громко вздохнул. Сказав, что оставляет нам один бульдозер, он покинул раскоп. Но теперь уже было достаточно одного механизма.

Чувствуем, что с каждым новым заездом бульдозера мы приближаемся к заветной цели. Надо быть особенно внимательным. Мы все в ожидании, наше настроение передается и механизатору. Чего мы ожидаем? Конечно же, появления признаков могильной ямы, а может быть, и нескольких ям. Вот-вот должно появиться надмогильное сооружение. Ходим, как на привязи, взад-вперед за бульдозером, внимательно вглядываясь в свежий грунт, чтобы вовремя увидеть могильную яму. Вот трактор задним ходом дошел до конца, остановился, тронулся вперед... и, наклонившись на левую гусеницу, застрял. Савелий по привычке газанул, машина забуксовала и заглохла.

Мы заглянули под гусеницу. Там, под передними звеньями башмаков, зияла черная пустота, уходящая вглубь и к центру кургана. Бульдозер выехал задним ходом, пустоту мы снова засыпали и замаскировали. Было ясно, что мы дошли до материка, а значит, пускать сюда машину уже не следует. Здесь нужно работать вручную.

Очевидно, что мы обнаружили одну из достопримечательностей больших курганов – подземный ход. Подобные подземные

ходы были обнаружены и при раскопках в 1959 г. известных Бес-Шатырских курганов (левый берег р. Или), принадлежавших вождям сакских племен. Все они были разграблены. Грабители, скорее всего, использовали именно подземные ходы, которые соединялись с камерой.

Хороший признак. Почти окончательно убеждаемся — впервые мы увидим гробницу в таком состоянии, в каком она была тысячи лет назад. Работаем очень осторожно ножами и щетками, внимательно просматриваем каждый комок земли. Вот обнажились первые ряды боковых стен гробницы, вторые, третьи... Напряжение возрастает, чувствуем: где-то совсем рядом погребенный.

Слух о раскопках распространился уже очень широко. Все больше и больше людей идет на раскоп. Многие усаживаются на краю раскопа и часами наблюдают за нашей работой. Над нашими головами довольно высоко «висят» большие булыжники, выброшенные из могильной ямы. Не дай бог, если один из них столкнут вниз...

Вот показались первые находки: у западной стенки гробницы — множество глиняной посуды. Теперь работать нужно особенно осторожно, мы приближаемся к полу гробницы. К востоку от сосудов появляется череп погребенного, а рядом с ним первые золотые украшения... Теперь мы знаем, где лежит умерший.

Тщательно расчищаем туловище погребенного, ноги. Из земли появляется большое количество желтых треугольников — золотых бляшек, в свое время нашитых на одежду умершего. Попадают бляшки покрупнее, они прямоугольной формы с изображением головы какого-то хищника. На шее расчищена полая гривна в три оборота — признак высокого положения в обществе, на поясе — три массивных ременных бляхи. Ясно, что погребение очень богатое, а главное — все лежит на своем месте. День приближался к концу, уже трудно различать предметы внутри гробницы. Было решено прекратить работу до следующего дня.

С рассветом работа возобновилась. За ночь гробница немного просохла, работать стало легче. Самые различные предметы

выявились на дне могилы. Вскоре уже некуда было поставить ногу среди этого многообразия находок. Это и глиняная, серебряная и деревянная посуда, это и остатки высокого головного убора, украшенного разнообразными золотыми украшениями; это и большое количество золотых украшений, которые в свое время были нашиты на одежду погребенного; и сумочка с бронзовым зеркалом внутри; камча, обтянутая золотой фольгой; железные меч и кинжал, рукояти которых обтянуты золотой проволокой; золотые перстни и т.п. Мы не будем здесь перечислять все находки, детальное их описание дано в названной книге К.А. Акишева. Укажем лишь, что в погребальной камере кургана Иссык найдено свыше четырех тысяч золотых предметов, тридцать один сосуд из глины, дерева и серебра, серебряная ложка, деревянный черпак, почти идентичный современным казахским черпакам для наливания кумыса, двадцать шесть бусин из сердолика и пасты.

Оказалось, что погребенный лежал не на земляном полу, а на специальном помосте из толстых плах.

Расчистка такого богатого захоронения потребовала напряженной работы в течение всего дня. Но вот гробница полностью расчищена. К делу приступают фотограф и художница. Время летит быстро. А ведь нужно еще все это осторожно снять, упаковать и погрузить в наш автобус. Особой осторожности требует упаковка деревянной посуды. Обворачиваем ее мокрой ватой и кладем в целлофановые мешочки, чтобы потом ее медленно высушить, в противном случае посуда деформируется и потрескается. Потребовалось большое количество различных коробочек с ватой для упаковки вещей. Все ближе вечер, а работы еще много. Торопимся. Уже в сумерках берем часть погребения монолитом, разборку будем производить в камеральных условиях. В отдельную коробку укладываем кости скелета, чтобы антрополог смог дать заключение о поле, возрасте, расовом типе погребенного. Уже стемнело, когда автобус направился в Алма-Ату.

Открытие в кургане Иссык вызвало широкий резонанс как в нашей стране, так и зарубежом. Особенно важно было, что гробница

дошла до нас в непотревоженном виде. Это дало возможность изучить погребальный обряд сакских племен в первозданном виде. Именно сохранность гробницы позволила реставратору В. И. Садомскову под руководством К.А. Акишева создать модель сакского воина «в золотой одежде», являющуюся постоянным экспонатом Музея археологии Академии наук Казахстана и пользующуюся неизменным успехом у посетителей музея. Модель с большим успехом демонстрировалась на международных выставках в Лейпциге (1974 г.), Каире (1975 г.), Дамаске (1976 г.). Недавно модель демонстрировалась в различных городах Японии.

**Бекен Нурмуханбетов – археолог, участник экспедиции,
начальник иссыкского отряда**

Послесловие. 45 лет спустя...

На моём рабочем столе лежат: копии приказов, протоколы заседаний, диски и видео записи, их текстовые воспроизведения, подшивки газетно- журнальных статей, фотографии и чертежи. Собирались они нами в течение 5-ти лет, с 2010 года, почти с момента создания Республиканского историко-культурного заповедника-музея «Иссык».

В документах отражены события, происходившие в промежутке времени с 1968 – по 1971 гг., т.е. 47–44 летней давности. Документы самые разнообразные по форме. Объединяет их одно – суть их свидетельств. Наша задача – найти эту суть. Иначе говоря, попытаемся из легенд извлечь реальность, подвести к пониманию различия, многоголосицу объединить в один хор.

Все они, каждый по-своему, излагают события связанные с открытием «Золотого человека». Познакомившись с ними (как говорят ученые, скрупулёзно исследовав их) я понял, что в

легендах есть доля истины, в разночтениях – общий корень. А разноголосица в целом сливается в сложенную хоровую капеллу, поющую ораторию «Золотой человек». Давайте вместе с нами – с работниками заповедника-музея убедитесь в этом сами.

Начну с опубликованного текста воспоминаний Б.Нурмуханбетова, А.Загороднего «Путь к «Золотому воину», изданного на страницах сборника «Памятники истории и культуры Казахстана» в 1984 году. Это, пожалуй, первый и самый близкий во времени жанр такого рода. Заказал его, заместитель председателя Президиума Центрального Совета Казахского общества охраны памятников истории и культуры – Абдильда Шалабаевич Ботпаев. Александр Степанович Загородний, работал в Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР, заведовал секцией археологии и этнографии. Не лишне будет с благодарностью вспомнить, что общество в то время было вдохновителем и организатором многосторонних культурно-просветительных работ.

Могу с уверенностью утверждать, что львиную долю исследований по учету и паспортизации памятников истории и культуры Республики финансировало общество.

Достаточно сказать – Мемориальный музей Ч.Валиханова, с проектных разработок до сдачи под ключ было делом общества. Алматинская новостроечная археологическая экспедиция, руководимая мною круглогодично, работала на средства Центрального совета и Областного общества знаний. Председателем последнего была Роза Ныгметовна Сыргабекова. Проект музеефикации курганов, иссыкского могильника, выполненный по её заказу до сих пор хранится в фондах нашего музея. Фамилию автора этого проекта забыл, имя его Карим. Автор другого проекта – Бек Ибраев. В Обществе собирались и маститые, и молодые представители науки, литературы и искусства. Здесь я познакомился с Г.И. Моряковским и незабвенным Гер-ага (*Герольд Бельгер*). Запомнился любознательный бухгалтер совета общества Едыге Садыков. Он не только дотошно сверял наши финансовые отчеты, но и вникал в суть наших дел.

Я, кажется, увлекся.... Перехожу к тексту наших

воспоминаний.

I. Обратимся к нашим воспоминаниям 1984 года, они начинаются так: «Немало выдающихся открытий сделано за последние годы казахскими археологами. Но одно из наиболее ярких – это исследование (в 1969–1970-х гг.) не ограбленной гробницы сакского воина (V–IV вв. до н.э.) у города Иссык, в 50-ти км к востоку от города Алма-Аты. «Золотой курган», «Человек в золотой одежде», «Золотой воин» – так часто называют это открытие». Да, именно таковым был в то время взгляд на социальную суть «Золотого человека». А сегодня мы пришли к пониманию того, что была сакская государственность. «Золотой человек» – не воин, а царь (царевич), головной убор его – не остроконечная шапка, а остроконечная корона. К сожалению и сегодня по старой привычке проскальзывают эти определения.

II. Далее свидетельствуем: «Новой была задача – подготовка городища Отрар к многолетним масштабным раскопкам». Это важное свидетельство. Оно объяснят парадоксальный факт отсутствия фамилии К.А. Акишева в приказах по исследованию кургана «Иссык». Нужно помнить, что 1969–70-е гг. были началом работ еще и Отрарской экспедиции. Я вижу и чувствую, что этих одновременных и разнотипных объектов (городища Отрара и кургана «Иссык») связывает нечто общее, страшно сказать – мистические. Подумать только – раскопки кургана «Иссык» и городища Отрар начались одновременно. К тому же и итоги их исследований чудесным образом перекликаются. Вникайте сами. Результаты работ на кургане «Иссык» общеизвестны – «Золотой человек», а на Отраре – известны только узкому кругу специалистов. Считаю уместным, упомянуть некоторых из них.

Итоги работ на городище Отрар были таковы:

А. В Отрарском оазисе открыты культурные слои периода Казахского ханства (XV–XVI вв).

Б. На городище Отрар и его сельских округах обнаруженные следы обитания представителей всех трех казахских жузов.

В. Родилась новая отрасль науки – Казахская археология. Отсюда, подумайте, когда мы говорим «Золотой человек» –

подразумеваем сакскую государственность. Когда говорим «город Отырар» – Казахское ханство.

И еще. Наш музей настоящий свой проект посвящает 45-летию открытия (второго рождения, воскресения) «Золотого человека». Ныне страна отмечает 550-летие образования Казахского ханства. О Тенгри! Оказывается, отырарцы посвятили свой раскоп 1969 года 500-летию празднования этой знаменательной даты.

III. Далее мы вспоминаем: «К.А. Акишев поручил археологу Б.Нурмуханбетову выехать на место строительства для археологического надзора при снятии насыпи кургана бульдозером». Если бы тогда у нас на столе, как у меня сейчас лежал бы текст приказа, мы бы уточнили: «так, согласно Приказа № 94, § 3 от 21 апреля 1969 г. по Институту истории, археологии и этнографии КазССР». Но тогда это не было бы воспоминанием, а историографией. Признаюсь, мои комментарии немного походят на неё.

Таким образом, можно считать документально установленным, что раскопки кургана «Иссык» начаты 21 апреля 1969 г. Основанием для этого послужило письмо автотреста № 305 от 16 апреля 1969 г. А мы упоминаем, что представитель приехал в конце марта. Получается двух, трехнедельный разрыв во времени. Для специфики жанра это вполне простительный огрех, однако, это бросает тень на работу канцелярии Института и автобазы. Не хочу брать «грех на душу».

Охранные археологические работы, как правило, состоят в основном из двух этапов: первый – согласование предварительного выбора участка строительства, второй – археологические исследования вновь выявленных объектов на участке нового освоения. Исходя из них, представьте общий ход работ. В начале, то есть в конце марта главный инженер автобазы А.И. Дубкарта приехал к нам не с указанным письмом, а бланком согласования – «бегунком». С этой целью я еду вместе с ним в г. Иссык. На участке будущего строительства обнаружен курган. В итоге автобаза получает от нас не ожидаемую подпись согласования, а аргументированную рекомендацию по составу и содержанию

охранных археологических работ с приложением к ним внушительной сметы расходов. А это непредусмотренные затраты труда, материально технических средств. Несмотря на это автобаза находит выход из положения и обращается с Письмом № 305 от 16 апреля 1969 г.

Таким образом, согласовательный этап работ по исследованию кургана «Иссык» проходил с конца марта по 16 апреля 1969 г. А второй этап – через неделю окончания первого – 21 апреля 1969 г. Выходит, что и заказчик и исполнитель сработали оперативно.

IV. Заключительный эпизод событий 1969 г. мы вспоминаем так: «Договорились, что до марта следующего 1970 г. курган будет находиться в том состоянии, в каком мы его сейчас оставляем. Директор подписывает охранные обязательства, и мы уезжаем в Алма-Ату». Сегодня имеется возможность документального подтверждения даты окончания работ 1969 г. (Приказ № 60, § 6 от 5 мая 1969 г. Приказ № 69, §1 от 16 мая 1969 г.), могу далее дополнить следующим. Двое из четверых участников работ на кургане – О.В. Медведев, П.Сон были отозваны и зачислены в состав Отырарской археологической экспедиции 12 мая 1969 г. А я с Айтбеком Амандыковым продолжили раскопки до самого конца мая. Вскоре после этого вместе с ним на машине ГАЗ-51 (водитель Анатолий Паршин) поехали в Отырар. Помню, мы ехали следом за поездом Алма-Ата – Гурьев. Там находилась моя жена Халилия Атчебаевна, с моим первенцем в утробе – Нурболом.

Как видно полностью восстанавливается последовательность, ход, состав и содержание работ 1969 г., они таковы:

1. Охранные работы в целом продолжались с 21 апреля по 31 мая 1969 г. – 41 календарных дней.
 2. Были сняты 2/3 часть кургана до материкового слоя.
 3. Определены замеры, установлена конструкция надмогильного сооружения.
 4. Выявлены признаки местонахождения центрального погребения.
 5. Вычерчены план и разрез насыпи.
- Участники работ 1969 г.:

Со стороны исполнителя: Бекмуханбет Нурмуханбетов, Айтбек Амандыков с 21 апреля по 31 мая 1969 г. Олег Викторович Медведев, Павел Сон с 21 апреля по 12 мая 1969 г.

Со стороны заказчика: бульдозеристы Савелий Денисович Лаптев, Гуго Владимирович Шмидт, 3–4 рабочих – землекопов.

V. Тогда в 1984 году было «Трудно вспомнить с чего началось возобновление работ на кургане Иссык в 1970 г.». Сейчас же мы точно знаем, что работы возобновились 1 апреля 1970 г. (Приказ № 39, §1).

VI. В самом начале работ 1970 года как мы вспоминаем: «И тогда на курган вновь пожаловал уже знакомый прораб, он опять выразил недовольство». Казусы с этим или другим прорабом, фамилии которых, к сожалению, не записывали тогда, имели свои продолжения и намного позже.....

VII. Из воспоминаний 1984 г.: «Так наступило 3 апреля 1970 г., в 15 м к юго-востоку от центра основания под ножом бульдозера была замечена характерная коричневая полоска длиной не более 30 см. «Приглядевшись внимательно убедились – сгнившее дерево». Эта дата по нашим воспоминаниям начало обнаружения первого бревна перекрытия подземного бревенчатого сруба. Далее свидетельствуем: «что 4 апреля во главе с А.К. Акишевым на место раскопок прибыли В.И. Садомсков – инженер-реставратор, А.С. Загородний – лаборант отдела, Т.В. Воробьева – художник, О.В. Медведев – фотограф, А.К. Акишев – студент КазГУ. Все дружно взялись за работу. И уже к концу дня 6 апреля гробница, сооруженная из бревен тянь-шаньской ели, была полностью расчищена». «...9 апреля начали разбирать бревна перекрытия». Как документально подтверждаются эти показания?

Никто из названных лиц не отражен в Приказах того времени. Ясно лишь одно, что на кургане с 1 апреля находятся Б.Нурмуханбетов и А.А. Амандыков. Опять приходится напрягать память и рыться в архивах.

В начале укажем на состав, объем и сроки реально проведенных к тому времени работ. Состав работ был таков: 1) вынос бульдозером за пределы основания кургана оставшейся

1/3 части насыпи; 2) расчистка, фиксация и рекультивация центрального погребального сооружения; 3) расчистка до основания внешней поверхности бревенчатого сруба; 4) работы во внутреннем пространстве бревенчатого сруба – от разборки бревен перекрытия до полной расчистки костей скелета и погребального инвентаря. По нашим свидетельским «показаниям», выходит, что для всего этого понадобились лишь неделя с 1 по 6 апреля. Это же невозможно. А как тогда? В этом, хотя и косвенно помогают разобраться содержания Приказов. Согласно им работы второго заключительного этапа на кургане «Иссык» проводились с 1 апреля по 15 мая 1970 г., т.е. в течении 45 календарных дней.

О, мой ТЕНГРИ, опять сорок!

В каком именно отрезке этого времени подключили к этой работе наши коллеги, указанные в воспоминании? Для меня несомненно, что это произошло после того когда были выполнены первые три этапа выше указанных работ. Оставался 4-й. Поэтому поводу, позже вспоминал: «Нужно было мчаться в город, в Алма-Ату, чтобы сообщить о находке. Пока я ездил в город у кургана, в вагончике, оставался Айтбек» (Г.С. Жумабекова, Ф.А. Базарбаева, А.Оңғар. Есік. Иссык. Issyk. Алматы, 2011, с.13, 100).

Похоже, что это как-то подтверждается Приказом № 47, § 5 от 15 апреля 1970 г. Он заслуживает того, что бы его воспроизвести полностью: «В связи с исключительной важностью находок в Иссыкском кургане за счет сметы Отрарской археологической экспедиции организовать отряд в составе: Нурмуханбетов Б. – начальник отряда, Амандыков А. – ст. лаборанта, Паршина А. – шофера и двух рабочих. Оплата зарплаты и полевого довольствия работникам отряда согласно установленных экспедиционными сметами ставок. Срок работы с 16 апреля по 15 мая включительно». Под исключительно важной находкой здесь имеется в виду не находка «Золотого человека», а его расчищенная снаружи усыпальница. О причинах приезда указанных выше лиц нетрудно догадаться. Кималь Акишевич увидел расчищенный сруб без следов грабительских работ, поручает мне нанять двух рабочих, сам уезжает в Алма-Ату, сразу же по приезду подает рапорт на имя

дирекции Института о командировании в Иссык двух рабочих. Данный факт объясняет отсутствие упоминаний имен рабочих в выше прокомментированном приказе, имена их мы встречаем позже в Приказе о ликвидации отряда (Приказ № 62, § 4 от 15 мая 1970 г.). В это время наверняка был и Приказ об организации и проведении работ Отырарской археологической экспедиции. А мы уже и в её составе. О том, что 5 мая она уже работала, есть свидетельства – пункт Приказа № 62, § 3 от 5 мая 1970 г.

Этим же объясняется отсутствия в приказах по Иссыку присоединившихся к нам коллег во главе с К.А. Акишевым. Они были зачислены в состав ОАЭ.

Таким образом, на поставленный выше вопрос, можно уверено ответить в промежутке времени не позже 20 апреля 1970 г. Этим же временем следует датировать фотоснимок (см. фото из личного архива Т.В. Воробьевой-Трифоновой).

Можно таким же путем определить промежутки времени, вероятные сроки каждого из указанных выше этапов работ 1970г.:

1-ый этап: с 1 по 4 апреля – вынос бульдозером за пределы оставшейся 1/3 части курганной насыпи.

2-ой этап: с 5 по 15 апреля – расчистка, фиксация, рекультивация центрального (ограбленного) погребального сооружения.

3-ий этап: с 16 по 20 апреля – расчистка поверхности снаружи бревенчатой усыпальницы с перекрытия до основания.

4-ый этап: с 20 по 30 апреля – работы внутри сруба, расчистка костных останков и погребального инвентаря.

5-ый этап: с 1 мая по 15 мая – доисследование участка расположения усыпальницы. Вглубь и вширь. Проверка шурфовкой и траншеей всей площади курганной насыпи (60x60 м.), рекультивация участков охранных работ, работы по сдаче отчетов заказчику.

Примечательно, что в наших воспоминаниях 14 лет спустя не упоминается ни одной из ныне распространённых легенд. Очевидно, их в то время не было. «Золотой человек» на слуху у всех стал лишь с 1991 г. в связи с обретением независимости и признанием его государственной символикой.

Подведем некоторые итоги наших свидетельских «показаний», исходя из анализа документальных источников. Собранный материал, и наши показания и документы свидетельствуют: 1) ходячие легенды о том, что «Золотого человека» нашли и сдали бульдозеристы, прораб, строитель беспочвенны; 2) исследование на кургане Иссык с начала до конца проводились специалистами-археологами, все организационные работы исходили из предписаний законов и законодательных актов того времени; 3) разнообразные варианты по поводу грабительских вылазок в могильную яму документально не подтверждаются, они квалифицируются как слухи; 4) в воспоминаниях непосредственных участников события в целом передаются верно, они без принципиальных противоречий дополняют друг друга.

Тамара Викторовна Воробьева-Трифонова
– художник, участник экспедиции

Интервью

Вопрос: Если вернуться к началу истории, как Вы узнали, и как попали в эту экспедицию?

Ответ: Дело в том, что я только пришла в археологию. Работала раньше в театре, в Институте первый год. Меня позвал Кималь Акишевич, говорит – «Золотого человека раскопали», и мы поехали.

Вопрос: Он так сразу и сказал – «Золотого человека»?

Ответ: Нет. Это потом было. Просто сказал – «Курган надо исследовать». И меня туда как художника взяли. У меня есть плакат, стенгазета, которую мы сделали по поводу того, что мы раскопали этого «золотого человека». Вот первые дни, когда мы приехали (*показывает фотографии*), ещё только начали, ещё не вскрывали.

Вопрос: А людей много было вокруг?

Ответ: Это поначалу, было вот столько, а потом народу всё больше и больше. Кто на машинах, кто на лошадях, кто на ишаках,

все приезжали. А вот эти постоянно с самого начала до самого конца к нам приходили и смотрели процесс.

Вопрос: Я не археолог, не знаю, как происходят археологические раскопки. Сначала снимают верхний слой, фотографируют, рисуют и дальше работают?

Ответ: Да, сначала место всё было забутовано камнями, затем пошло бревно. Мы узнали это от Бекена (*Нурмуханбетов Б.*). Он был там, когда разравнивали курган, он должен был присутствовать при этом. Сказал, что задели бревно, наверно там что-то есть. Вот мы все поехали – Садомсков, Кималь Акишевич. (*Показывает на фото*) Вот Кималь Акишевич, вот это я, вот это Бекен, вот это ещё одна была, она как чертежник, вот Садомсков, вот это Айбек (*лаборант*), который постоянно был при нем (*Бекене*). Начинали гальванокопию делать с ним (*с Айбеком*).

Вопрос: У Вас было время снимать, зарисовывать более подробно? Или только то, что я видела в книге Кималья Акишева?

Ответ: Нет, сразу не было возможности. Дело в том, что когда начали его раскрывать, всё стало превращаться в труху, оно на воздухе стало сразу сыпаться. Надо было всё это быстро делать. Это было весной. Горшочки, которые, кажется, в ногах были, стали «плыть». Несмотря на то, что они были керамические. Видимо их делали скоростным способом для захоронения и не успели до конца дожечь.

Вопрос: Скажите, когда их раскапывали они слоями лежали? Вы что самое первое увидели: золото, кости, посуду?

Ответ: Всё было на одном уровне. Там было перекрытие. Когда его сняли, тогда и пошло. Вот это «Золотой человек». Посуда конечно, золотые бляшки, украшавшие одежду, меч, кинжал... Всё как в книге Акишева.

Вопрос: Вы как художник рисовали, с фотографий?

Ответ: Рисунки я делала с натуры. Приступила к работе, когда уже все расчистили.

Вопрос: Вы начали рисовать, когда все бляшки показались?

Ответ: В мою задачу входило – подробная фиксация, снятие

общего плана, замеры, детальная прорисовка всего.

Вопрос: Бекен-ага говорил, что пошел дождь.

Ответ: Вот в том то и дело! Погода нас поторопила. Нам даже пришлось вырезать настил из дерева с некоторыми фрагментами.

Вопрос: Когда дошли до последнего уровня, вырезали и отнесли в вагончик?

Ответ: С собой увезли. Там оставлять нельзя было. Что можно было – мы с собой забирали.

Вопрос: А что там с ногой было? Кто-то ночью забрал? Недавно таксист говорил, что его сосед сапог «Золотого человека» снял. Среди жителей города ходят разные слухи.

Ответ: Да, потому что они там все были, и слухи расходились, это понятное дело. Особенно те представители, которые постоянно там находились. Мы расчистили, ещё не знали что там, кто-то залез и вырвал ногу «Золотого человека». Заинтересовались и стали искать этого товарища. Нашли. По окончанию раскопочных работ, выпустили газету, где основным материалом, «на злобу дня», был «Золотой человек». Я Кималь Акишевича изобразила в образе «Золотого человека». Он посмотрел сурово, серьезно... улыбнулся и сказал – «Схвачено».

Вопрос: Хроника событий. Сняли слой, зарисовали, сняли слой, зарисовали. Вас, наверное, торопили?

Ответ: Конечно, торопили, мы с утра до вечера этим занимались, уезжали затемно, и утром рано приезжали. Сначала расчищали, когда находили, фиксировали, затем уносили. Если не успевали фиксировать, то оставляли. Бекен с Айбеком оставались охранять. После того случая, присоединилась

милиция.

Вопрос: Сняли последний слой и после вас пришли строители. Вы всё в город увезли?

Ответ: Да, конечно, все увезли к нам в Институт. Продолжали работу над графической реконструкцией

«Золотого человека», вот эту книжку выпускали. Хорошая сохранность погребения давала возможность восстановить не только погребальный обряд, но и сделать реконструкцию кафтана, головного убора, расположение бляшек. Потом всё прорабатывалось в натуральную ведичину.

Нас торопили. Решили сделать гальванокопию. Садомскова послали учиться в Москву, в Ленинград, он никогда до этого этим делом не занимался. Освоив, он начал делать гальванокопию.

Вопрос: Подлинные вещи были на бронзе, на деревянной основе? Вы ничего не отделяли, так и осталось?

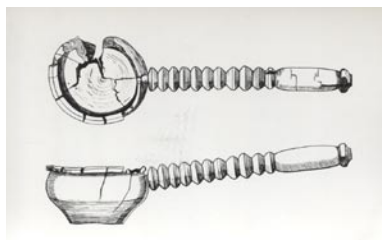
Ответ: Да, конечно. А как же иначе.

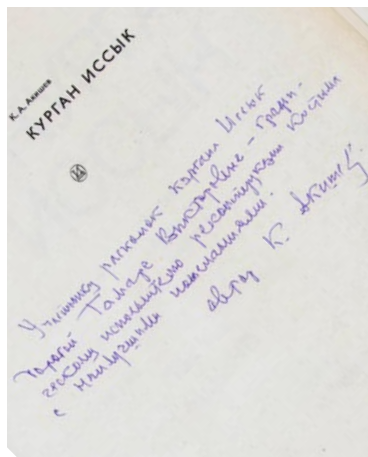
Вопрос: Скажите, пожалуйста, кто делал консервацию? И где костные останки?

Ответ: Консервацию делал Садомсков. Он у нас хороший реставратор был. Про костные останки, у нас был антрополог Исмагулов. Он по черепу определял, кто это мужчина или женщина, было много разногласий.

Вопрос: Вы слышали про эти разногласия или это при Вас происходило?

Ответ: Каждый своим делом занимался. Антропологи у себя в лаборатории. После окончания работы на кургане, работа археологов продолжалась в маленьком кабинете Кималя Акишевича. Он работал над научным осмыслением погребального комплекса. Я, как художник, работала над графической реконструкцией кафтана, сплошь усеянного золотыми бляшками, головного убора, над проработкой всех деталей, выполненных древним мастером в зверином стиле, в т.ч. деталей головного убора, гривны, наборного

пояса. Вот все они в книге. Эта первая книга, которую мы выпустили вместе Акишевым, а вот, кстати, он мне её подписал.

В театре я писала задники большие, кистью большой как швабра, а тут перышками. Когда впервые пришла, сначала растерялась. Потом превратилась в графика, теперь пером больше работаю. И в данный момент я занимаюсь иллюстративным материалом, обрабатываю материалы экспедиций.

Мы делали рисунок во весь рост. Мы сидим, Акишев напротив меня, он вообще-то с виду очень суровый, а на самом деле – понимающий. Однажды нас пригласили отметить «день археолога». Кабинет Акишева находился в центральном здании, рядом сцена. Я вернулась пораньше в кабинет, встала на ступеньки и стала смотреть сверху на рисунок. Смотрю и вижу – а у меня то один рукав отошел, а другой рядом. Уже почти готово, всё сделано. Заходит Кималь Акишевич и говорит – «Что такое?». А я – «Так у меня один рукав то отскочил». А он говорит – «Это художественно, пусть будет так».

Вопрос: Вы всё это делали в натуральную величину, и все эти бляшки раскладывали прямо на рисунке. Каких-то хватало, каких-то не хватало.

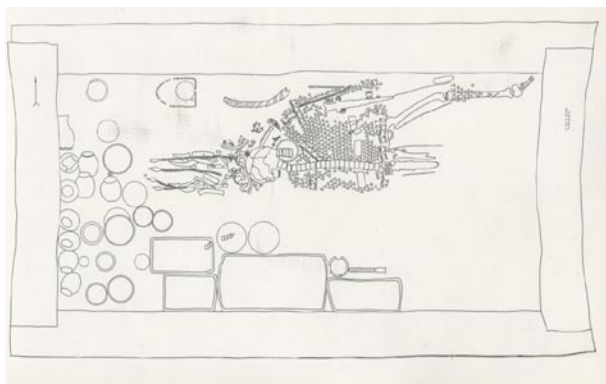
Ответ: Всех бляшек хватало, некоторые при обнаружении завалились, но были найдены.

Вопрос: В принципе есть такое понятие, я правильно понимаю или нет, кроки – это в натуральную величину рисуются большие листы, то как это было? И то, что Вы предположили, реконструкция?

Ответ: Да, это сделали реконструкцию как оно должно было быть. Есть рисунок, как было.

Вопрос: В книге один рисунок. Он один, и был ли он в натуральную величину?

Ответ: Это был один и я его уже прорабатывала. Потом отдельные фрагменты, я ещё и отдельные

фрагменты рисовала. Когда раскрыли, этой ноги уже не было.

Вопрос: А как её можно было вытащить, если ничего не было раскрыто?

Ответ: А они под сруб рукой сунулись и достали. И может быть случайно, и они даже не рассчитывали. Потом ее нашли и детали вернули. Но мы не стали рисовать, так оставили.

Вопрос: Говорят череп, был очень порушен?

Ответ: Он был придавленный бревном, которое упало. Вот так было (показывает на рисунок) немножко раздробленное и как бы сплющенное, но его можно было собрать. Антропологи его, наверно, восстановили. Про горшки я вам говорила, они все «таяли». А потом они высохли и стали хорошей сохранности.

Вопрос: Может это видимость была. Они же ангобом покрыты и краска плыла?

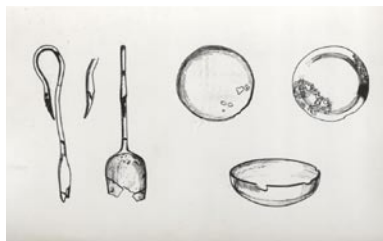
Ответ: Нет, не краска, а сама глина.

Вопрос: Не все удалось сохранить, да?

Ответ: Почему, всё сохранилось. Всё как было, подносы, вот эти сосуды, чашечка серебряная с надписью и пр.

Вопрос: Вы фрагментами рисовали? Кто обозначал расстояние между деталями? И как создавалась реконструкция головного убора?

Ответ: Да, где-то приходилось рисовать фрагментами. Измеряли, один к одному делали. Расстояние мерилось, где какая

деталь нашлась. Я зарисовывала и измеряла эти детали. Головной убор, мы с Кималем Акишевичем восстанавливали, как он там лежал (*речь идет о рисунке реконструкции*).

Вопрос: Скажите, Ваши подлинныерисунки куда-то сдавались,

где они сейчас?

Ответ: Они где-то в архиве были, куда они сдавались я не знаю. Я отдавала их Кималю Акишевичу, как материалы экспедиции.

Вопрос: Вы использовали в работе аналогии других головных уборов? Как шел процесс, были ли какие-то личные Ваши предложения или Вы советовались, спрашивали у Акишева почему так или почему по-другому?

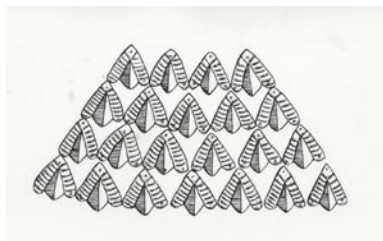
Ответ: В основном я, конечно, прислушивалась к нему. Просто где было художественно, то я тоже высказывала своё мнение. Было такое, что подсказывали друг другу. Мы отталкивались от аналогий головных уборов. На верхушке был вот такой маленький архарчик.

Вопрос: А вот ещё когда реконструкцию Садомсков сделал, когда книжка была издана, было ли ощущение причастности к большому делу?

Ответ: Поначалу не очень-то и восприняла (*речь идет о моменте открытия з.ч.*). Я тогда думала – чего они радуются, золото не блестит. Они больше ликовали, чем я. А я просто как художник, ну зарисовала и всё. Мне даже некогда было об этом подумать, надо было быстрее работать, тучи надвигаются. Сейчас бы, конечно, ощущения были другие.

Вопрос: Сейчас мы говорим о художественном значении деталей, а на Вас как художника они произвели впечатление?

Ответ: Не сразу. Ощущения

были, но когда, все сделали, когда вникла во всё. Конечно, это необыкновенный стиль. Это ж надо всё так сделать, вот эти все чешуечки они вручную делались. Это не штампы.

Вопрос: А Садомсков штампы делал?

Ответ: В реставрационной мастерской инженер-реставратор Владимир Садомсков изготавливал из специальных металлов гальванопластиковые копии золотых предметов. Был сделан «Золотой человек – манекен». Он стоял в закрытой витрине, при нажатии специальной кнопки вращался вокруг своей оси. Можно было посмотреть со всех сторон (Как жаль, что сейчас этого нет!). Когда пришлось второй раз делать, уже и условия совсем были другие, и вот по этому, по готовому, уже легче же было осваивать. Уже сколько об этом говорили, вроде бы вот он, вот этот новый такой красивый, современный. Зато тогда старались сделать, как это было. И коричневый, там костюм должен быть коричневый, а вот вам красный.

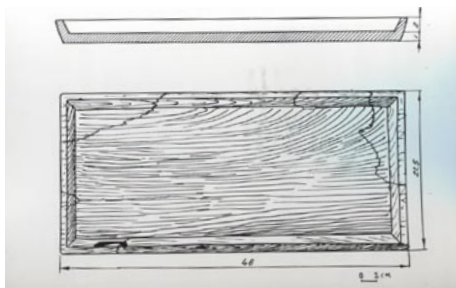
Вопрос: А почему костюм должен быть коричневый?

Ответ: Да потому что там кожу находили, он коричневый должен быть. А вот, между прочим, на головном уборе было красное, по золоту, да ещё и красное. Это оно хорошо сохранилось, коли есть красное.

Вопрос: У всех сейчас своё мнение, у Акишева, у Садомскова, у Крыма Алтынбекова, каждый детали по-разному на головном уборе располагает.

Ответ: Они потом стали по-другому делать. Между прочим, Танабаев, он тоже по-своему делал. Он говорил, что по Ведам так не должно быть (не обращая внимания на реальность археологического расположения деталей!).

Вопрос: Реконструкцию делали для музея? Почему её начали делать? Когда открыли в первый раз показали, как люди

реагировали? Какое впечатление она на Вас произвела?

Ответ: Это всё-таки уникальная находка. У нас такого же ещё не было. Хотелось сделать что-то такое современное. Меня не было на презентации, в это время я была в

экспедиции в Отраре. Но мне больше всего интересно, что сейчас в наше время найдя такие богатые вещи, каждый старается их презентовать. А это же (*первый вариант реконструкции*) же всё авторы, это же всё сделали перваки. И споров ещё будет много, но наши же первые это сделали. Смогли так сделать, при наших возможностях. И мы не претендовали на презентацию. Вроде как за этого «Золотого человека» автор должен был получить какие-то деньги. И каждый раз они должны авторские получать. И Садомсков, и пусть даже я. У нас в одно время был такой разговор. Дочь Садомскова, на которую примеряли костюм, и она за это дело взялась, но как это дело закончилось, не знаю. А Кималь Акишевич говорил: «Я не буду с этим делом бороться, ничего делать не буду, мы археологи привыкли, раскопали и отдали народу, и всё, мы на этом деньги не будем зарабатывать». Это было советское время. В наше время сейчас так не будет. Но может быть Кималь Акишевич, такой мудрый человек, что он дал возможность всем археологам думать и размышлять.

Вопрос: А Вы не помните когда у Акишева вот эти слова «Золотой человек» появились? Почему «человек», а не «юноша» или «девушка»?

Ответ: А потому что он во всем золотом был. Но не бронзовый же. Просто человек.

И что интересно, когда у нас была Перестройка, мы вообще бедствовали, зарплаты не было. Наши археологи ходили торговать на барахолку, это стыдно было. Работы нет, а свою работу любили. Однажды кто-то стал делать «Золотых человечков», вот таких маленьких, сувенирных. Я думаю – надо же мы это сделали, такой

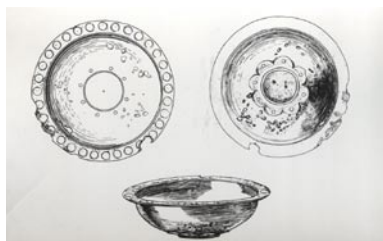
труд, а они такие деньги за это получают. И я оказалась в этом сувенирном цехе. А это такой цех, они там как в сейфе, их закрывают. Меня спрашивают – «Как Вы сюда попали?». Отвечаю – «Дверь открыта, мне сказали, что требуются художники, и я хотела бы у вас работать». Меня просто заинтересовало, и я стала думать,

как они здесь работают. А они, оказывается, подпольно работают. Я им не сказала, что раскапывала этого «Золотого человека». Но я пришла к Кималю Акишевичу возмущенная и говорю – «Мы тут бедствуем, а они на нашем «Золотом человеке» деньги зарабатывают!». А он сказал «Ну что ж, пусть они зарабатывают».

Вопрос: Надо было вам при Институте открывать такой сувенирный цех.

Ответ: Нам некогда, надо было в поле ехать. Когда все закончилось, мы работали на Отраре, с весны до осени, безвыездно. Кималь Акишевич внешне был серьезный, даже суровый. Но это было первое впечатление. Работая с ним, ощущалась его основательность, надежность, поддержка и в работе, и по жизни. Мы и в жару работали. Условия невозможные. Сначала в палатках жили, потом в юртах, потом нам базу построили. На этой базе были солончаки. На праздники Кималь Акишевич собирал нас и мы пели песни ... и ждали, когда на Отраре будут персики цвести...!

**Алишер Акишев – кандидат исторических наук,
археолог, участник экспедиции**

Интервью

Алишер Акишев: Я нашёл рукописный отчет Виктора Грошева, единственное, что есть из того времени по Иссыку. Сам поразился, буквально три странички. Они меня смутили. Судя по отчету «Золотой человек» был похоронен не под общей насыпью, а находился в стороне. Помню, у меня были фотографии, где какая-то выкладка и я рядом сижу «ковыряюсь».

Вопрос: Большой курган и рядом маленький?

Ответ: Нет. У нас по «легенде» – два погребения. Я считаю, что «центральное погребение» – это жертвенная камера. Грабители по центру как раз попали на неё, и ничего не нашли, поскольку там была куча костей животных. Лошади, бараны, зольник, одним словом, сопутствующее место, связанное с тризной. А вот погребение «Золотого человека», по-моему, и есть самое центральное. Под одним курганом, бывают такие конструкции. В Аржане такое было, но он более ранний. Место, где лежат люди – одно, там сруб. А сбоку там другие срубы – там лошади. Под одной насыпью. И лежал ли человек (*в центральном погребении*)

– неизвестно.

Работы на аварийном кургане Иссык начались в 1969 году. Могильник Иссык известен давно, его открыл А.Н. Бернштам в 1930-х годах. В последующем он находился под охраной государства. По Закону о памятниках, который в те времена неукоснительно исполнялся, при любом строительстве на территории памятника требовалось разрешение и археологическое обследование.

В отдел археологии с просьбой проконтролировать снос насыпей нескольких курганов на месте строительства автобазы обратилась дирекция иссыкской автобазы. По-моему, это было осенью 1969 года. Строители должны были предоставить технику, поскольку памятник подвергался разрушению. Но вскоре начались дожди, снег и раскопки пришлось законсервировать.

Автобаза для раскопок предоставила бульдозер, который вскоре сломался. Потом второй. Некоторые утверждают, что второй упал в яму. Ничего подобного. Поверх кургана была воронка, древняя грабительская, поэтому если бульдозер и завалился, то он завалился в воронку. Яма находилась глубоко внизу, и строители до неё не дошли.

В следующем году в апреле, как только снег сошёл, стали производить расчистку, насыпь уже была практически снесена. До уровня древней поверхности археологи копали вручную, камни отбрасывали. Бульдозеры в этой работе не принимали никакого участия, рядом уже их не было.

В это время меня отпустили с лекций в КазГУ, и я в качестве студента-практиканта прибыл на раскоп, вокруг которого толпилось множество людей из села Иссык.

Стали постепенно раскапывать погребение. Но поскольку большие курганы могильника были разграблены, мы не ждали каких-то открытий, трудозатраты при этом были большие. Несмотря на это необходимо было произвести раскоп, определить конструкцию, выявить находки. При вскрытии «центрального захоронения» были обнаружены лишь разрозненные кости животных. Продолжая раскопочные работы, нашли боковое

погребение. Вернее, это и было погребение вождя. Обнаружили его археологи. Бульдозер не нашел бы, так как погребение находилось на большой глубине. Когда насыпь вручную сняли, был выявлен тлен камеры деревянной конструкции.

Вопрос: Помните, Б.Нурмуханбетов говорил, что попросил Савву (*водителя бульдозера*) пройти 15 м южнее. И там он зацепил какое-то бревно?

Ответ: Это чуть-чуть верхнее. Бульдозером обычно производишь зачистку камней в конструкции насыпи кургана, бульдозер лишь помогает убрать огромные валуны. Однако бульдозер не мог дойти до бревен погребения. Чтобы дойти до сруба, необходимо привлечение техники. Сруб гораздо ниже, никаких бревен не может быть, никакой бульдозер не мог ничего зацепить.

Вопрос: А как Б.Нурмуханбетов догадался, что там что-то есть? По каким признакам это видно?

Ответ: Потому что погребальная яма, куда опускали сруб с усопшим, сохраняется. Это гигантский котлован, контуры этой ямы и «нащупали». Естественно там были какие-то признаки, что здесь есть ещё одно погребение. Это могли определить только археологи, производя расчистку вручную. Чтобы дойти до этого самого погребения, надо много работать, оно может быть 3–4 м глубиной. И погребение все-таки было царским. Это тяжелая работа, там такие огромные булыжники, речные отложения, глина. Всё это извлекалось, и образовался уже внушительный раскоп. Дошли до венца конструкции сруба, который был завален ещё в древности. Дошли и увидели, что бревна лежат в порядке несмотря ни на что. Потом дерево, естественно, как только коснулось воздуха, начало расслаиваться.

Грабители, судя по всему, не проникли в погребение, не было выявлено никаких признаков указывающих на это. Тогда встал вопрос о проведении серьезных археологических исследований. При зачистке погребальной камеры всегда было множество людей. Некоторые из сотрудников отдела археологии стали работать на

кургане Иссык. К примеру, Садомсков Владимир Иванович, он потом стал инженером-реставратором, а тогда он был археологом. Олег Викторович Медведев – фотограф, непрерывно ходил и каждый этап фотографировал. Были художницы – Тамара Воробьева и ещё одна девушка – Квинт, по-моему. Они стояли с планшетами и каждый этап отрисовывали. Поскольку раскоп находился непосредственно вблизи от поселка, надо было действовать быстро, хотя по методике курган такого масштаба надо дольше копать, медленно, основательно. Но здесь торопились, было беспокойно. Я помню, тот апрель выдался дождливым, а котлован большой и над таким котлованом ничего нельзя было сделать, ни настила, ничего. Вода заливала. Я был там несколько дней, Бекен был и Айбек Амандыков, жили где-то там, в домике, охраняли раскоп. Остальные наезжали в течение дня и следили.

Когда снимали бревна настила, на фотографии видно, они под тяжестью грунта видимо завалились и переломились посередине. Как раз первая часть раздавила череп. К тому времени труп был уже полностью разложившийся. Тогда ещё не подозревали, что в захоронении обнаружится золото. Я помню, какой там был скандал. Уже стоит оконтуренный сруб. Он из бревен ели. Видно, что там погребение. Естественно в этом поселке появились дикие легенды – копают что-то грандиозное и там что-то есть, сокровища. Сруб надо было постепенно разбирать, нумеровать бревна, описывать, он должен быть отрисован. Постепенно снимать. Охраны никакой не было. Поскольку Бекен был не в самом раскопе, а в домике с Айбеком, действительно ночью, мальчишки какие-то – двое или трое спрыгнули в этот котлован и в одном углу там между бревен стали копать. И вот когда рылись, там же трухлявые бревна были, они вытащили золотые бляшки с правого сапога. И бежать.

Вопрос: Они сапог вытащили?

Ответ: Какой там, там же естественно ничего не осталось. Сапог это мы реконструировали. С того места где была нога, они что на ощупь определили, то и взяли. Просто нет уже этих бляшек, на втором то есть. Они эти бляшки стащили, потом начали

хвастаться. Кто-то на них донес. Бляшки эти забрали. И есть такое подозрение, что они не всё сдали. Но это моё личное подозрение. Потому что уже потом, когда я изучал этот комплекс, сообразил, что там с правой стороны лежал длинный меч. А до этого (*железо окислившееся*) мальчишки обломали его. Обломок остался. А если он был длинный, то он мог до пятки доходить. А поскольку я в том месте расчищал, где был этот меч, то точно всё помню. Он был покрыт красной краской и там были совершенно аморфные куски, просто распадающиеся куски окиси серебра. Они даже в описание не попали. Я обратил внимание, потому что это крепление ножен меча, гарда, а у такого меча вполне вероятно на конце должен быть утяжелитель, чтобы он не бился по ноге. Утяжелитель мог быть золотым, и они могли его не сдать. А то, что было на ноге, это фольга золотая на бронзовой основе. Насчет утяжелителя – это «от черта», но идея домысливается.

После этого пошёл аврал, и надо было сидеть и буквально ажиотажно раскапывать, очень быстро. Потом появилась охрана, милиционеры с автоматом.

Вопрос: Бекен Нурмуханбетович говорит, что Кималь Акишевич пошёл, договорился с милицией, чтобы поставили охрану.

Ответ: Охрана была, даже говорят – в воздух стреляли. Я не знаю. Слышал. Поскольку там уже местные, прослышав, что золото есть, пытались пробираться. Когда уже полностью сняли вот этот настил, накат верхний сруба, там тогда уже все мы принялись яму расчищать. Поскольку погребение большое, там для скорости пустили не одного археолога. Меня тогда, слава богу, отпустили из КазГУ. Я, Айбек, Бекен и ещё несколько человек сидели и чистили каждый по секторам. Это тоже не очень хорошо, потому что лучше если бы один человек раскапывал и фиксировал. А здесь приходилось наскоро, что могли, то сделали. Там был особенный случай, когда расчистили и увидели, что погребенный весь покрыт золотом, сосуды... этого никто никогда не видел у нас в Казахстане. Да и вообще нигде.

Вопрос: Тамара Викторовна вспоминает, что сосуды стали «плавиться». Что там было?

Ответ: Это дымка. Сосуды глиняные, они все целые. Всего сосудов – 31. Там главное число 31 и 30, что связано с календарным циклом. Сосуды все сохранились, они на фотографиях видны. В Пызырыке в условиях мерзлоты, всё просто, а здесь аллювиальный грунт, булыжники с песком, сыро, естественно, дерево начало распадаться. Закрывать всё время приходилось, накрывать мокрой ватой. А сосуды... чего с ними, они высохли и также звенят. Они станковые и лощенные, сохранность хорошая. Для сакской культуры было определено впервые – наличие станковой посуды, т.е. сделанной на гончарном круге. Что вообще ... сенсация, по идее. У них красное лощение. Кстати, нормальной публикации по ним не было. Посуда очень хорошего качества, т.е. какая-то связь с земледельческими центрами там есть. Кочевник такое не сделает, обычно это делается в ремесленном центре. На токарном станке сделаны деревянные изделия. Наверное, на таком станке как у казахов были, т.е. они тоже станковые. И это показатель.

Короче говоря, мы снимали по секторам. Когда стали далее расчищать погребение, был промежуточный финал, 22-го апреля мы стали уже с дикой скоростью чистить. Тамара стояла, Олег бегал по секторам, и кто что успел заметить, то и фиксировал. Очень быстро надо было делать, поскольку там дождь начал накрапывать очередной раз. И котлован мог наполниться водой, а там грунтовая вода подступала. В общем, жуткая ситуация. Торопились, и потом сохранить это вот так открытое золото, никак не смогли бы, оно бы точно заплывло, затем шеф говорит: «Всё, расчищаем и одновременно снимаем». Хорошо, что на раскопе были фотографы и художники. Они зарисовывали всё относительно положения предметов, сами предметы рисовали и т.д. Быстро. Две художницы. Потом приехали прослышавшие киношники и хотели заснять процесс на киноплёнку. Но отец запретил им снимать. Ажиотаж поднялся. Отец не давал никому снимать, потом жалел об этом действительно. Надо было все-таки, чтобы сняли. У нас тогда

не было никакой возможности видео съёмки. Затем мы на вату (*подручный материал*) снимали золото по секторам и складывали в цинки (*коробки из-под фотопленки*), которые имелись у фотографа. Потом собрали керамику, сняли керамику, подносы деревянные, в общем, всё практически. Оставались кости. Поскольку у него (*погребенного*) рубашка была обшита золотом, то кости оставили *in situ*, так как надо было снять костяк и под костяком с обратной стороны посмотреть, что могло завалиться под тело, вниз. Это мы уже не успевали, и как сейчас помню, чуть ли не впотьмах мы закончили исследование погребения. Тогда с нами был Садомсков Владимир Иванович, он упаковкой артефактов руководил. Мы хотели забрать для радиокарбона дерево, но оно, к сожалению, буквально превращалось в труху. Ничего, кроме подносов не удалось взять. Не знаю, куда сейчас сохранившиеся бревна делись. Мы их тогда забрали.

У отца был водитель полевой машины – Абросимов Юра. Мы с отцом, Абросимов и Владимир Иванович погрузили золото, фрагменты бревен в полевой газик. Золота было немного – 4,5 кг. Оно в цинки вместились. Основное место сосуды занимали. Погрузив весь материал, мы поехали в Алма-Ату уже глубокой ночью.

Бекен остался, его задача была снять кости, череп был раздавлен. В трухе от дерева фрагменты сохранились, затылочная часть, поскольку я там ковырялся, и насколько я помню, она нормально сохранилась. Вы видели, наверно, на фотографиях, там видно, что он этими бревнами ещё в древности был раздавлен. И поэтому с этим головным убором проблемы, поскольку бревна рухнули прямо там, где у него колпак был, и там всё основательно нарушено было – когда, что и где пришлось, потом уже разбираться. Этим занимался и я, долгое время отец. Что, как и почему вот это было. И ещё это не закончено, там есть спорные вопросы действительно.

Владимир Иванович предложил пропилить со всех сторон («Алтын адам» лежал не на земле, а на деревянных плахах,

скрепленных железными скобами), поддеть эти плахи на лист железа и попробовать вытащить. Потом, чтобы дождем не залило, эту часть с костями перетащили в домик. По правилам археологии там ниже погребения должны на штык лопаты прокопать, мало ли что. На следующий день Бекен нашёл там один золотой перстень. Молодец. Один перстень был. Второй даже и не помню. На фотографии его нет. Потому что там, где был перстень, тот сектор я расчищал, я помню, что там не было второго. А Бекен нашёл тот, что без изображения, перстень-зеркальцем.

Короче говоря, мы выехали ночью, тогда дорога была очень плохая, битая, не как сейчас. И вот когда мы на трассу Кульджинскую поворачивали, прямо перед нами мотоциклист врезался в бензовоз, полный, на глазах у нас на бешеной скорости. Без шлема. Как-то уж очень умело врезался, что и сам разбился, и ещё взорвал бензовоз. Когда мы проезжали, там такой «ядерный» гриб пламени стоял. Обычно такие на три тонны бензина. Конечно, мы были в шоке. Такие неприятные сочетания – вот эти грабят, местные там пытаются отстоять «своё» золото, поживиться, и ещё вот такая штука...

В общем, приехали мы уже глубокой ночью. Тогда у нас был отдел археологии в Институте истории, археологии и этнографии. Ни сектора, ни Института археологии ещё не было. Это потом – Музей археологии и сектор археологии выделился. А этот Институт находился в малом конференц-зале Академии наук. Отдел археологии. Все там находились. А лаборатория Олега, там, где Владимир Иванович ковырялся, реставрацией занимался, она была в здании издательства «Галым» (Пушкина/Джамбула). Серое такое здание, его потом, по-моему, приватизировали. Там Институт уйгуроведения и затем востоковедения был. А раньше это было всё здание Издательства «Наука», а в подвале у них была лаборатория. Мы жили тогда на Фурманова–Виноградова. И поскольку тогда был запрет на проезд таких машин как уазики по центральной части города, мы ночью сгрузили эту керамику и вот эти деревянные предметы в подвал Владимиру Ивановичу

Садомскову и Олегу Викторовичу Медведеву, у них ключ был, они могли попасть. Потому что 22-го был субботник и уже никто не работал.

Мы доезжаем до Тулебаева, там ещё можно было как-то завернуть. А там, напротив нашего был Кунаевский дом. И пешком с отцом где-то два квартала с этими цинками несли золото в кромешной тьме, их же там не оставишь, т.к. ни охраны, ничего нет, а здесь золото, полные «коробочки».

Пришли домой разложили. Дома, естественно, все уже знают. «Хоть покажите что?». Я помню, открыли эту коробку, где были поясные бляшки, мы-то знали, где примерно что. Я ещё взял их и помыл мыльной водой, они же грязные были, и они засверкали. Тут же ночью пришли Меиз Канышевна и Ханиса Канышевна, сестрёнки отцовские, посмотреть. Они ночью были у нас, т.е. они увидели первыми. Утром отец вскочил, ему надо было срочно ехать, добиваться, чтобы ему сейф и охрану выделили. Место, где можно хранить предметы. Мать пошла на работу, в кинотехникуме работала, педагог. Меня оставили дома караулить. Отец просил никого не впускать. А мне друзья позвонили, и я взял ключ и оставил соседям. Соседи хорошие были. Отец скоро приехал и видит, что меня дома нет, а ключ у соседей. За что и «получил» я от него.

Золото увезли в тот же день, выделили сейф в главном корпусе Академии, там была общая охрана. А когда перевезли в Музей археологии, мы золотую кладовку сделали, с сигнализацией, капитально значит.

Бекен на следующий день спилил плахи, и нашёл ещё один золотой перстень. Он вообще очень удачливый человек и молодец.

Вопрос: Скажите, почему в первой реконструкции перстни на разных руках, а в статье через пять лет – на одной руке? Какой вариант всё-таки правильный?

Ответ: Нет, на левой руке никакого перстня не было. Там почему-то лежал кинжал. Я об этом писал в своей книжке. У

меня, кстати, до сих пор не опубликована эта часть. Кинжал, судя по конструкции привязи, должен быть справа, а он был положен слева, причем он был перевернут. А меч наоборот. Его удобнее вытаскивать правой рукой.

Вопрос: Поэтому в реконструкциях по-разному. Все спрашивают.

Ответ: Там инверсия ритуальная. Она требует объяснения. В принципе в погребальной обрядности такие инверсии сплошь и рядом. Поскольку он уже не тот, и происходит некое инвертирование этих вещей. Иногда ломают эти предметы, чтобы не достали. Здесь они поменяли местами, почему-то. Второй перстень был найден под правой рукой, т.е. он от фаланг правой руки. Как он оказался ниже плаха? Когда падало вот это перекрытие, они вбили вниз, видимо масса ещё была. Потому что помню, когда я чистил, хорошо помню, был только один перстень, а потом на том же участке Бекен нашёл второй перстень, из чего мы заключаем, что они оба были на правой руке. Что логично, кстати. Они никак не лишние.

Вопрос: Почему Крым Алтынбеков делает реконструкцию с перстнями на разных руках?

Ответ: Я давал Алтынбекову книгу по реконструкции, кстати, неопубликованную до сих пор полностью. Он по ней делал. Но в этой книге об этом ничего не говорю. Он придумывает. Я посоветовал ему плащ сделать, корону. Всё это придумано нами, а не им. Мы с Владимиром Ивановичем советовались, и пришли к мнению, что вот эти лошадки, что сейчас на гербе Казахстана, они не нашивались на головной убор. У меня был доступ в кладовку, поскольку я описывал все эти предметы, мы с ним рассматривали. Они были на деревянной основе и крепились как единое целое с таким ободом, который сначала считался околышем на этом головном уборе. Потом я сообразил, что это корона была. Деревянная корона, плакированная золотом. На этот головной убор, кулах, сверху ещё одевалась корона. У нас в Центральном музее есть обод котла, а сверху козлы рогатые. Вот этот же принцип. Трипод – сверху припаяны козлы. В принципе – это исыкская эмблема.

Вот точно такая же корона была у Него на голове. Отдельно. Потом в Тилля-тепе, в Афганистане стали находить короны юечжей (*В. Саруаниди*)... Хотя мы и раньше думали, что это корона. Правда, в тех реконструкциях, в первых, которые по-быстрому сделали, обод ещё нашит прямо на ткань головного убора. Но потом я кое-как убедил, что она была отдельно. Два перстня на одной руке. В один перстень, «зеркальце» он сам себя мог увидеть, на втором Митра изображен. Сакский бог. А вот этот второй перстень – на самом деле это стилизация щитка для предотвращения удара тетивы при стрельбе из лука. Такие делали из бронзы сакские племена. В Тагарской культуре есть очень похожие. Когда натягивается очень тугий лук, при обратном резонировании тетивы, она ведь может и перебить палец. Перстень без изображения носили на пальце, для предохранения при стрельбе из лука. И до сих пор есть такие напальчники, они уже иные, у лучников перчатки такие есть со щитками, которые предохраняют палец. У Него всё это было, но уже ритуализировано и переосмыслено со страшной силой.

Вопрос: Вернемся к вопросу о том, что возможно Его захоронение было центральным, а всё остальное – боковое?

Ответ: У меня было сомнение. По идее все этапы раскопок должны были быть описаны, но, к сожалению, они не описаны. Потом ещё приезжал Виктор Грошев и докапывал какие-то мелкие курганы, было найдено немало золотых серёжек, колечек, которые тоже вошли в книжку «Курган Иссык».

Вопрос: А почему мы говорим, что он царь, если сбоку был захоронен?

Ответ: Погребение *in situ*, в основном, то есть не потревоженное, несмотря на то, что перекрытия рухнули. Бляшки были нашиты на одежду плотно, как кольчуга, точнее как катафракта, панцирный доспех, что послужило одной из возможностей восстановления формы одежды. Поскольку никакой ткани, никакой кожи не сохранилось, только небольшие фрагменты. Там была окись вкладыша бронзового, и проокисленного красного кусочка кожи. Красного цвета, просто соли меди ... иногда ярко

красный цвет виден.

Вопрос: Почему первая реконструкция была коричневого цвета?

Ответ: Потому что не было такой замши, была искусственная замша. Что нашли, то нашли. Отец где-то отыскал такую эту замшу. Потом раздобыл манекен в магазине на Карла Маркса–Джамбула. Они уже слышали про находку и просто подарили ему. И первая реконструкция она дорога, поскольку там действительно замша была. Никакой тогда в Советском Союзе найти нельзя было, пришить (*подлинные бляшки*) нельзя было. А реконструкцию можно было сделать, тем более, что уже были идеи как. Были иконографические параллели. Сохранились кусочки кожи, я даже помню, когда мы снимали, кусочки были красненькие, и они потом, высыхая, в трубочки сворачивались. Они были, мы зафиксировали этот момент. Единственное, что не вошло в описание, жалею очень, я говорил уже об этом. Когда чистил, там, где был меч, я нашёл вот такой кусок серебра (диаметр – 5 см?), это уже была просто «глина» такая, но поскольку я в археологии с пяти лет, я что-то понимал уже в то время. Мог отличить, как выглядит окись меди и окись серебра. Оно было такое немножко фиолетового цвета, и оно прямо распалось в руках. Я помню, в пакетик сложил и сказал, что здесь серебро, какой-то предмет был. Потом уже, гораздо позже, когда мы изучали, я понял, что здесь по идее должно быть крепление гарды, так португезя привязи меча крепилась. Бляшки золотые сохранились, которые на португезе, а через какую скобу он (*меч*) крепился? Вот там она была, серебряная скоба. К сожалению, от неё ничего не осталось.

Вопрос: Почему от неё ничего не осталось, а серебряная чаша сохранилась?

Ответ: Серебряная чаша ... Мы качественный анализ не делали, но кажется там серебро с золотом. Она из электра. А вот вторая чаша, там была ещё одна чаша, в которой, видимо, лежала его голова (он лежал, откинувшись назад головой). Она была бронзовой, медной, покрытой золотом и почти полностью

прокислилась. Буквально фрагменты, и там была видна пыль от золота. Что тоже непостижимо. Холодное золочение, это золочение с использованием ртути. В сакское время такое!?... Потом оказалось, что все эти предметы, вся эта фольга, это не штамповка, они литые, все до единого. Даже самые маленькие золотые бляшки, даже они литые на самом деле. Это была сенсация. То, что они все литые – это вообще было немыслимо, поскольку этого быть не может, как казалось. Первоначально было описано, что это штамповка. А это метод утраченного воска и утраченного текстиля, который родился в технике изготовления лака в Китае. И это хорошая восточная «ниточка», которую юечжи, а это саки на самом деле, тянут в Китай, в Сиань, где похожие вещи и литейные формы были обнаружены. У саков были города, сакское поселение Сарытогай, тянется 3 км., у них было высокоразвитое ювелирное искусство, но технологически есть сильные связи с искусством Чжоу, период Чжань-го (*китайский*). В частности, я считаю, что там связи с искусством конкретно княжества Ян. Есть даже иконографические параллели с Китаем, т.е. есть связи, о чем я в своей книжке пишу.

В то время в Китае была культурная революция, и у нас были бесконечные конфликты с Китаем на границе. Поэтому я слово не мог сказать о своей версии. Мне слово «Китай» из статей вымарывали. Обязательно, когда выходила в газете какая-нибудь популярная статья, то тут же на меня кто-то доносил, что я пропагандирую китайский экспансионизм и т.д.

Короче говоря, вот эту замшу купили за свои деньги. А манекен принесли потом. Поскольку общее положение бляшек было понятно, нужно было показать эти предметы руководству.

Не помню, в какой день пришло руководство, пришел Б.Ашимов, тогда председатель правительства, Д.А. Кунаев, для них быстро сложили куртку («*Золотого человека*»), там, где были обшиты штаны, приблизительно, где сапоги. Гривну положили и детали украшения головного убора. Руководство посмотрело, по-моему, всё правительство пришло смотреть. Из зарубежных товарищей, первым посмотрел шах Ирана – Реза Пехлеви с

супругой. У него жена азербайджанка, красавица. В СССР тогда были хорошие отношения с Ираном, там тогда было светское государство. И поскольку он (*шах*) был человек очень грамотный, он посмотрел и сказал, что это «ахемениды». Я помню, мы поразились, что он разбирается. На самом деле здесь есть мощное ахеменидское влияние. Было очень приятно. А я хоть и студент, но был допущен, у меня был фотоаппарат «Смена», но с него плохие фотографии были. Из научных кругов потом посмотрел академик Мстислав Келдыш и многие другие.

После этого нам выделили место для Музея археологии в «Трёх богатырях», там же сделали Золотую кладовую.

Вопрос: Посуда сделана на станке, токарный станок, литые блишки, до сих пор не понятно, как ручки к котлам крепились. Сварки же не было, каким образом они крепились? Ученые, Келдыш, никаких предположений не выдвигали?

Ответ: Иссыком же долго занимались, и будут заниматься по-хорошему. К сожалению, сейчас это нельзя сделать. Я сколько бился, чтобы они всё собрали в одном хранении. Керамика не вся у вас (*в заповеднике-музее «Иссык»*). Я им сказал – или всё отдавайте, или ничего, нельзя так делать. Это комплекс, это симфония, условно говоря. Это текст, нельзя было «страницы из книги» выдирать. И я говорил – коли «Иссык» строят – отдайте туда всё.

Что удивительно, в Иссыке не было лошадей. В Пызырыке были, а здесь – нет. Вот лошади были там, где кости нашли (*в «центральной части»*), я так думаю.

В Центральном музее у нас имеются два котла, они чугунные сакские. Метод литья чугуна в XVIII веке изобрели, нашей эры. В Китае – пораньше. Китайцы чугунные предметы примерно в это время отливали. Самое интересное то, что они у нас в Семиречье обнаружены с остатками форм, в которых их лили. Выходит, саки тоже обладали технологией чугунного литья. Ручки к котлу, убей меня, не знаю, как приваривали. Их припаивали, каким образом – не знаю. Они знали технологию, и это не вымысел. Потому что сакские котлы, триподы не выбиты, не выкованы, они отлиты из

меди и бронзы, т.е. делается большая форма и отливается, иногда с ручками. На ручках имеются литейные швы, поскольку формы то гигантские, они должны быть двусторонние. О том, что котлы лили, И.Копылов писал в своей статье, он делал анализы металла. Находили в кладах бронзу, находили обломки форм. Некоторые из них просто не использовались никогда, т.е. они были отлиты и почему-то зарыты. Видно, что они не зашлифованы, скорее всего, это литейный брак. Для чего – непонятно. Швы грубые такие, а некоторые имеют следы ремонта, курильницы, которые у нас в ЦГМ, т.е. их ремонтировали, передавали несколько раз по наследству, из поколения в поколение и т.д. А котлы, которых у нас множество найдено, некоторые вообще никогда не использовались.

Самое интересное, на что обращайтесь внимание, это первое – что там (*в кургане Иссык*) всё литьё, потом предметы дали на анализ спектральщикам. Меиз Канышевна рекомендовала свою коллегу Элли Федоровну Кузнецову, отвезла пробы в лабораторию спектрального анализа. Тогда нам делали рентгенографический анализ. Она большую работу проводила, поскольку делала спектральный анализ предметов. Причем в те времена он не лазерный был, а более точный. Небольшую часть золота высверливали с обратной стороны, место это потом покрывали мастикой. Анализы, которые делала Э.Кузнецова, являются «отпечатками пальцев» для каждого предмета. Потому что при сжигании золото даёт десятки элементов. А здесь Кузнецова определила множество компонентов в составе, и всё золото оказалось разное... Настолько разное, своеобразное для разных предметов, что оно видимо из разных месторождений поступало. Это раз. Плюс, была возможность определить золото из какого месторождения примерно, может быть по такому составу быть близко. Она даже выявила некоторые предметы с золотом с центрально-казахстанскими связями. Все эти анализы в Институте археологии. Она была у нас зав. лабораторией спектрального анализа, и всё время только этим занималась, золотом и бронзой. Кое-что публиковала в специальной литературе.

Вопрос: А всё-таки кто это был – девушка или юноша?

Ответ: С чего это всё пошло, чуть ли не с меня, по-моему... В принципе – может какой-то толчок. В 70-м году я на втором курсе учился. У меня тогда курсовая была «Золотой олень», т.е. одному образу посвящена была, потом я стал писать дипломную, но мне её запретили писать. Написал по новейшей истории, «Идеология новых левых в США». Тем не менее, я занимался и описывал эти вещи, золотые предметы, они потом вошли в «Курган Иссык», не знаю все ли. Потом когда я уже был в Москве, у меня вышла статья о том, что этот головной убор напоминает саукеле, я терминологию рассматривал. Но никто же не читает что такое «сау келе», я там пишу, что термин не тюркский, а иранский. «Келе» – это «колох», абсолютно индоевропейский, в частности, иранский термин. Островерхий головной убор, это доказано. А свадебные церемонии часто переживают архетипные традиции. У казахов «шанырак» – это не тюркское название, это сакское название, «чангарака» - это буквально «обод», иногда – «небесный круг». Это сакское слово. «Чанг» – это «круглый инструмент». «Тенгерек» – это, кстати, тоже диалектная форма, тохарская. Эти термины очень древние. «Талгар» – это «тайра гара» – «высокая гора» на хотано-сакском языке, единственный сакский топоним, который у нас сохранился. От вашего музея вы видите этот трехглавый пик. Вот он изображен на трехглавых горах в Иссыке (на головном уборе «Золотого человека»). А это означает «тайра гара» – «мировая гора», т.е. «высокая гора». У казахов сохранилось в форме «Талгар». Слава богу, молодцы, что не переименовали, это древний индоевропейский термин. Ладно, с этим всё просто. И я писал, что саукеле используется в свадебной обрядности. Я взял саукеле у казахов, у каракалпаков сопоставил с разными головными уборами, у татар, башкир, каракалпаков – везде, где есть нечто подобное, и рассмотрел терминологию. И потом я писал, что существует понятие «инверсии», муж, жених и невеста, вместо – царь и царица, во время обряда. Плюс надо было объяснять почему, судя по конструкции креплений портупей, меч и кинжал лежат не так как полагается, а неправильно. И я писал об инверсии, что это

может быть обручение с Землей, свадьба. Поскольку Он женится на смерти, Он должен выступить как женское начало. Бинарным должен становиться, понимаете? И вот кто-то зацепился за это. Плюс – у него нашли золотую серьгу, я не помню кто, но какой-то журналист решил, что «это сережка». У Него в правом ухе была серьга. Почему серьга? Если серьга, то это женщина. Я много раз говорил – ну и что, что серьга? Мужчины носили серьги, более того, если ты знатного рода, то это обязательно, как знак. Возьмите ападану, тронный зал в Персеполе, там изображены саки тиграхауда, хаомаварга, Дарий сидит, ахемениды, бессмертные. У них у всех серьги. Вплоть до того, что Геродот упоминает, что когда Дария избирали, там Лжесмердис, самозванец, до Дария, не мог претендовать на руководство иранцами. Они вот как выяснили, что он не тот, за кого себя выдает. Прокрались ночью и посмотрели на него, и обнаружили, что у него нет серьги, значит не из царского рода. Он знал, что не имеет права на такую инсигнию, боялся носить серьгу, потому что серьги носила знать. А там (*в Иссыке*) бирюза, камень счастья и всё такое. Мужчины носили. Я им объяснял – извините, цыгане носят, боцманы носят, в Индии мужчины носят, и в носу носят. Но у нас тогда мужчины серьги не носили. Вот и стали говорить, что это женщина. Плюс череп, конечно. Антропологическое заключение Оразака Исмагулова. Когда кости привезли, там берцовые, тазовые кости были хорошей сохранности, а череп был сильно раздавлен. Это был достаточно грацильный молодой человек, высокий, ноги стройные. Это личное моё такое впечатление. К тому времени я был достаточно тёртый, уже в школьные годы копал, мог определить пол по тазовым костям без черепа. Это мужское погребение. Да и женщины иначе одевались, совершенно по-другому.

У О.Исмагулова была антропологическая лаборатория в Институте истории, археологии и этнографии. Антропологический материал был только у археологов, весь материал сдавали ему, поскольку не было специалистов тогда во всей Средней Азии. Он определил, что это молодой человек 18 лет, по каким признакам я

не знаю.

Мужчина 18 лет – это не молодой человек, а взрослый мужчина, при среднем возрасте 27–30 лет в те времена. Потом лично Оразак Исмагулович мне говорил, что у Него были какие-то черты гермофродизма. Может быть и не так. То, что Он грацильный, я и сам видел, у Него хорошие красивые кости. Просто, он из юэчжей, этот парень – потомок тохаров, кельтов, которые ещё во втором тысячелетии до н.э. пришли в Центральную Азию, и дали вот такое скифское племя как великие юэджи, согды («согуды» буквально переводится в китайской транскрипции «юэджи»).

У Него совершенно другой антропологический тип, чем у населения, которое было в тюркское время. Хотя тюрки очень грацильные, у тюрков очень грацильные скелеты. И черепа... В гуннское время гунны выглядят просто как девицы, очень изящные скелеты. А сакские, я некоторые видел, это рубаки, 2 метра это средний рост для них, по-моему. Там – гиганты. Черепа большие, очень мощные. Этот (*иссыкский*) был странный, что само по себе необычно и надо было объяснять, почему он такой.

Вопрос: Восстановить череп не было возможности, как-то склеить?

Ответ: Понимаете, при восстановлении по черепу, требуют все детали, до последнего зуба, отклонение на 1 мм и лицо на реконструкции меняется. Нужен целый череп, только он поддается реконструкции. Сейчас на основании зубов, а они там были все, можно было бы определить генетический тип, я уверен не монголоидный, а средиземноморский. Если бы не затерялись кости в лаборатории, можно было определить ДНК по зубам.

Вопрос: А по другим костям можно определить ДНК и прочее?

Ответ: Сейчас я не знаю как, дело в том, что этот материал сохраняется при таких условиях хранения в наиболее крепких костях. Дело в том, что в берцовых костях нет органики, они кальцинируются. Там молекулы ДНК не сохраняются, разрушаются полностью, а в зубах в корнях, высверливают материал, там можно

взять материал на исследование ДНК.

Вопрос: В Киргизии меня спрашивали, почему мы решили, что «Золотой человек» наш?

Ответ: В Киргизии школьники нашли клад в урочище Барскаун. Там был город древний Барсхан. Клад этот археолог В.Мокрынин из Киргизии привозил к нам. В.Мокрынин и В.Плоских подарили нам и фотографии предметов. У нас были хорошие, доверительные отношения. Они помогли нам, потому что тогда мы вообще не знали, что это такое, с нуля начинали.

Тогда в учебниках о саках мало было написано. «Массагеты поклоняются солнцу» – всё. Больше почти ничего мы не знали. А теперь – пожалуйста. Я приложил руку к тому, что в учебниках появилась более подробная информация о саках, что у них была письменность и т.д.

Потом диссертацию защищал по этой теме. Собрал буквально все материалы от Алтая, от Ордоса, Северного Китая, по всему миру, до ападаны в Персеполе. По всему континенту Евразия собрал всё что возможно и проследил, как это получилось. Там (*в Барскауне*), был интересный сплав, это не золото, анализ киргизы не делали. Помню, это был какой-то тетралоновый сплав, из четырех компонентов. Ещё Гумилев говорил, я с ним разговаривал, что в некотором отношении вот эти культуры скифского времени были цивилизационно выше, чем культура населения Средней Азии и Казахстана в XVIII веке. И он прав. Представляете – форма государственности, очень сложная система, собственно изобретенное письмо, технологии, сами придумали технологии плавки. Находим здесь – тетралоновые сплавы, горное дело, тончайшая техника литья, ювелирное искусство, токарные станки. В XVIII веке этого уже не было, котлы чугунные, извините, в России покупали. Такое бывает, вытесняют друг друга. А тогда была такая культура, она быстро прекратилась, но пик её мы определяем. Этот комплекс в этом отношении уникален, и, я вам гарантирую, никто ничего (*подобного*) не найдет.

В Киргизии нашли этот сплав, украшения из Барскауна

выполнены в том же стиле, что и Иссык, в этом смысле они идентичны. Там были найдены обрезки металла, слиток там какой-то. Сейчас это уже абсолютно ясно – это не импорт, саки всё сами делали. Возможно, было какое-то влияние Китая. Но мастера у них были могучие, поскольку у них здесь были уже города. Мы думали, что они чистые кочевники, а нет. У них были города и поселения огромные. Кроме того, они были глобалистами и что сами не могли, заказывали соседям. У нас литейные формы найдены. Ниже пограничного училища в Алматы были найдены литейные формы из сакского погребения. Там было поселение.

Были такие центры, иссыкульская долина – это один из мощнейших центров оседлых саков. Городов там много было. Но и в Жетысу сейчас мы находим, родимое Семиречье, оно не меньше. В долине Текеса в Китае тоже есть такие памятники. Там тоже была большая цивилизация.

В казахском языке сохранилось множество очень древних слов, возможно сакских. Мы их не ощущаем, но они для нас родные. Тенгри, шанырак, бакан в юрте, причем они терминологически и в числительных проявляются, т.е. в базовой лексике сохраняются, именно в тюркских языках. Вот мы забыли термин «заргар», а «зергер» употребляем. Это сакский термин, «золотых дел мастер» переводится и т.д. У нас есть «ядачи», а «ядугар» в Авесте упоминается.

Процесс тюркизации своеобразен тем, что он зафиксирован, в отличие от других подобных процессов, документально зафиксирован замечательнейшим образом. Когда это шло полным ходом в V веке, к тому времени большая часть населения Юга Казахстана – кангюйцы, народы Восточного Туркестана (*СУАР*), многие говорили на индоевропейских языках и других, на пракрыте Крорайны, тибетском, китайском. И вот во всей славе появляется очень привлекательные тюркские империи, каганаты появляются. Куда деваться? Тюркские языки стали ведущими, на них престижно говорить, и поэтому появляются книжки.

Вот нашли Книгу Замбасты. Это был сак такой – Замбаста. Он

говорил на хотано-сакском языке, сакском, хотя уже был горожанин. В городах саки жили уже. Он составил себе словарь. Правда они (*саки*) утратили одну из форм письма и стали писать письмом кхарошти. Хотя у них в Иссыке было своё письмо. Придумали хотанское письмо, другой вариант, у них вообще в сакское время существовало 4–5 вариантов письма, не только иссыкское. Мы даже не знаем, сколько письменностей было. Замбаста с одной стороны пишет тюркское слово, скажем «каган», а с другой стороны он пишет это слово как «хакканна», на его хотано-сакском языке. Он буквально для себя разговорник составлял, а вот это точнейший показатель того, что происходит тюркизация. Он вынужден учить этот язык. Он должен знать, ищет эквиваленты этому языку. Этот язык живет, без всяких рассуждений наших тюркологов, когда это было. Вот, существует высококлассный качественный памятник, который показывает процесс тюркизации ещё в V веке.

Как хотанские саки стали тюрками. Или людьми имеющими отношение к тюркам – с суффиксом «ч» – это будет «тюргеши», «тюргечи», как «балычки». Это значит – не «тюрк», а «имеющий отношение», буквально – «отюреченный», человек, который стал тюрком.

Другой вариант, в эпоху Тан разбили армию танского (китайского) генерала Гао Сяньчжи, в битве с арабами у Таласа. Арабы, помимо всего прочего захватили много китайцев, из армии этого генерала. Тогда в империи Тан было два известных генерала. Один из них способствовал развалу этой империи, он был из тюрков Ашина и служил китайскому двору. А второй воевал с арабами у Тараза. Тогда арабы захватили в плен несколько тысяч китайцев и поселили их где-то в районе Тараза. И вот приезжает буддийский путешественник Сюань Цзянь, и описывает, что есть в области Чач, в Талосэ (Талас) 5–6 тыс. китайцев, живут они отдельно, но говорить на своем языке уже не могут, носят тюркскую одежду. Он отметил, что они – китайцы превратились практически в тюрков.

Если бы саки не ушли в Индию, Южный Афганистан создавать империи, а остались здесь, мы бы сейчас, наверно, говорили бы на

североиранском, осетинском языках. Шутка. Из живых скифских языков сейчас остались только два – ваханский и осетинский.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА»

Владимир Иванович Садомсков
– реставратор, участник экспедиции, автор первого
варианта реконструкции «Золотого человека»

*Интервью В.И. Садомскова журналисту С.Борисову
(«Казахстанская правда». 1989 г.)*

Вопрос: Владимир Иванович, как вы отнеслись к известию о выходе в свет первой казахской марки с изображением сакского воина?

Ответ: У каждого человека есть в жизни звездный час. Лично у меня – это время, связанное с работой над реконструкцией «Золотого человека». В этой работе все – и яд, и горечь, и любовь. Отсюда и моё отношение к выходу марки. То, что казахская филателия началась именно с этой святыни народа, считаю высшей справедливостью. С другой стороны, я до глубины души возмущен топорной работой. Некомпетентность, непрофессионализм, отсутствие чувства меры у авторов марки прекрасного замысла привели к таким сенсационным последствиям, к сожалению, с обратным знаком.

Марка – емкое слово. Держать марку высоко – значит иметь высокую репутацию, честь, престиж. Пожалуй, это тот случай, когда коммерция подмяла под себя искусство.

Слабым утешением остается то, что марка в силу своих погрешностей станет филателистическим феноменом, вождеденной мечтой всех коллекционеров.

Вопрос: Не будем сыпать и дальше соль на раны. Давайте-ка вспомним, как состоялось это открытие. Где-то я слышал, что мечта любого археолога – открыть курган-пудовик с кучей золота.

Ответ: Настоящего археолога какой-нибудь черепок приведет в большой трепет, чем глыба золота. Лично я к этому металлу равнодушен. У нас с женой даже нет обручальных колец. Через мои руки прошли все золотые изделия из сакского могильника. Уверяю, даже самый чуткий детектор не обнаружил бы при этом у меня повышенного сердцебиения. Было другое: восхищение вкусом древнего мастера, точным глазомером, высоким стилем его искусства. В сознании не укладывается, что он творил два с половиной тысячелетия назад.

Вопрос: Об иссыкской находке написано немало. Вспомните, пожалуйста, какие-нибудь детали, естественно, не вошедшие в анналы истории.

Ответ: Виноват всему сель. Да, тот самый, что выплеснул из своих живописных берегов красивейшее озеро Иссык, а заодно снесший оказавшуюся на его пути автобазу. Строители новый автобазы приехали к нам, в район освоения попадало наше «владение» – курган. По нашим данным, никакой ценности он не представлял, так как в нем побывали раньше нас неожиданные гости. На всякий случай институт направил туда археологический надзор в составе двух человек.

Вопрос: С вашего позволения, Владимир Иванович, я продолжу этот рассказ воспоминаниями археолога Б.Нурмуханбетова: «Надзор – работа не пыльная. Бульдозеры срезали возвышенность, а мы ходили, как грачи, по пахоте и время от времени проверяли – нет ли чего подозрительного. В первый год

не управились. Работы перенесли на 70-й год. Была весна, точно это время. Работы близились к концу. Я попросил бульдозериста пройтись еще разочек. Он заупрямился, при еще одном проходе получалась выемка, которую строителям позже пришлось бы засыпать. Мы, надзор, стояли на своем. Бульдозерист опустил нож. После его проезда из земли показалось бревно. Мы скомандовали бульдозеристам: «Стоп!». Изголодавшись по работе, накинулись на отчистку бревен. Как только увидели, что стыки между ними заделаны с особым тщанием, поняли, что это царское захоронение. Тут же побежали на почту звонить в Алма-Ату. Только после этого из института прибыла вся археологическая бригада».

Ответ: Если не изменяет память, выемку золотых вещей мы производили в день столетнего тезоименитства великого теоретика новой жизни – Ленина. Скомкали весь праздник великой субботы. Считай, весь Иссык бросил подметать улицы и почтительно толпился у открытого захоронения. Как только мы ушли, граждане кинулись разбрасывать камни – вирус золотой лихорадки вечной живой.

Вопрос: Кому пришла в голову идея воссоздать – будем так говорить – в натуральную величину копию воина с его многочисленными украшениями?

Ответ: Кажется, это было коллективное решение. Интерес к находке был необычным. Самые высокие особы уровня шаха Ирана жаждали его лицезреть. Раскладывать золотые украшения – подумайте, четыре с половиной тысячи деталей! – на черном бархате – не то. Не доставало объемного изображения.

Вопрос: И когда настал ваш звездный час. Ваш коллега Нурмуханбетов в разговоре со мной просил подчеркнуть особо, что ваша работа не чисто техническое копирование, а самостоятельное творчество, требующее (я специально записал) таланта недюжинных способностей.

Ответ: Извините, не люблю повышенного интереса к своей персоне. Научное осмысление иссыкской находки дал признанный специалист в этой области Кималь Акишев. Моя же

роль значительно скромнее.

Вопрос: Взаимоотношения в научном мире – материя довольно хрупкая. Чуть что – битые горшки. Поэтому не будем вторгаться в эту весьма деликатную сферу. Расскажите лучше, Владимир Иванович, как вы вдруг стали реставратором. Расскажите малость о себе.

Ответ: Из саратовских мы, но жили в Уральске. После седьмого класса пошел токарем на завод, эвакуированный из Ленинграда, в инструментальный цех. Попал в руки к прекрасному мастеру. Учился в Алма-Ате, в университете, на истфаке, ездил в археологические экспедиции. Будем говорить так: мои скромные научные познания соединились с не менее скромными практическими навыками.

С каждого золотого украшения я делал гипсовый слепок. С одной и с другой стороны. Позже, из самозатвердевающей, смолы, той, из которой делают – какая проза! – вставные челюсти, изготовлял клише. Вставлял между двумя половинками анодированную ленту, крепко зажимал в тисках. Вот, кажется, и все. Конечно, пришлось в начале засесть за книгу по гальванике, по работе с золотом. Методику пришлось отрабатывать самому. При институте сделал своими руками настоящую экспериментальную лабораторию. Работал без выходных. Изготовление копий стало смыслом моей жизни.

Вопрос: И сколько же ушло на это времени?

Ответ: Три года. Каждое украшение, каждую бляшку пришлось пропустить многократно через свои руки, добиваясь абсолютного сходства. Огромную помощь в этом оказала мне жена Тамара Алексеевна. По профессии она – конструктор-модельер одежды. Я готовил копии украшений, онашила костюм для молодого воина. Работа адская. Бляшки нужно было подгонять плотно друг к дружке. Ошибка на миллиметр – и начинай все сначала. Костюм из коричневой искусственной замши примеряли на манекене, купленном в ЦУМе, а также на дочери, восьмикласснице Лене. Не верите, на какое-то время этот знатный юноша стал вроде члена

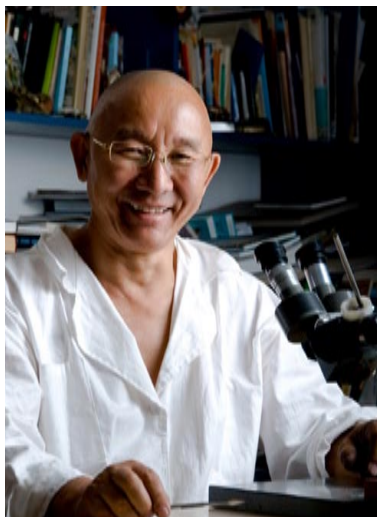
нашей семьи. Когда отдавали копию в музей, как будто оторвали что-то от сердца.

Вопрос: И сколько же вам за все это?

Ответ: Помните, когда-то была такая песня о хоккеистах: «А наши ребята за ту же зарплату...» Я сделал три копии. Две в натуральную величину, а одну – вполовину меньше. Маленькую делал для себя, несколько лет она стояла у меня дома. ВДНХ заплатила мне за копию 4,5 тысячи рублей. В старых ценах, конечно.

Вопрос: В прошлом году «Золотого человека» возили в Данию. По отзывам сама королева Маргарет, археолог по профессии восхищалась этой работой. Прагматичные люди успели изготовить маленькие копии «Золотого человека» и имели на этом неплохой бизнес. Как Вы относитесь к такому, чтобы какие-то яркие украшения «Золотого воина» растиражировались в виде украшений, сувениров?

Ответ: Когда-то, во время работы над копией, проходило что-то вроде съезда археологов. Я сделал в виде презента значок с изображением архара. Артефакт был потрясающий. Солидные ученые клянчили у меня значок как мальчишки. Я человек старой формации и считаю, что тиражирование лишает воина какого-то ореола, таинственности. Впрочем, в этом вопросе я не претендую на истину в последней инстанции. Главное, что бы это было высокохудожественно. Чтобы не получилось, как с маркой.

**Крым Алтынбеков – реставратор,
директор ТОО «Остров Крым», автор третьего
варианта реконструкции «Золотого человека»**

Интервью

Вопрос: Как Вы пришли к этой работе?

Ответ: Новую версию «Золотого человека» я делал по государственному заказу 1995–1996 гг. Ко мне обратился известный археолог и директор, в то время, Института Археологии им. А.Х. Маргулана К.М. Байпаков.

Задача была непростая, так как надо было сделать новую, более полную, версию реконструкции «Золотого человека». И тогда я приступил к работе, начал изучать материал, думать какой она должна быть. Поднимались все архивные документы, какие были, очень внимательно изучалась книга археолога Кималья Акишевича Акишева, по проекту которого В.И. Садомсков сделал первую реконструкцию еще в 1973 г., т.е. буквально три года спустя после раскопок. Авторы, видимо, торопились быстрее представить реконструкцию, и по каким-то причинам, многие детали костюма

были упущены.

Когда я начал работу, то при сравнении с первой реконструкцией и с материалами книги, было обнаружено множество деталей, которые были найдены при раскопках, но остались неиспользованными в ранней реконструкции.

Вопрос: А где это было? Какие архивные документы Вы использовали?

Ответ: Это в основном была книга К.А. Акишева «Курган Иссык» (1978 г.). А самое важное, директор музея археологии Бектуреева Роза Абуталиповна любезно предоставила мне доступ ко всем оригиналам, т.е. артефактам кургана Иссык.

Вопрос: Архивных материалов по «Иссыку» не было?

Ответ: Документов как таковых, кроме книги Акишева – нет.

Вопрос: А откуда Вы узнали, что много неиспользованных деталей?

Ответ: Это есть в книге, подробное описание – сколько элементов, в каком они были состоянии, где лежали на месте раскопок. Например, в первой реконструкции нет портупей, её я добавил. Это портупейный пояс, который на самом деле является «кісе белдік», такой пояс до сих пор носят казахи. Добавил, потому что в книге есть этот пояс. А в первой реконструкции – нет. Может быть, они могли тогда не знать, что второй пояс – портупейный. Дело в том, что тогда такой информации по теме как сейчас, мне кажется, не было.

Тем не менее, К.А. Акишев и В.И. Садомсков проделали огромный, колоссальный труд. Общая первая реконструкция была сделана хорошо. И нужно было ее дополнить, основываясь на предыдущем результате.

Такой серьезный заказ давал мне веское основание тщательно доработать реконструкцию.

Дело в том, что если бы К.Акишев, В.Садомсков не сделали первую реконструкцию, то мне бы пришлось намного тяжелее. Кроме того, нужно было учитывать все находки и открытия,

которые были сделаны за последнее время.

Благодаря изучению книги Кималя Акишевича, в процессе работы, все детали «находили свои места». Использовались фотографии и рисунки из книги в реальном масштабе. Также я расспрашивали тех, кто участвовал в раскопках. Но всё равно сведения были скудные.

Тем не менее, в процессе изучения и сопоставления аналогичных памятников, выяснялось: что, где и зачем находилось. Для того времени есть традиционная форма одежды, вооружения и атрибутов. И естественно, в процессе работы многие вопросы снимались, и детали вставляли на свои места.

Например, плащ-накидка. Откуда она взялась в новой реконструкции? Когда внимательно рассматривались фотографии и графические рисунки с раскопок, отчетливо были видны маленькие детали, расположенные как бы «вразброс». Кроме того, есть интересная бляшка из Тенликского кургана того же времени, той же культуры, с изображением всадника. Он как раз скачет в плащ-накидке. Взяв его за основу, при расположении бляшек у нас образовался рисунок, образ. Это, во-первых.

Во-вторых – у Него, естественно, было нижнее бельё, рубашка. По рисунку расположения бляшек – это видно. И, между прочим, были еще бусы, но они пока не использованы, потому что я до сих пор логически не знаю – где они могли бы быть, что могли украшать. Да и в книге об этом ничего не написано. Затем, у него были зеркало и мешочек. Их тоже восстановили. Это, скорее всего, было как обычно – кожаный мешочек, украшенный по краям мелкими бляшками из золотой фольги. Еще была камча, она также была восстановлена полностью.

Были определенные сложности при реконструкции акинака. Навершие на его рукояти было из железа. И конечно, со временем железо начало разбухать. Этот естественный процесс коррозии повредил общую форму. Форма стала неясной. В первой реконструкции авторы сделали так, как дошло до нас, в распухом виде непонятного животного. Вроде бы грифон, а вроде бы и нет.

На самом деле аналогичного оружия того времени найдено множество. Подобное оружие находят на Алтае и в других местах.

В итоге, основываясь на синхронных памятниках, рукоять была уточнена и стали видны протомы грифонов и изображение волка.

Затем были сделаны дополнения в ножнах акинака. На них появились неиспользованные в первой реконструкции бляшки с изображением лося и коня, а также литая бляшка-распределитель ремня в виде свернувшегося в клубок волка.

У этой объемной бляшки с рельефным изображением скрученного волка были пронизи. А это значит, что она имела функциональное назначение. Бляшка была сделана методом литья, её использовали при жизни владельца, несколько раз ремонтировали – об этом свидетельствуют характерные следы. Детально ее изучив, можно было понять принцип и суть ее использования – бляшка привязывалась через пронизь, тем самым крепился акинак к костюму воина, то есть она стала оправдывать своё существование. В то же время она есть и на фотографиях, расположена возле акинака. В первой реконструкции её не использовали. Таким образом, акинак получил полный экспозиционный вид. Так он и должен был выглядеть при первоначальном восстановлении.

Остальные украшения в основном состоят из фольги, это плакировка, основания были деревянные, а на одежде, как описывается в книге, они бронзовые. Естественно, эти деревянные основания исчезли, истлели и разрушились под действием времени и химических процессов, и осталась только золотая фольга.

Что касается кулаха – головного убора – в предыдущей реконструкции его тулья заканчивалась остроконечно. Но у

кулаха должна была быть некая форма, так было принято в ту эпоху. Очень распространенной у саков была форма головного убора в виде грифона или другого птичьего облика. И когда мы загнули вперед верхний конец тульи, то фигурка горного архара, которая завершает кулаха, села идеально, ее подставка подошла по форме к головному убору. В первой же реконструкции головной убор был остроконечным, она не сидела так хорошо, места для подставки не было. Таким образом, и форма как бы сама «напршивалась», исходя из аналогичных памятников, которые найдены на Алтае. Это Пазырыкские памятники, Укокские и др. Такая форма головного убора

Первая реконструкция. Авторы – К.Акишев, В.Садомсков

и расположение «архара» как раз им соответствовали. Аналогий очень много, в наше время этих памятников стало больше. У нас уже было, на что опираться и на что делать ссылку. И таким образом, мы думаем, что приблизили общий облик головного убора к первоначальному виду. Надо сказать, что реконструкция головного убора до сих пор спорная, требует дальнейшего изучения, дополнения или изменения. Это становится понятно во время изучения новых находок, которые в последнее время обнаруживают как наши, так и российские археологи. Становится больше информации и публикаций по синхронным памятникам. И таких памятников много.

На передней части головного убора в новой реконструкции расположено изображение креста из двух пластинок (*в первой реконструкции они расположены параллельно относительно друг друга – ред.*). Крест является изображением соляного знака. Когда

я изучал фотографии, и начал собирать элементы, то получалась такая композиция в виде креста или солярного знака, в середине которого точка. Такие знаки существуют с древних времен. Этот солярный знак – и вечное движение, и модель мира, и четыре стороны света. Кроме того, на нем красной и черной краской обозначены разграничения и цветы. Как бы написано, что это календарь. То есть крест в целом представляет из себя календарь, солярный знак и модель мира. Когда мы его составили так, он стал более оправданным, осмысленным и символичным, на мой взгляд. Мне кажется, в таком виде он и был. Но, как я вам ранее говорил, я до сих пор считаю, что реконструкция головного убора не закончена.

Научный мир не стоит на месте. Спустя какое-то время, когда стали известны другие материалы по сакской культуре, я не считаю, что головной убор был таким высоким. Есть различные изображения саков тиграхауда с высокими головными уборами – это и рельефные изображения, и рисунки, в том числе из книг Акишева. Тем не менее, сама площадка для фигурки архара не вписывается в остроконечную форму. Ещё, мне говорили, это только слова, конечно, когда раскопки шли, и один увидел фигурку архара и взял в руки – «Какая красивая», а ему – «На место положи», и он ее быстро вернул, и, возможно, не совсем туда откуда взял. Напрашивается, что она была расположена ниже на 15–18 сантиметров. Кроме того, сейчас во многих алтайских памятниках находят аналогичные кулахи, головные уборы. Их основа сделана из тонкого войлока, на котором расположены нашивки, различные изображения животных. Есть ещё варианты с покрытием из обработанной кожи, наподобие велюра. И, как правило, одежда была красного цвета. Когда я разговаривал с Алишером Кималевичем, он говорил – именно одежда иссыкского «Золотого человека» красного цвета. Мы изучали остальные памятники, и везде преобладает одежда этого цвета. Поэтому мы выбрали именно красный цвет. Дело вовсе не в том, что нам просто так захотелось.

Разработка и создание Новой реконструкции была государственным заказом для музея. Этот первый экземпляр надо было отправить в штаб квартиру ООН в Нью-Йорк (сейчас он стоит там в холле), второй для Музея археологии, им тоже надо было уже обновить экспозицию.

В Музее археологии две реконструкции, две разные. Они по очереди выставляют. (*«Крымковский на выезде» – ремарка Олега Белялова*).

Вопрос: А Вы встречались с Кималем Акишевым, разговаривали?

Ответ: Да, разговаривал. Я ему показывал свою работу. Тогда он, конечно, сказал: «Опубликована книга, чего Вы хотите?». Когда я ему показал уже итоговую работу, он сказал – «Может быть и такая версия», имеет право на существование, и всё. Он был не против.

Вопрос: А Вы ему не задавали «вечный вопрос» – девушка или юноша?

Ответ: Я задавал ему вопрос. Он сказал: «Юноша».

Вопрос: Как он это обосновывал?

Ответ: Дело в том, что он неохотно это рассказывал. Я не хотел его «доставать» этим вопросом.

Вопрос: А на Ваш взгляд это юноша или девушка? Если судить по костюму?

Ответ: Да, юноша, мне кажется. Многие говорят, что у него сережка в ушах, и зеркало было рядом с ним. Тогда тоже носили. Такой обычай остался у некоторых тюркских народов – если рождается единственный сын, ему на ухо вешают сережку, как наследнику и продолжателю рода. Это для того, чтобы, если на войне он попадал в плен к противнику, его не убивали, а брали за него выкуп, т.к. по сережке узнавали, что это единственный наследник. Эта традиция у некоторых народов до сих пор жива.

Вопрос: Как Вам сказать. Когда мы апеллируем к живым традициям, то мы всегда «упираемся» в мнение археологов, что четкой связи между, например, сакской культурой и усуньской,

усуньской и гуннской, не доказано, т.е. что одна переходит в другую. Они научным доказательством фактов говорят – мы не можем ничего предъявить как археологи. А все связи (которые мы и в учебниках преподносим), я думаю, это есть определенная доля предположений. Недавно Бекен заходил и возмущался – «Археологи говорят, что это генетически несвязанные культуры».

Ответ: На мой взгляд, мы можем исходить из местной культуры, из того как её носители жили на этой территории. Вообще, эту культуру создает сама природа. Это природа, погодные условия, к которым люди приспосабливаются, т.е. к летней жаре, зимним холодам. В степных просторах чем можно заниматься? Основное ремесло – это скотоводство, это войны, на которые нанимались юноши, уходили, где-то воевали. Оттуда они возвращались уже состоятельными людьми. Понимаете? Обеспечивали и т.д. И вот такие природные условия их всегда заставляли заниматься этими же ремеслами. Испокон веков это повторялось и до сих пор продолжается. Например, мы до сих пор занимаемся скотоводством, в оазисах – земледелием. И, естественно, была металлургия. Потому что здесь очень много ископаемых, которые уже в те времена добывали, обрабатывали и экспортировали. Вот это было их основным бизнесом – скотоводство, металлургия и войны, которые тоже приносили доход. Когда Шёлковый путь перестал существовать, естественно, вся эта культура и распалась. Что я хочу этим сказать? Одежда, оружие, атрибуты – они ведь во многом сохранились до сих пор.

Вот, например, их парадный пояс, как погоны у офицеров, определял статус владельца. На него ничего не крепилось. И был ещё второй пояс, называется портупея, а у казахов он называется «кісе белдік». На него вешается всё – оружие, то, что владелец с собой носит, предметы быта, которые в дороге нужны. Такой пояс очень удобен, и это опять становится актуальным. Сейчас все полицейские и военные носят. Он туго не натягивается, лежит на бедре, человек не устает и это очень удобно при ходьбе, т.е. их культуру, их одежду, при определенной условности мы видим

и в нашей жизни. В то же время – обработка войлока, изображения животных, орнаментов, вышивка, шерсть, ткань, которые использовали при изготовлении одежды, чулок и обуви, всё это есть и сейчас. Ничего не изменилось. Как у них в сакское время, так и до сих пор. И до сих пор называется – «саптама етік», одевают войлочные сапоги, сверху кожаные и так ходят. Из-за этого мы считаем, что линия не прерывалась. А генетически могла бы идти по-разному. И даже люди могли быть не похожи. Ведь какая здесь была миграция. Это всё-таки был «Шелковый путь». Люди постоянно находились в движении. Даже само по себе название «кочевники» – это вечное кочующие, вечно обновляющиеся. Это продвинутые люди, которые всегда первыми узнавали новости. Поэтому они были такими, жили очень богато.

Вопрос: Скажите, у Вас интерес к сакским памятникам (Аржан, Берель и другие) возник до работ по реконструкции «Золотого человека» или после?

Ответ: До «Золотого человека» он присутствовал и начал складываться давно. Это не одного года работа. Не так, что вот мне сказали «надо сделать», и я в тот же день начал.

Вопрос: А выглядит так. Или по-другому?

Ответ: Абсолютно по-другому. Это вынашивалось десятилетиями. К этому мы шли несколько лет, работали, изучали, и когда дошли до определенного уровня знаний, только тогда работа и получилась. А иначе она не могла получиться. Реконструкция могла бы стать мертвой, быть какой-то куклой, если бы мы всё

*Третий вариант
реконструкции.
Автор – К.Алтынбеков*

сделали один к одному. И всё.

Вопрос: Вы говорите – изучалось, а Вы документы по другим памятникам где берете – в институтах археологии, библиотеках, где они обычно хранятся?

Ответ: Я этой работой занимаюсь с 1975 года. По работе нам всегда нужно было глубоко изучать тему. Каждую вещь и деталь, которой не достаёт, нужно было подтверждать обязательной ссылкой, искать аналогичные материалы. Эта работа требует знания истории, потому что если вы хотите что-то восстанавливать, если вы хотите что-то привести в порядок, вы должны знать историю, искать аналоги, т.е. этот десятилетиями наработанный опыт и дал в конечном итоге вот такой результат.

До этого когда мы работали с музейными материалами, то на каждый экспонат мы делали паспорта с описанием, обоснованием почему делалось так, а не иначе и т.д. Естественно, опыт и знания накапливались. И, в конечном счете, мне было легче, потому что я уже был в этой сфере осведомлен, знаком с этой работой, искал. А сейчас те работы, которые мы делаем по этой теме – Аржан и др., нам уже знакомы. Есть вести кто и где что находит, мы всегда за этим наблюдаем. Мы общаемся со всеми археологами, реставраторами. По несколько раз в год мы участвуем в международных конференциях, на которых делаем доклады, обмениваемся опытом, просто участвуем в разных раскопках мира.

Вопрос: Происходит накопление материала, знаний и т.д.? А у Вас в мастерской есть свой архив?

Ответ: Да, конечно есть. Он сам по себе накапливается. Как я Вам сказал, на каждый реставрируемый элемент мы делаем паспорт. И в нём всё написано, получается почти что книга на каждый элемент. Ссылки, его история, почему он попал на реставрацию, зачем она делается и почему в таком или ином виде. Сначала консервация, потом реставрация, после уже реконструкция. Мы должны показывать, каким предмет был раньше, до начала работы с ним. А он часто приходит в виде трухи. Понимаете?

Вопрос: Получается у Вас есть архив, там всё по ящикам

лежит, всё расписано и у вас есть архивист, который за этим следит, да? И к Вам можно прийти как в исследовательский институт, как в архив и поработать, да?

Ответ: Архивисты мы сами, дорого содержать такого сотрудника. Эти документы, конечно, хранятся, лежат, потом мы их сдаем в музей вместе с экспонатами.

Вопрос: Там есть какая-то система?

Ответ: Да, естественно. Вот, например, если раньше в советское время, компьютеров никаких не было, мы писали всё на бумаге, сколько времени это отнимало и место занимало. Сейчас все документы в компьютере, так что быстро файл завел, там он лежит спокойно, никаких не надо ящиков, бумаг.

Вопрос: И последний вопрос – о костях. Видели ли Вы останки иссыкского «Золотого человека»?

Ответ: Я не видел. С другой стороны, я не антрополог, а реставратор, в этих костях я ничего не понимаю. Этим должны заниматься профессионалы.

Вопрос: Среди местного населения стойко ходили легенды, что там были сохранившиеся косы. Поэтому возникает вопрос – могли ли мужчины носить косы? Стойкая легенда, что тазовые кости были как у женщины. По черепу определяется – мужчина или женщина, по бугорку. Был бы череп, вообще вопросов не было бы.

Ответ: Вокруг него очень много легенд, мне кажется, они где-то должны лежать. Не могли исчезнуть.

Гайша Зекееновна Бакирова
– главный хранитель Объединения музеев города
Алматы

Интервью

Вопрос: Вы в Центральном государственном музее 30 лет проработали, или больше?

Ответ: точнее 35 лет, с 1974 года.

Вопрос: Когда вы увидели реконструкцию «Золотого человека», в первый раз? В 1974? Какие были Ваши личные впечатления?

Вопрос: Реконструкция появилась гораздо позже, когда мы уже переехали в новое здание музея (на Фурманова), в 1985 году. По-моему тогда и заказали её Садомскову. Это и была первая реконструкция, маленькая, сантиметров 70 высотой. Она и сейчас экспонируется в первом зале Центрального государственного музея.

Вопрос: Какое у Вас впечатление было, когда он принес её?

Ответ: Ну впечатление от «Золотого человека» у всех тогда было – Ах! Потому что впервые, у нас в Казахстане, такое

сокровище!

Вот и сейчас, когда заходишь в Центральный музей, там три реконструкции стоят в фойе, а внимание притягивает именно «Золотой человек».... Я когда там работала, читала лекции студентам и спрашивала у них, раскрывая тему «экспрессивность экспоната» – «Когда заходите в музей, что в первую очередь привлекает ваше внимание?». Все отвечали – «Золотой человек». На самом деле он обладает какой-то притягательной силой.

Вопрос: Когда Музей золота и драгметаллов располагался в здании Центрального музея, Вы видели оригинальное золото из Иссыка?

Ответ: Нет. Оригиналы иссыкского золота всегда находились в Музее археологии при Институте археологии им. А.Маргулана. Уже потом, когда Музей золота передислоцировался в Астану, вышло Постановление правительства о передаче всего золота в этот музей.

Вопрос: Когда Вы увидели реконструкцию, которая стоит в Музее Археологии?

Ответ: Гораздо позже, чем нашу, но точного времени не назову. Наверное, в начале 1990-х.

Вопрос: Реконструкцию, которая сейчас стоит в ЦГМ РК, при Вас заказывали? В связи с чем это произошло?

Ответ: Чем она отличается от предыдущей? Тем, что она была выполнена в натуральную величину, дополнена в деталях, реконструировал которые Алишер Кималевич Акишев. Первая реконструкция создавалась ещё при его отце, Кимале Акишеве, и самую первую реконструкцию изготовил реставратор института археологии Владимир Садомсков. А эта, новая реконструкция уже в исполнении Крыма Алтынбекова.

Вопрос: Ваши воспоминания, связанные с тем, когда «Золотой человек» стал выезжать за границу?

Ответ: «Золотой человек» (первая реконструкция в натуральную величину) и оригиналы золота всегда находился в Музее археологии. И этот музей, кстати, очень много с ним

ездил. А вот совместные поездки с золотом нашего музея (ЦГМ), Жалаулы, Каргалинка, Чиликтинское и др., начались где-то с конца 90-х годов. Это может быть был 1996-й год, наверное, когда еще Ермек Токтагалиевич директором был. Вот тогда впервые вывезли золото в Италию. До этого выезжали с различными этнографическими выставками за рубеж и в Италию в том числе, но вот с археологическим золотом – впервые. Первая выставка была в городе Мантуя. Это было конечно большое событие.

Вопрос: Подлинное золото вывозили?

Ответ: Да, подлинное. С разрешения Министерства культуры, всё официально, финансировала принимающая сторона. У них была страховка, всё как полагается в Европе, всё было учтено, транспортировка и упаковка, охрана и сопровождение сотрудниками. Мы вывозили, оформляли таможенную декларацию.

Вопрос: У меня музейный вопрос – упаковка была наша или они сами привозили?

Ответ: Упаковка была с их стороны. Они привозили свой упаковочный материал, наши, по-моему, только ящики специальные здесь заказывали. А сам упаковочный материал У нас в то время такого еще не было, не опилки, а специальный наполнитель, воздушный, легкий и специальная оберточная бумага. Везли же не только золото, но и керамические изделия. Ящики делали так, чтобы каждая деталь имела свою ячейку, была аккуратно завернута, чтобы при перевозке ничего не повредилось. В общем, всё было упаковано и транспортировано, как положено по стандартам международных выставочных перевозок «от гвоздя до гвоздя».

Вопрос: Расскажите о том, как обратно в Казахстан ввозили предметы с этой выставки.

Ответ: О, это длинная история, но интересная, касающаяся непосредственно «Золотого человека». Когда оформляли таможенные документы на вывоз, у нас в Республике действовал Закон, требующий оплату таможенного сбора в зависимости

от стоимости всего груза. По тому, как коллекция оценивалась в огромную сумму, всё-таки это национальное достояние и, естественно, оно стоит больших денег, сумма таможенного сбора после подсчетов равнялась 15 тыс. долларов. Естественно, что музей, не имея таких денег, и мы стали писать письма – Министру культуры, Председателю Таможенного комитета, чтобы разрешили вывезти выставку без сбора, потому что эта выставка на уровне договоренностей между двумя государствами, в Италию должен был приехать Президент нашей Республики, т.е. выставка была и политически важной. И, конечно, в тот момент заплатить такие деньги ни мы (Музей), ни Министерство культуры сразу не могли. Отписались письмами, мы (т.е. музей), что «по приезду заплатим», и они (Таможенный комитет), что «пока разрешаем выезд». Выставка благополучно выехала, экспонировалась с успехом в Мантуе, Риме и др. городах, а потом, уже в 1999 году, когда обратно ее ввозили, таможня не дала «добро» на получение нашего груза. Договорились на том, что наши ящики будут стоять в Музее археологии без права вскрытия, без права всё это проверить, потому что мы не заплатили тот самый таможенный сбор. К тому времени уже поменялось руководство в музее, а я будучи главным хранителем, все ходила между Таможенным комитетом, который находился на Жибек жолы и Сейфуллина, и музеем с письмами и просьбами, чтобы нам разрешили наши же вещи получить и проверить их. Мы ведь даже не знали все ли предметы прибыли, все ли в сохранности доставлено. Нам же однозначно отвечали: «Пока не заплатите – нельзя». Вот так, я не помню сколько времени, мы ходили, сколько писем написали... Одно из последних писем, насколько я помню, мы писали в Министерство культуры, потом стали писать выше, в Правительство. В Кабмин даже написали на имя председателя Касым-Жомарта Токаева.

В Таможенном комитете инспектора, таможенники уже нас узнавали. Меня, может, по имени не знали, но когда я заходила, то говорили – «О, «Золотой человек» пришел». И вот, однажды, прихожу в очередной раз в эту контору, инспектора сидят за

своими столами, и девушка, наш куратор, увидев меня (сейчас не могу вспомнить, как её звали), подняла над головой бумагу, трясет ею и говорит – «Посмотрите, «Золотой человек» Закон поменял!». Представляете? Это был триумф – «Золотой человек» поменял Закон. На самом деле так должно было случиться, потому что это всё достояние нашего государства, это наше культурное наследие, о котором мы всё время пишем, говорим громкие слова «надо сохранять», а тут вдруг вывезли, выставили и обратно ввезти в страну не можем, потому что не заплатили деньги. И меня, например, впечатлил «бегунок», подписанный К.Токаевым, где он написал – «Зачем доводить до абсурда, платить из одного государственного кармана в другой?». Ну и, видимо, эта «бумажка» дала дальше ход и Закон (о вывозе и ввозе музейных ценностей) был изменен. Мне сказали – «Заплатите 5 евро» – это с 15 тыс. долларов! И я на радостях эти 5 евро быстренько заплатила в кассу. И мы смогли, наконец, получить свой груз. С тех пор, как «Золотой человек» действительно поменял Закон, выплата таможенного сбора не распространяется на временно вывозимые культурные ценности. Видите, «Золотой человек» не только эмоциональную пользу принёс, но и материальную.

Да, он всем остальным выставкам дорогу проложил.

Глава 3

Антропология «Золотого человека»

**Предварительный анализ скелетных останков индивида из кургана 5 могильника Иссык
(к вопросу об изучении костных останков «Золотого человека»)**

Подробный археологический анализ материалов, полученных в результате исследования курганов могильника Иссык в 1969-1970 гг., изначально был выполнен К.А. Акишевым (1), затем опубликован в ряде работ (2,3). Описание, интерпретация находок и реконструкция костюма были сделаны для индивида мужского пола. Впоследствии исследования в том же направлении были продолжены и археологами Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (7). Однако доподлинно не известно о существовании документов, подтверждающих изучение костных останков специалистами-антропологами. На долгое время кости скелета из иссыкского кургана оказались утрачены. Это обстоятельство, вкупе с археологическими данными об особенностях погребального инвентаря, породило множество слухов о том, что в погребении могла быть захоронена женщина. К примеру, данная точка зрения объяснялась второстепенностью погребения в кургане, а также наличием головного убора типа «сәукеле» (8).

Сегодня «Золотой человек» является национальным символом Республики Казахстан. Внимание к нему давно перешагнуло границы исключительно научных, археологических интересов. С момента обнаружения за ним тянется шлейф легенд и мифов, а «жизнь» его протекает как в музейном, так и во внемузейном культурном пространстве (9). К сожалению, легенды и мифы вокруг знаковой находки, разрастаясь со временем, могут становиться все более псевдонаучными. В связи с этим давно назрела необходимость публикации материалов по скелетированным останкам так называемого «Золотого человека» или, говоря научным языком, индивида, захороненного в кургане 5 могильника Иссык.

Найденные кости посткраниального скелета необходимо, прежде всего, подвергнуть подробному антропологическому

исследованию, а затем сопоставить полученные данные с имеющимися сведениями об индивиде из кургана 5 могильника Исык. Единственными документами, доступными для сравнительного анализа, являются чертеж погребения и несколько фотографий. При таком уровне сравнения нельзя говорить об абсолютной точности полученных результатов, но, учитывая исключительную важность находки, необходимо провести тщательное сопоставление всех имеющихся в нашем распоряжении данных.

На исследование были представлены следующие кости посткраниального скелета: обе ключицы, рукоять грудины, фрагменты обеих лопаток, все позвонки, кроме пятого поясничного, фрагменты ребер, фрагменты таза и крестца; диафиз с эпифизами левой плечевой кости, фрагменты метафизов и эпифизов правой плечевой кости; фрагменты диафизов левых лучевой и локтевой, практически целые диафизы правых лучевой и локтевой костей; фрагменты диафизов и эпифизов обеих бедренных и левой большеберцовой кости; кости левой кисти. Все кости, имеющиеся в наличии, показаны на рисунке 1 черным цветом.

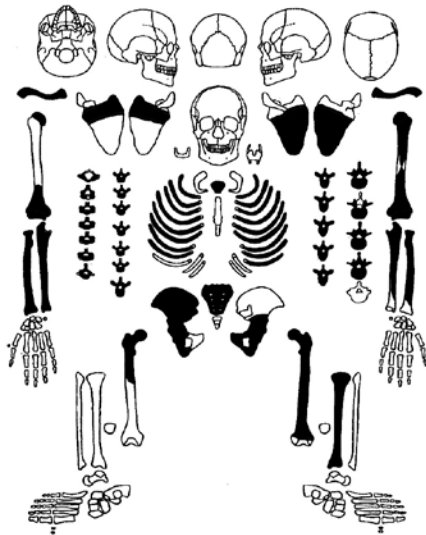

Рисунок 1. Сохранность представленных на исследование костей.

По рис. 2 можно оценить состояние костных останков на момент вскрытия погребения. Сравнение сохранности костей скелета на рис. 1 и 2 не выявляет никаких противоречий. Так, на рис. 2 различимы кости черепа, позвонки, проксимальный фрагмент правой бедренной кости, левые бедренная и большеберцовая кости, а также кости левой стопы. Представленная на рис.2 сохранность костей посткраниального скелета соответствует сохранности исследуемых костных останков на рис.1. Утрата фрагментов черепа и левой стопы может объясняться плохой сохранностью этих костей. Итак, на данном этапе исследования можно сделать вывод, что представленные на исследование кости могли принадлежать изображенному на рис.2 индивиду из кургана 5 могильника Иссык.

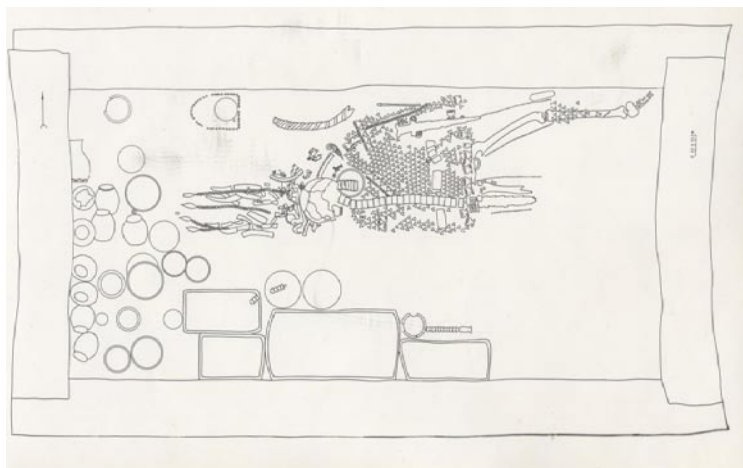

Рисунок 2. Чертеж погребения в кургане 5 могильника Иссык (1).

Антропологическое исследование скелета проводилось по программе, включавшей в себя: определение пола и возраста, остеометрическое исследование, анализ дегенеративных изменений суставов, оценку развития мышечного рельефа, оценку наличия и распространения травм, заболеваний и других патологических изменений, рентгенографическое исследование.

Определения пола и возраста проведены по стандартным методикам (11; 4; 14). Измерение и описание остеологических

характеристик производились по стандартным антропологическим и криминалистическим методикам (4; 5; 6, 11).

Описание.

Кости желто-коричневого цвета, удовлетворительной сохранности. Ключицы, позвонки и рукоять грудины сохранились хорошо; ребра, лопатки, кости таза и крестца фрагментированы; компактное вещество всех длинных трубчатых костей (плечевых, лучевых, локтевых, бедренных и левой большеберцовой) частично или полностью утрачено, сами кости фрагментированы. Кости верхней части скелета местами имеют зеленоватый оттенок, вероятно, из-за контакта с металлом.

Определение пола и возраста является одним из ключевых моментов данного исследования. Однако определение пола затруднительно, во-первых, из-за плохой сохранности костей и утраты структур, принятых в антропологической практике в качестве маркеров половой принадлежности индивида; во-вторых, из-за молодого возраста изучаемого индивида. И только морфологические признаки на сохранившихся фрагментах таза и крестца, а также строение длинных трубчатых костей конечностей позволяют предположить, что перед нами скелет молодого мужчины.

Возраст индивида определялся по степени синостозирования костей посткраниального скелета. На момент смерти не произошло прирастание дистальных эпифизов лучевых, локтевых, левых бедренной и большеберцовой костей, проксимальных эпифизов обеих плечевых, левой большеберцовой кости; на всем протяжении позвоночника не произошло сращение краевого валика с телом позвонка; отсутствует полное срастание сегментов крестца. По совокупности этих признаков биологический возраст индивида определен как 15–18 лет.

Морфология скелета.

Для более детального изучения имеющихся в наличии скелетных останков было проведено рентгенографическое исследование. Ниже приведено описание отдельных костей посткраниального скелета, проиллюстрированное их фотографиями и рентгенограммами.

Обе ключицы (рис.3) хорошей сохранности. В местах

прикрепления дельтовидной и трапецевидной мышц наблюдается усиление костного рельефа. *Дельтовидная мышца (m. deltoideus)* тянет плечо вперед и несколько пронирует его, отводит плечо кнаружи, до горизонтальной плоскости, тянет руку назад, несколько супинируя ее. *Трапецевидная мышца (m. trapezius)* при сокращении всех пучков приближает лопатку к позвоночному столбу; при сокращении верхних пучков – поднимает, а нижних – опускает лопатку. При фиксации лопатки обе трапецевидные мышцы тянут голову назад, а при одностороннем сокращении мышца тянет голову в ту же сторону. Усиление рельефа в местах прикрепления этих мышц выражено в равной степени на обеих ключицах. Это позволяет предположить, что работа, вызывавшая напряжение этих мышц, была равномерно распределена между правой и левой стороной скелета.

Рисунок 3. Ключицы

Позвонки (рис.4) хорошей сохранности. Формирование тел позвонков не завершено, не окостеневшим остается краевой валик. Отсутствуют признаки патологических изменений, а также травм, что свидетельствует об отсутствии чрезмерной нагрузки на позвоночник в период роста и созревания организма.

Рисунок 4. Позвоночный столб.

Плечевые кости (рис. 5, 6). Правая плечевая кость очень плохой сохранности. Практически полностью утрачен диафиз кости. Проксимальный эпифиз не прирос, на фотографии и рентгенограмме он лежит отдельно. Дистальный метафиз и эпифиз кости полностью сформировались. Видна линия

синостозирования в области медиального надмыщелка. Левая плечевая кость сохранилась лучше. Фрагменты диафиза имеют общие линии излома, что позволяет получить продольный размер кости. Проксимальный эпифиз также не прирос. Патологические изменения на суставных поверхностях плечевых и локтевых суставов обеих плечевых костей отсутствуют, что согласуется с молодым возрастом индивида. Также на плечевых костях в целом отсутствуют признаки травм и заболеваний. Такие признаки физических нагрузок, как усиление рельефа кости в местах прикрепления мышц, на плечевых костях не сформировались. Но на рентгенограммах в нижней трети диафиза обеих плечевых костей наблюдаются так называемые «балки» костного вещества. Эти изменения являются свидетельством значительной физической нагрузки (10).

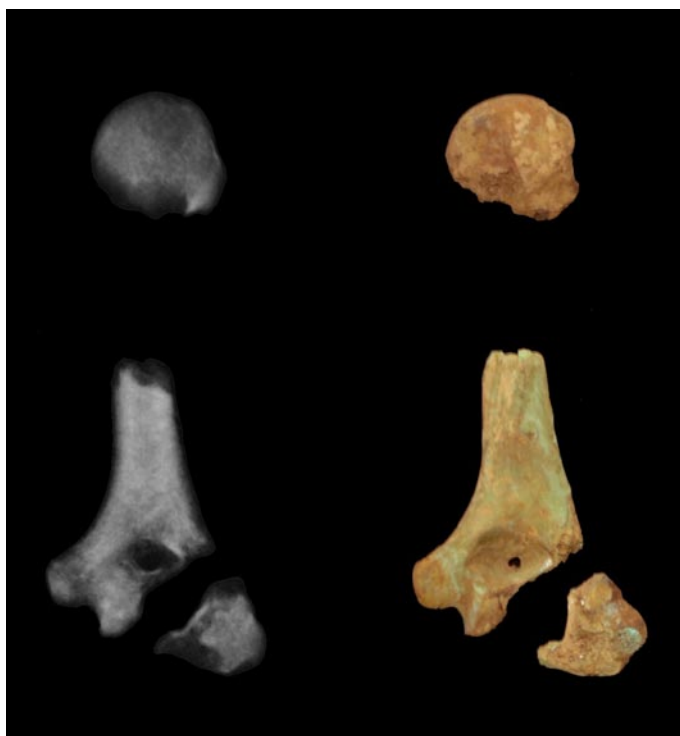

Рисунок 5. Правая плечевая кость

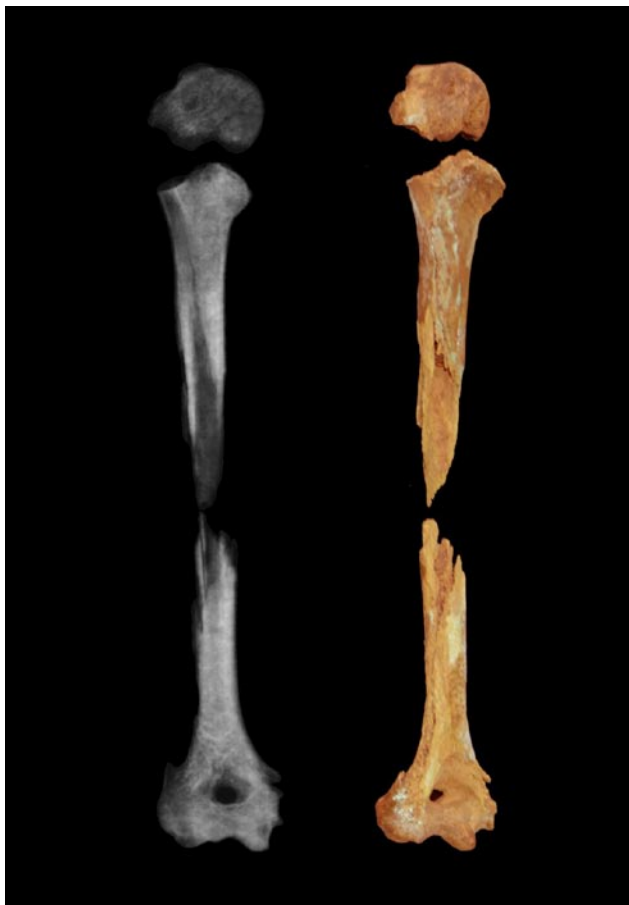

Рисунок 6. Левая плечевая кость

Локтевые и лучевые кости (рис. 7) правой стороны сохранились относительно хорошо, что дает возможность провести остеометрическое исследование. Дистальные метафизы левых локтевой и лучевой костей разрушены (рис. 8). Проксимальные эпифизы полностью сформировались. На лучевых костях видна зона синостозирования головки. Дистальные эпифизы обеих лучевых и локтевых костей не приросли. Патологических изменений, как на суставных поверхностях, так и на диафизах костей, не наблюдается. Признаки чрезмерной физической нагрузки отсутствуют.

Рисунок 7. Правые локтевая и лучевая кости.

Рисунок 8. Левые локтевая и лучевая кости.

Бедренные кости (рис. 9, 10) плохой сохранности. Проксимальные эпифизы полностью приросли, дистальные эпифизы отсутствуют. Видны линии синостозирования в области большого вертела. Патологических изменений, а также признаков значительной физической нагрузки нет.

Рисунок 9. Правая бедренная кость.

Рисунок 10. Левая бедренная кость.

Остеометрические характеристики скелета представлены в таблице 1. Рост определялся по длине левой плечевой кости и составляет около 165 см (12).

Таблица 1.

<i>ключица</i>		<i>правая</i>	<i>левая</i>		<i>таз</i>		
1.	наиб. длина	152	153	1.	высота	-	-
4.	верт. диаметр	9	9	2.	наиб. шир.	-	-
5.	саг. диаметр	13	12	12.	шир. полвзд. к.	-	-
6.	окружность	36	36	<i>крестец</i>			
6/1.	ук. прочности	23,7	23,5	1.	дуговая длина	-	-
<i>лопатка</i>				2.	передняя высота	-	-
1.	морф. ширина	-	-	5.	верхняя ширина	-	-
2.	морф. длина	-	-	<i>бедренная</i>			
12.	дл. суст.	-	-	1.	наиб. дл.	-	-
13.	шир. суст.	-	-	2.	дл. в ест. пол.	-	-
<i>плечевая</i>				21.	шир. ниж. э.	-	-
1.	наиб. дл.	-	305	6.	саг. д. сер. д.	25	-
2.	общ. дл.	-	300	10.	верх. саг. д.	25	-
3.	шир. верх. э.	-	50	7.	попер. д. сер. д.	25	-
4.	шир. ниж. э.	66	67	9.	верх. попер. д.	26	-
5.	наиб. д. сер. д.	-	-		верх. наим. д.	22	-
6.	наим. д. сер. д.	-	-		верх. наиб. д.	30	-
7.	наим. окр. д.	-	-	18.	высота гол.	45	-
7а.	окр. сер. д.	-	-	19.	шир. гол.	45	-
8.	окр. головки	-	-	20.	окр. гол.	140	-
9.	наиб. шир. гол.	-	-	8.	окр. сер. д.	80	-
10.	верт. д. гол.	-	47	6/7.	Ук. пилеэстрии	96,2	-
11.	ширина блока	-	-	10/9.	Ук. платиметрии	113,6	-
7/1.	Указ. прочности	-	-	8/2.	Ук. массивности	-	-
<i>локтевая</i>				<i>больши. берцовая</i>			
1.	наиб. дл.	272	-	1а.	наиб. дл.	-	-
2.	физиол. дл.	242	-	1.	общ. дл.	-	-
11.	саг. д. л.	12	-	3.	шир. верх. э.	-	-
14.	верх. саг. д. л.	25	-	6.	шир. ниж. э. саг. (наиб.)	-	-
12.	попер. д. л.	15	-	8.	д. сер. д.	-	-
13.	верх. попер. д. л.	20	-	8а.	саг. д. л. на ур. п. о.	-	-
3.	наим. окр. д.	30	-	9.	шир. сер. д.	-	-
3/2.	Ук. прочности	12,4	-	9а.	шир. д. на ур. п. о.	-	-
<i>лучевая</i>				10.	окр. сер. д.	-	-
1.	наиб. дл.	250	-	10а.	окр. д. на ур. п. о.	-	-
2.	физиол. дл.	240	-	10б.	наим. окр. д.	-	-
4.	попер. д. л.	15	-	9а/8а.	Ук. платикнемии	-	-
4а.	попер. д. сер. д.	12	-	10/1.	Ук. массивности	-	-
5.	саг. д. л.	10	-	<i>мал. берцовая</i>			
5а.	саг. д. сер. д.	10	-	1.	наиб. дл.	-	-
3.	наим. окр. д.	33	-	2.	наиб. шир. сер. д.	-	-
5(5).	окр. сер. д.	36	-	3.	наим. шир. сер. д.	-	-
3/2.	Ук. прочности	13,8	-				

Сравнение представленных на исследование костных останков с имеющимися данными об индивиде из кургана 5 могильника Иссык возможно сделать более детальным благодаря сохранившимся фотографиям погребения. Из-за большого количества инвентаря кости на них видны плохо, но все же на рис.11 хорошо различимы фрагменты бедренных костей. Стрелкой показана отличительная черта левой бедренной кости «Золотого человека» – следы неполного синостозирования в области большого вертела бедренной кости.

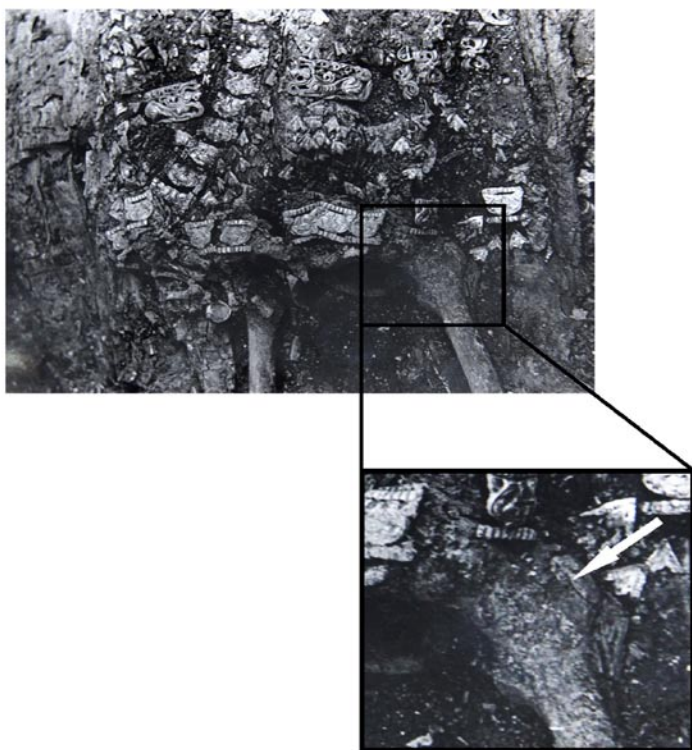

Рисунок 11. Фрагмент бедренной кости индивида из кургана 5 могильника Иссык с признаками неполного синостозирования большого вертела.

Аналогичные признаки неполного синостозирования наблюдаются на левой бедренной кости имеющегося в нашем распоряжении индивида (рис.12)

Рисунок 12. Фрагмент представленной на исследование бедренной кости с признаками неполного синостозирования большого вертела.

На основании совпадения данных о сохранности и индивидуальных особенностях представленных на исследование костей с имеющимися документами свидетельствами (фотографиями и прорисовкой погребения) можно сделать вывод, что исследуемый скелет принадлежит индивиду из кургана 5 могильника Иссык, или так называемому «Золотому человеку». Данные антропологического исследования позволяют предположить, что это был молодой мужчина 15–18 лет, ростом около 165 см.

Литература

1. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
2. Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика Иссыкского головного убора // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1979.
3. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
4. Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
5. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
6. Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев, 1960.
7. Жумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Онгар А. Есік. Иссык. Issyk. Алматы, 2011.
8. Исмагилов Р.Б. «Золотой» воин из кургана Иссык: мужчина или женщина? // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Выпуск I: Сборник статей. Уфа, 1995. с. 110–113.
9. Файзуллина Г.Ш. Музейное и внемузейное пространство археологического предмета // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011, Т. 3, с. 306–312.
10. Медникова М.Б. Рентгенография костей человека в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
11. Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
12. Trotter M. Estimation of stature from intact long limb bones // Stewart T.D. (ed) Personal identification in mass disasters. Washington, DC: Smithsonian Institution. 1970. p. 71–83
14. Walker P.L., Johnson J.R., Lambert P.M. Age and sex biases in the preservation of human skeletal remains. American Journal of Physical Anthropology 76. p. 183 - 188.

ф. 11
отдел 1-1
дело 71
Связка 11

Приказы
за 1969 год

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. РАСШИФРОВКА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ РГП «ҒЫЛЫМ ОРДАСЫ»

Приказы дирекции Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР по вопросам исследования кургана Иссык

**Приказ
по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР**

Алма-Ата

№ 54

21 апреля 1969 г.

§ 3

Нурмуханбетова Б. – МНС,
Медведева О.В. – инженера-фотографа,
Сон П. – художника, командировать в с. Иссык с 21 апреля согласно письма автотреста о сносе двух курганов Иссыкского могильника сроком на 10 дней с 21 по 30 апреля включительно. Расходы отнести за счет автотреста.

ОСНОВАНИЕ: Письмо автотреста № 305 от 16/IV-69 г.

Выписка верна:

Зам.директора

/Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ

по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 60

9 мая 1969 г.

§ 6

Нурмуханбетову Б. – МНС,

Медведеву О.В. – инженер-фотографа,

Сон П. – художника командировку в Иссык продлить в связи с продолжением работ на Иссыкском могильнике с 5 по 30 мая включительно.

ОБОСНОВАНИЕ: Письмо автотреста.

Выписка верна:

Зам.директора

/Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ

по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 69

16 мая 1969 г.

§ 1

Медведева О.В. – инженера-фотографа,

Сон П. – художника с 12 мая отозвать из командировки в г.

Иссык в связи с зачислением их в состав Отрарской археологической экспедиции по 10 июля включительно.

ОСНОВАНИЕ: Рапорт нач-ка отряда Нурмуханбетова Б.

Выписка верна:

Зам.директора

/Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ
по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 39

1 апреля 1970 г.

§ 1

Нурмуханбетова Б. – МНС,
Амандыкова А. – ст. лаборанта командировать в Иссык
сроком на 15 дней с 2 апреля по 16 апреля включительно. Расходы
за счет стройтреста.

ОСНОВАНИЕ: Рапорт зав. отделом

Выписка верна:

Зам.директора

/Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ
по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 47

15 апреля 1970 г.

§ 5

В связи с исключительной важностью находок в Иссыкском
кургане за счет сметы Отрарской археологической экспедиции
организовать отряд в составе:

Нурмуханбетова Б. – начальник отряда,

Амандыков А. – ст. лаборанта,

Паршина А. – шофера и двух рабочих.

Оплата зарплаты и полевого довольствия работникам отряда
согласно установленных экспедиционными сметами ставок.

Срок работы с 16 по 15 мая включительно.

ОСНОВАНИЕ: Рапорт зав. отд. археологии.

Выписка верна: Зам.директора /Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ

по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 62

15 мая 1970 г.

§ 4

В связи с окончанием работ на Исыкском кургане отчислить из состава отряда шофера Паршина А.С., рабочих Стапаева С., Утеулинова. МНС Нурмуханбетова Б. ист. лаборанта Амандыкова А. с 15 мая считать приступившими к своим обязанностям.

Выписка верна: Зам.директора /Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ

по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 70

25 мая 1970 г.

§ 1

В связи с уникальностью находок при раскопках Исыкского кургана, представляющими большой научный интерес, в соответствии с Постановлением АН КазССР № 88 от 14 мая с/г премировать следующих сотрудников отд. археологии:

Нурмуханбетова Б., – МНС – 200 руб.

Садомскова В.И., инженера-реставратора – 100 руб.

Медведева О.В., фотографа – 100руб.

Амандыкова А., старшего лаборанта – 100 руб.

ОСНОВАНИЕ: Постановление Президиума АН КазССР
от 14 мая

Выписка верна: Зам.директора /Г.Ф. Дахшлейгер/

Приказ
по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР

Алма-Ата

№ 176

4 декабря 1970 г.

§ 1

Археологами Института в 1970 г. вскрыт уникальный золотой клад, имеющий громадное культурное и научное значение. Клад насчитывает около 4 тыс. в основном золотых предметов. В целях полной сохранности клада установить необходимый контроль за его сбережением.

1. Назначить главным хранителем Иссыкского клада зав. от. Археологии к.и.н. К.А. Акишева.
2. Назначить ответственным за хранение клада СНС отд. археологии к.и.н. А.Г. Максимову.
3. Разрешить допуск к кладу помимо указанных лиц директору Ин-та, зам. директора и ученому секретарю.
4. Установить допуск к кладу по специальным пропускам с подписью главного хранителя К.А. Акишева, зам. директора Г.Ф. Дахшлейгера, директора А.Н. Нусупбекова.
5. Зам. директора по общим вопросам К.В. Файзрахманову заказать бланки пропусков.

Выписка верна: Зам.директора /Г.Ф. Дахшлейгер/

**Выписка из приказа № 7
по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР**

Алма-Ата,

25 января 1971 г.

§ 4

Нурмуханбетова Б.,

Амандыкова А. – откомандировать для наблюдения за раскопом Иссыкского кургана с 22 января 1971 года. Расходы по командировки возложены на ПМК-70. Основание: рапорт Кадырбаева М.К. – И.О. зав. отделом археологии.

Зам. директора Института,
профессор

/Г.Ф. Дахшлейгер/

**Приказ
по Институту истории, археологии и этнографии АН КазССР**

Алма-Ата

№ 17

7 февраля 1971 г.

§ 1

Для завершения раскопок кургана в г. Иссык командировать МНС отд. археологии Нурмуханбетова Б. и ст. лаборанта Амандыкова А. с 18 по 28 февраля включительно.

ОСНОВАНИЕ: Рапорт зав. отд. Акишева К.А.

Выписка верна: Зам.директора

/Г.Ф. Дахшлейгер/

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Президиум Академии наук Казахской ССР

гор. Алма-Ата

№ 88

14 мая 1970 г.

О выделении средств для премирования сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова за открытие археологического памятника

Сотрудниками Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова в апреле 1970 г. проведена внеплановая раскопка кургана в группе Исыкского могильника, попадавшего в зону строительства совхоза.

В результате исследования обнаружено около четырех тысяч золотых изделий сакско-усуньского прикладного искусства. Эта уникальная находка представляет большой научный интерес.

Учитывая важность этого открытия для науки, Президиум Академии наук Казахской ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Выделить Институту истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова пятьсот рублей для премирования сотрудников, открывших и исследовавших этот археологический памятник.

П.п. Президент
Академии наук Казахской ССР

Ш. Есенов

И.о. Академика-секретаря
Президиума Академии наук КазССР
академик АН КазССР

Ж. Ержанов

Из протокола заседания отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР

16 марта 1972 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Председательствующий: К.М. Байпаков

П О В Е С Т К А Д Н Я

1. Иссыкский курган. Докл. К.А. Акишев.

2. Подведение итогов работы археологической сессии.

Закрытие заседания.

И. СЛУШАЛИ: доклад К.А. Акишева «Иссыкский курган»,
В докладе К.А. Акишев ознакомил слушателей с материалами уникального погребения сакского «царя». Он отметил, что перед исследователями возникает ряд проблем: об истоках и развитии прикладного искусства у саков, о широких культурных связях, о социальной структуре сакского общества. Очень ценна уникальная надпись на серебряной чашечке из кургана, не похожая ни на древние рунические знаки, ни на арамейский алфавит, она свидетельствует о существовании какого-то неизвестного пока науке алфавита и о существовании письменности у саков Илийской долины.

ВОПРОСЫ:

1. Удалось ли установить принадлежность письма?

Ответ: Среди казахстанских тюркологов имеется уже несколько вариантов прочтения надписи. Эта надпись была показана в Ленинграде специалисту по иранским языкам Дьяконову, специалисту по ахеменидскому алфавиту Лившицу. По их заключению отдельные знаки напоминают древнетюркские руны, некоторые – арамейские. В общем же – алфавит, неизвестный науке.

2. В какой мере находку можно связывать с эпохой бронзы?

Ответ: Культура ранних саков – андроновский антропологический тип, поэтому мы считаем, что этногенетическая связь есть, хотя прямых доказательств, находок у нас нет.

3. Является ли Иссыкская находка для Казахстана случайной или закономерна?

Ответ: находка не является случайной.

4. Дал ли что-нибудь для археологии сам скелет?

Ответ: Восстановить его из-за плохой сохранности нет возможности, зато можно было установить принадлежность к мужскому полу, размеры.

5. Встречались ли зеркала в мужских захоронениях?

Ответ: Ранее уже встречались зеркала в мужских захоронениях. В этом тоже, как вы знаете, было зеркало. Кроме того, в левом ухе была обнаружена серьга.

6. Если это боковое захоронение, то кто был погребен в центральном?

Ответ: Мы допускаем, что, видимо, боковое захоронение было несколько поздним по времени.

7. находка датирована точно V – первой половиной IV вв. до н.э.

Почему вы связываете ее с усунями, которые пришли только в III в. до н.э.?

Ответ: По сведениям китайских источников племена усуней, якобы, пришлые. Я склонен считать племена усуней не пришлым, а автохтонным населением. Это подтверждается археологическими данными. Этнически они занимали большую территорию. Возможно, что какой-то небольшой род и посещал территорию Китая. Точно установлена прямая связь саков и усуней. Культура их преемственна.

8. Удалось ли установить какими нитками пришивались бляшки, особенно мелкие?

Ответ: Нитки, которыми пришивались бляшки, особенно мелкие, не сохранились. Более толстые нитки, которыми крепились массивные бляхи, сохранились, но результатов анализа пока нет.

9. Как вписывается керамика, которая как Вы говорите, носит след изготовления на круге?

Ответ: Керамика V в. до н.э., изготовленная на круге, явление новое, аналогий пока нет. Может быть это привозная керамика? Утверждать точно нельзя, но судя по форме сосудов – это традиционная сако-усуньская культура. Склонен считать, что это местное производство.

10. В какой мере эти предметы были употреблены в быту, или они просто выполняли функции сопровождающего инвентаря?

16 марта 1972 г.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Председательствующий: К.М.Байпаков

ПОВЕСТКА ДНЯ

1. Иссыкский курган. Докл. К.А.Акишев.

2. Подведение итогов работы археологической сессии. Закрытие заседания.

Г. СЛУШАЛИ: доклад К.А.Акишева "Иссыкский курган".

В докладе К.А.Акишев ознакомил слушателей с материалами уникального погребения сакского "царя". Он отметил, что перед исследователями возникает ряд проблем: об истоках и развитии прикладного искусства у саков, о широких культурных связях, о социальной структуре

Ответ: По составу не все бляхи одинаковы. Это заметно по цвету и оттенкам блях; % содержание золота, как подтвердили анализы, разное. Видимо, изготавливались они не в одно время и разными мастерами. Одежда, видимо, только парадного назначения, т.к. следов износа, стертости не обнаружено.

11. Вы говорили, что в искусстве наблюдается связь с ахеменидским, а есть ли такая связь в керамике?

Ответ: Традиции в керамике и погребальный обряд по своей сути консервативны, поэтому являются одним из этнографических определителей. Связей с ахеменидской керамикой нет, зато широкие аналогии находятся у нас на территории Казахстана.

12. Как вы объясняете отсутствие конских захоронений в Иссыкском кургане?

Ответ: Для саков это не характерно. Известны находки конской сбруи.

ВЫСТУПИЛИ:

Т.Н. Сенигова. Прошло время осмысления находок Иссыкского кургана. Сейчас был продемонстрирован итог, представлен богатый искусствоведческий материал. Хотелось бы

считать, что датировка захоронения V веком до н.э. окончательная, убедительная. Понравилась тщательность исследования, выделение подчас незаметных деталей. Публикация материалов Исыкского кургана представляет большую ценность не только для нашей отечественной археологии, но и для мировой научной общественности.

А.Г. Максимова. Мне бы хотелось видеть в этом захоронении женщину, хотя антрополог Исмагулов О. склонен считать череп мужским. Но череп полностью не сохранился, к мысли, что захоронение женское, меня наталкивает и головной убор сакелек, и отсутствие стрел, колчана. Антропологи ведь тоже могут ошибаться, хотя бы изредка. Но в целом – эта находка гордость нашей казахстанской археологии, нашего отдела.

Г.Б. Зданович. В наших материалах из раскопок есть две глиняные обожженные таблички, на них имеются знаки 10-15 обозначений. Кроме того, имеется около десятка сосудов с орнаментальным узором, близким к каким-то стилизованным надписям. Теперь мы имеем к этому еще одно дополнение - надпись на чаше с Исыкского кургана. Все это позволяет, видимо, поставить вопрос о возникновении письменности у саков на территориях Казахстана.

К.М. Байпаков. Круг вопросов, которые ставят перед нами находки Исыкского кургана, разнообразен.

Реконструкция головного убора, одежды выглядит очень убедительно. Мне кажется, что головной убор напоминает пышные головные уборы казахских султанов. Было ли центральное захоронение? Может быть оно было смещено с тем, чтобы грабители, напав на центр, не смогли найти настоящее захоронение. Присоединяюсь к мнению выступающих, публикация должна быть выполнена на высоком полиграфическом уровне.

**Письма по вопросам экспонирования и съемок
реконструкции одежды «Золотого человека»**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ НАРОДОВ ВОСТОКА

ДИРЕКЦИЯ

3 марта 1975

№ 75

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
АН КАЗАХСКОЙ ССР
академику НУСУПБЕКОВУ А.Н.

Глубокоуважаемый Акай Нусупбекович!

В 1977 году наш музей открывает свою экспозицию в новом здании. Специально к открытию музея готовится ряд временных выставок, для которых отводятся лучшие выставочные залы. Мы планируем разместить в них шедевры искусств народов Востока, которые надеемся получить из республик. В их ряду нам было бы приятно видеть подлинные материалы Иссыкского кургана (раскопки К.А. Акишева) – уникального памятника древнего искусства Казахстана.

В связи с тем, что в настоящее время музей составляет план выставочной деятельности на 1976–1980 гг., просим сообщить Ваше согласие о возможности экспонирования сокровищ Иссыкского кургана в указанные сроки.

С уважением,
директор музея,
канд. филол. наук

Г.П. Попов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА
ДИРЕКЦИЯ

120, Москва, ул. Фрунзе, 16,
297-07-62; 297-18-00

3 марта 1975 г.
№ 75

*г-ну Акишеву К.А.
это не возместимо
ответить отсюда -
Акишевский
И.И.И.И.*

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
АН КАЗАХСКОЙ ССР
академику НУСУПБЕКОВУ А.Н.

Глубокоуважаемый Акай Нусупбекович!

В 1977 году наш музей открывает свою экспозицию в новом здании. Специально к открытию музея готовится ряд временных выставок, для которых отводятся лучшие выставочные залы. Мы планируем разместить в них шедевры искусства народов Востока, которые надеемся получить из республик. В их ряду нам было бы приятно видеть подлинные материалы Исыкского кургана (раскопки К.А.Акишева) - уникального памятника древнего искусства Казахстана.

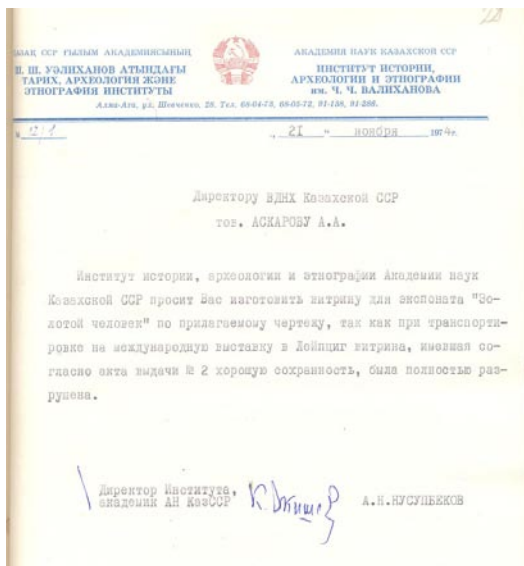
В связи с тем, что в настоящее время музей составляет план выставочной деятельности на 1976-1980 гг., просим сообщить Ваше согласие о возможности экспонирования сокровищ Исыкского кургана в указанные сроки.

С уважением,

Директор музея,
канд. филол. наук

Г. П. Пономарев

С уважением

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

№ 12/1

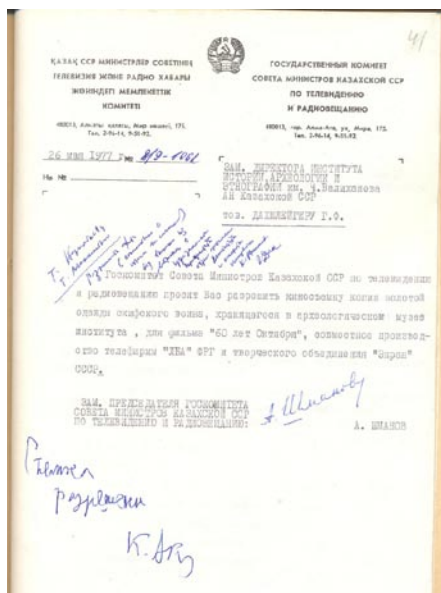
21 ноября 1974 г.

Директору ВДНХ Казахской ССР
тов. АСКАРОВУ А.А.

Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР просит Вас изготовить витрину для экспоната «Золотой человек» по прилагаемому чертежу, так как при транспортировке на международную выставку в Лейпциг витрина, имевшая согласно акта выдачи № 2 хорошую сохранность, была полностью разрушена.

Директор Института,
академик АН КазССР

А.Н. НУСУПБЕКОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ КАЗАХСКОЙ ССР ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ

26 мая 1977 г. № 8/9-1062

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ им. Ч.Ч. Валиханова
АН Казахской ССР

Госкомитет Совета Министров Казахской ССР по телевидению и радиовещанию просит Вас разрешить киносъемку копии золотой одежды скифского воина, хранящегося в археологическом музее института, для фильма «60 лет Октября», совместное производство телефирмы «ЛБА» ФРГ и творческого объединения «Экран» СССР.

Зам. председателя Госкомитета
Совета министров Казахской ССР
по телевидению и радиовещанию

А. Шманов

Каз

ССР

История
бер. 57/66
2215-702

Қазақ ССР Ғылым Академиясы Президиумының
ҚАУЛЫСЫ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16

Президиума Академии наук Казахской ССР

г. Алма-Ата

№ 88

„14 “ мая 1970г.

*Т. Курманов (зам)
и Т. Мамышев (зам. главы)
- Рубль на 25.4 Восток
исследования
А.А.А.*

О выделении средств для премирования сотрудников Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Валиханова за открытие археологического памятника

Сотрудниками Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Валиханова в апреле 1970 г. проведена внеплановая раскопка кургана в группе Иссыкского могильника, попадающего в зону строительства совхоза.

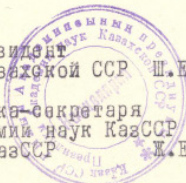
В результате исследования обнаружено около четырех тысяч золотых изделий сакско-усуньского прикладного искусства. Эта уникальная находка представляет большой научный интерес.

Учитывая важность этого открытия для науки, Президиум Академии наук Казахской ССР **ПОСТАНОВЛЯЕТ:**

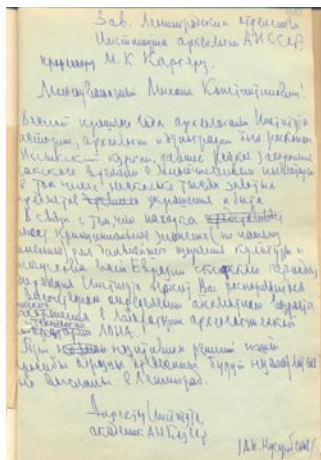
Выделить Институту истории, археологии и этнографии им. Ч.Валиханова пятьсот рублей для премирования сотрудников, открывших и исследовавших этот археологический памятник.

П.п. Президент
Академии наук Казахской ССР Ш.Есенов

И.о. академика-секретаря
Президиума Академии наук КазССР
академик АН КазССР Ж.Ержанов

Рукопись письма К.А. Акишева от имени дирекции Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова с просьбой о проведении лабораторных анализов остатков древесины из кургана Иссык.

Зав. Ленинградским отделением

**Института археологии
АН СССР,**

профессору М.К. Каргеру

Многоуважаемый Михаил Константинович

Весной прошлого года археологами Института истории, археологии и этнографии был раскопан Иссыкский курган, давший редкое захоронение сакского времени с многочисленным инвентарем в том числе, несколько тысяч золотых предметов украшения и быта.

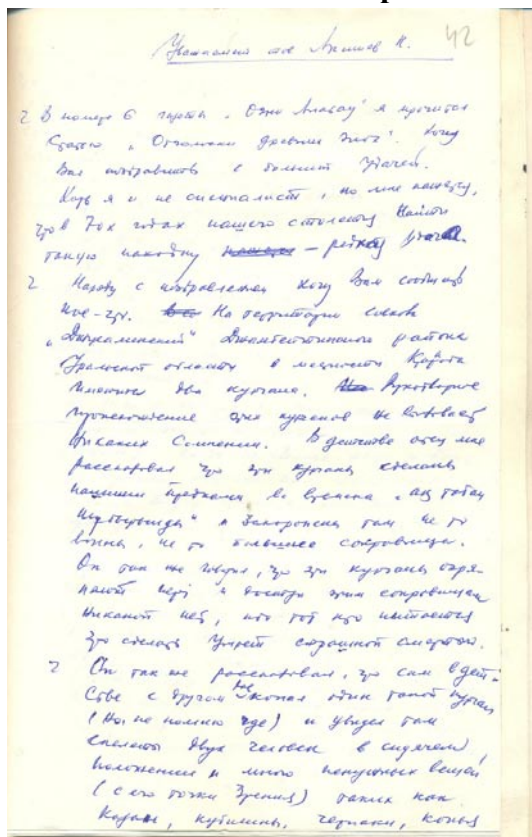
Всвязистем, что находка имеет принципиальное значение (по нашему мнению) для дальнейшего изучения культуры и искусства всей Евразии скифского периода, дирекция Института просит Вас распорядиться о внеочередном определении абсолютного возраста сакского захоронения в Лаборатории археологической технологии ЛОИА.

При позитивном решении нашей просьбы образцы древесины будут незамедлительно высланы в Ленинград.

**Директор Института,
академик АН КазССР**

А.Н. Нусупбеков

Из переписки отдела археологии с частными лицами по поводу исследования памятников археологии Казахстана

Уважаемый тов. Акишев. К.

В номере 6 газеты «Огни Алатау» я прочитал статью «Отголоски древних эпох». Хочу Вас поздравить с большой удачей. Хотя я и не специалист, но мне кажется, что в 70-х годах нашего столетия найти такую находку — редкая удача. Наряду с поздравлением хочу Вам сообщить кое-что. На территории совхоза (неразборчиво) Джамбейтинского района Уральской области в местности Караоба имеются два кургана. Рукотворное происхождение этих курганов не вызывает никаких сомнений. В детстве отец рассказывал, что эти курганы сделаны нашими

предками во времена «Ак табан шубурунды». Захоронены там не то воины, не то большие сокровища. Он так же говорил, что эти курганы охраняют пери и доступа к этим сокровищам никакого нет, ибо кто пытается это сделать умрет страшной смертью. Он так же рассказывал, что сам в детстве с другом раскопал один такой курган (но не помню где) и увидел там скелеты двух человек в сидячем положении и много ненужных вещей (с его точки зрения) таких как казаны, кувшины, черпаки, копья и тому подобной. Помню, отец говорил, что его друг который первым спустился в курган от испуга при виде сидячих скелетов потерял сознание, и он его вытащил за веревку привязанную к его поясу. Поскольку он сам тоже не осмелился туда спуститься, то они пытались кое-что достать, длинным крюком, но нечаянно тронули скелеты и они рассыпались как пыль. Испугавшись последствий они убежали.

Однако, я отклонился от того, про что хотел сообщить Вам. Учась в 7 классе, я с товарищами (это было в 1944 году) пытался раскопать один из двух курганов (они расположены рядом). Когда залезешь вверх и прыгаешь эти курганы звучат как барабаны (значит внутри пустота). Мы копали яму глубиной метра 1,5. Лопата почти не нежна, как снимаешь верхний слой дерна сантиметров 25 начинаются плитки известняка. Одним словом дошли до какой-то коричневого цвета трухи, я думаю это было прогнившее дерево. Но дальше копать мы так же побоялись, вдруг провалимся, и кто его знает, что или кто нас там ждет. Надо сказать, мы были тогда деревенскими парнями, верили что в самом деле существуют джины, шайтаны, пери и пр. Так вот прочитав статью «Отголоски древних эпох» я подумал, что сведения рассказанные мною может быть для Вас представят интерес.

Уверять, конечно, в том, что Вас там ждет такая же удача как в Иссyке, не могу. Но кто знает?...

С уважением к Вам Казмуханов Х.
Работаю я в Каскеленском райкоме КП Казахстана.

Какая предельно допустимая
глубина обнаружения у
современных металлоискате-
лей? /неметаллов общей
массой от 30 до 100 кг./
Может ли, кто-либо из
археологов организовать
проверку места, которое
я укажу, средствами поиска
не производя раскопок,
а в случае подтверждения
произвести их.
Речь идет об одном из
захоронений недалеко от
Иссыка. /еще не найденного./
Из каких соображений
я это взял, я напишу
после получения ответа
на это письмо, а бы хотел
получить его от одного из
профессоров по археологии.

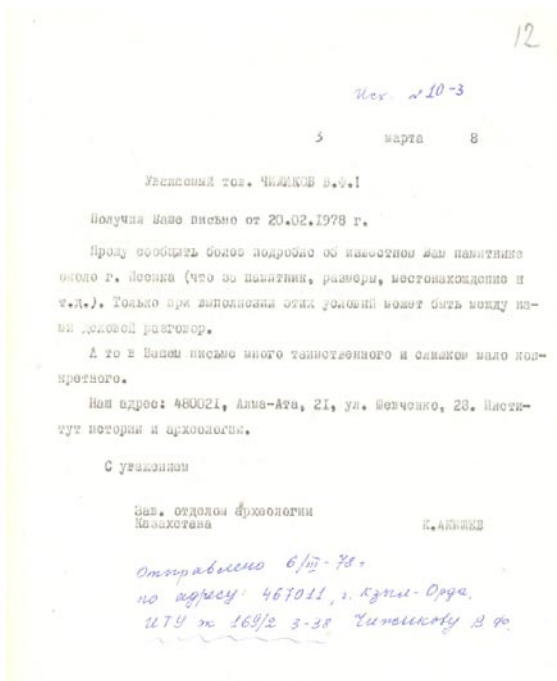
Здравствуйте уважаемые
товарищи.

Заранее прошу извинить за
мое письмо, возможно его
не стоило писать, а просто
надо было дождаться
своего часа и лично
явиться к вам. Но время в
данном случае играет не
второстепенную роль. Я не
буду в своем первом письме
вдаваться в подробности
и сущность вопроса и
причин побудивших меня
написать вас. Сначала я
должен наладить переписку,
у меня есть несколько
вопросов на которые я
хотел бы получить ответ.

Меня интересует техника
поиска немагнитных металлов
находящихся под землей. Ка-
кая предельно допустимая
глубина обнаружения у
современных металлоискате-
лей? /неметаллов общей
массой от 30 до 100 кг./
Может ли, кто-либо из
археологов организовать
проверку места, которое
я укажу, средствами поиска
не производя раскопок,
а в случае подтверждения
произвести их.

Речь идет об одном из
захоронений недалеко от
Иссыка. /еще не найденного./
Из каких соображений я
это взял, я напишу после
получения ответа на это
письмо, а бы хотел полу-
чить его от одного из
профессоров по археологии.
На этом я хочу закончить
свое письмо.

С нетерпением жду ответа,
с уважением Чижиков.
20.02.78.

Уважаемый тов. Чижиков В.Ф.!

Получил Ваше письмо от 20.02.1978 г.

Прошу сообщить подробно об известном Вам памятнике около г. Иссыка (что за памятник, размеры, местонахождение и т.д.). Только при выполнении этих условий может быть между нами деловой разговор.

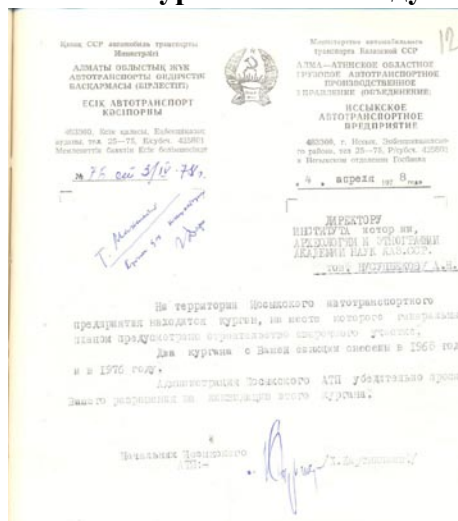
А то в Вашем письме много таинственного и слишком мало конкретного.

Наш адрес: 480021, Алма-Ата, 21, ул. Шевченко, 23.
Институт истории и археологии.

С уважением Зав. отделом
археологии Казахстана

К. Акишев

Переписка отдела археологии с Исыкским АТП по поводу сноса кургана в 1978 году

МИНИСТЕРСТВО АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА КАЗАХСКОЙ ССР

АЛМА-АТИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГРУЗОВОЕ АВТОТРАНСПОРТНОЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ (ОБЪЕДИНЕНИЕ)

ИССЫКСКОЕ
АВТОТРАНСПОРТНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ

№ 76 от 3/IV-78 г.

4 апреля 1978 года

Директору Института истории,
археологии и этнографии Академии наук КазССР
тов. Нусупбекову А.Н.

На территории Исыкского автотранспортного предприятия находится курган, на месте которого генеральным планом предусмотрено строительство сварочного участка.

Два кургана с Вашей санкции снесены в 1968 году и 1976 году.

Администрация Исыкского АТП убедительно просит Вашего разрешения на ликвидацию этого кургана.

Начальник Исыкского АТП

/К. Картыкпаев/

1/139-10

14 апреля 8

НАЧАЛЬНИКУ ИССЫК-КОГО АТП
тов. КАРТЫКПАЕВУ К.

На Ваше письмо за № 76 от 4 апреля 1978г.

На основании Постановления Совета Министров СССР № 3898 от 14 октября 1948г. и Совета Министров КазССР от 17 февраля 1949г. за № 133, п.4; Положения об охране памятников культуры, утвержденного Советом Министров СССР 14 октября 1948г. §§ 24,25,26 (См. собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР от 26 ноября 1948г. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова Академии наук КазССР может разрешить снести курган, находящийся на территории АТП при условии:

1. Все расходы по исследованию кургана Автобаза берет на себя (оплата техники, рабочих по расчистке погребальной камеры).
2. Обеспечение транспортом специалиста-археолога, выделяемого для постоянного наблюдения при сносе кургана.
3. Раскопочные работы целесообразно начать в мае с.г. за неделю до этого предупредив отдел и археологию для выделения археолога-наблюдателя.

Зам. директора Института
член-корр. АН КазССР

Г. Ф. ДАХШЕВИЧ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА

№ 1/139-10

14 апреля 1978 г.

Начальнику Иссыкского АТП
тов. Картыкпаеву К.

На Ваше письмо за № 76 от 4 апреля 1978 г.

На основании Постановления Совета Министров СССР № 3898 от 14 октября 1948 г. и Совета Министров КазССР от 17 февраля 1949 г. за № 133, п. 4; Положения об охране памятников культуры, утвержденного Советом Министров СССР 14 октября 1948 г. §§ 24,25,26 (См. собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР от 26 ноября 1948 г.) Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР может снести курган находящийся на территории АТП при условии:

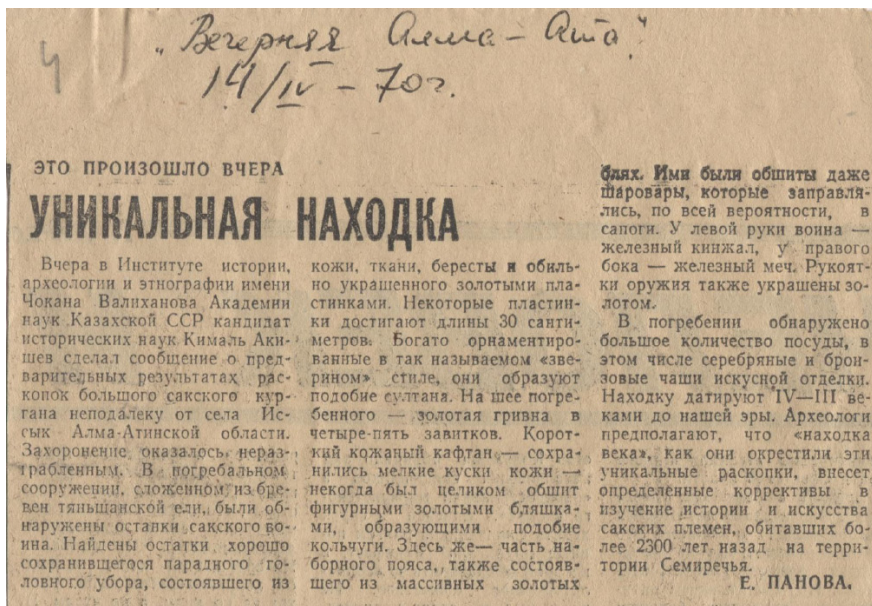
Все расходы по исследованию кургана Автобаза берет на себя (оплата техники, рабочих по расчистке погребальной камеры).

Обеспечение транспортом специалиста-археолога, выделяемого для постоянного наблюдения при сносе кургана. Раскопочные работы целесообразно начать в мае с.г. за неделю до этого предупредив отдел археологии для выделения археолога-наблюдателя.

Зам. директора Института
член-корр. АН КазССР

Г.Ф. Дахшлейгер

II. ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТАХ ОБ ОТКРЫТИИ «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА»

Вечерняя Алма-Ата
14/IV—1970г.
это произошло вчера

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА

Вчера в Институте истории, археологии и этнологии имени Чокана Валиханова Академии наук Казахской ССР кандидат исторических наук Кималъ Акишев сделал сообщение о предварительных результатах раскопок большого сакского кургана неподалеку от села Иссык Алма-Атинской области. Захоронение оказалось не разграбленным. В погребальном сооружении, сложенном из бревен Тяньшанской ели, были обнаружены останки сакского воина. Найденны остатки хорошо сохранившегося парадного головного убора, состоявшего из

обильно украшенного золотыми пластинками. Некоторые пластинки достигают длины 30 сантиметров, богато орнаментированные в так называемом «зверином» стиле, они образуют подобие султана. На шее погребенного – золотая гривна в четыре – пять завитков. Короткий кожаный кафтан – сохранились мелкие куски кожи – некогда был целиком обшит фигурными золотыми бляшками, образующим подобие кольчуги. Здесь же – часть наборного пояса, также состоящего из массивных золотых блях. Ими были обшиты даже шаровары, которые заправлялись, по всей вероятности, в сапоги. У левой руки воина – железный кинжал, у правого бока – железный меч. Рукоятки оружия также украшены золотом.

В погребении обнаружено большое количество посуды, в том числе серебряные и бронзовые чаши искусной отделки. находку датируют IV–III веками до нашей эры. Археологи предлагают, что «находка века», как они окрестили эти уникальные раскопки, внесет определенные коррективы в изучение истории и искусства сакских племен, обитавших более 2300 лет назад на территории Семиречья.

Е. ПАНОВА

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ САРКОФАГ...

Казхастанская правда

15 апреля 1970 г.

Древние курганы, если заставить их «говорить», могут поведать любопытные истории, раскрыть очень ценные для науки тайны минувших столетий.

Такая тайна «обнаружена» при раскопках одного из курганов, вставших цепочкой на окраине Иссыка (Алма-Атинская область).

Экспедиционный отряд Института

истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР начал здесь работы еще в прошлом году. Вначале казалось, что курган ничего особенного о себе «рассказать» не сможет. Но вот подошла весна, раскопки были продолжены...

На глубине восьми метров лопатка вдруг уперлась во что-то твердое. Вскоре открылся кусок дерева. Потом показался весь сруб из неплохо сохранившейся тянь-шаньской ели сечением в 40-60 сантиметров.

В этом своеобразном саркофаге из дерева были обнаружены останки воина. Именно воина, ибо слева лежал кинжал, а справа меч. Дополняло эти доспехи обвитое золотом кнутовище: погребенный был, видимо конником.

Золотом, кстати, были отделаны и сапоги, и шаровары, и кожаная куртка. Пластинки из благородного металла украшали и головной убор война. Причем на пластинках можно хорошо различить выбитые, судя по всему искусным чеканщиком, фигурки коня, барса, горного козла, архара...

Сейчас находка доставлена в Алма-Ату, раскрытие этой тайны продолжится.

Но можно, как заявил в беседе с нашим корреспондентом видный казахский археолог К.А. Акишев, сделать первые выводы. Погребение, бесспорно, носит уникальный характер. Время захоронения следует отнести к пятому-четвертому векам до нашей эры, когда на юге нынешнего Казахстана обитали воинственные кочевые сакские племена.

ТАЙНА ИССЫКСКОГО КУРГАНА

Сотни украшений из золота, пролежавшие под землей примерно 2.300 лет, только чтополнили коллекцию Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Вот что сообщил нам по этому поводу руководитель отдела археологии института К. А. Акишев.

→ В пятидесяти километрах от Алма-Аты, на окраине гор. Иссык, расположен большой древний могильник, состоящий из нескольких десятков так называемых царских курганов. В минувшем году институт начал раскопку одного из них, высотой до восьми метров. Ничто не предвещало тогда удивительного открытия...

Но вот этой весной поиск был продолжен. Мы обнаружили потревоженную гробницу знатного воина, представляющую собой прямоугольной формы сруб из толстых тянь-шаньских елей, размером 3 на 2 метра. Внутри сруба найден дощатый гроб с останками человека.

Вся южная и западная часть гробницы была заполнена посудой. Мы извлекли наружу до тридцати предметов — низкие прямоугольной формы деревянные блюда, черпак с резной ручкой, две массивные серебряные и одну бронзовую чаши, различные сосуды из обожженной глины.

Северная часть гробницы была занята останками погребенного. Воин лежал на спине головой на запад. Его головной убор оказался целиком обшитым изумительно тонкой ювелирной работы золотыми пластинками с изображениями лошади, снежного барса, архара и горного козла тау-теке. Убор увенчан высоким султаном из листового золота. На шее обнаружена золотая гривна. Короткий кожаный кафтан сплошь обшит золотыми фигурными бляшками, их так много, что кажется будто воин похоронен в золотом панцире. Шаровары из истлевшей тонкой ткани также обшиты и орнаментированы мелкими золотыми бляшками. Голенища и верх сапог сплошь усеяны бляхами из чистого золота.

Находка доставлена в Алма-Ату. Начато детальное ее изучение. Но уже сейчас по предварительным данным установлено, что погребение уникальное, оно относится к V—IV векам до нашей эры. В те весьма отдаленные времена на территории Алма-Атинской области проживали кочевые сакские, родственные скифам и сарматам племена, сыгравшие большую роль в этногенезе казахов и других народов Средней Азии, в сложении их культуры.

О. ОСИПОВ.

ТАЙНА ИССЫКСКОГО КУРГАНА

Огни Алатау
15/IV–1970г.

Сотни украшений из золота, пролежавшие под землей примерно 2300 лет, только что пополнили коллекцию Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Вот что сообщили нам по этому поводу руководитель отдела археологии института К.А. Акишев.

– В пятидесяти километрах от Алма-Аты, на окраине гор. Иссык, расположен большой древний могильник, состоящий из нескольких десятков так называемых царских курганов. В минувшем году институт начал раскопку одного из них, высотой до восьми метров. Ничто не предвещало тогда удивительного открытия...

Но вот этой весной поиск был продолжен. Мы обнаружили nepотревоженную гробницу знатного воина, представляющую собой прямоугольной формы сруб из толстых тянь-шаньских елей, размером 3 на 2 метра. Внутри сруба найден дощатый гроб с останками человека.

Вся южная и западная часть гробницы была заполнена посудой. Мы извлекли наружу до тридцати предметов – низкие прямоугольной формы деревянные блюда, черпак с резной ручкой, две массивные серебряные и одну бронзовую чаши, различные сосуды из обожженной глины.

Северная часть гробницы была занята останками погребенного. Воин лежал на спине головой на запад. Его головной убор оказался целиком обшитым изумительно тонкой ювелирной работы золотыми пластинками с изображениями лошади, снежного барса, архара и горного козла тау-теке. Убор увенчан высоким султаном из листового золота. На шее обнаружена золотая гривна. Короткий кожаный кафтан сплошь обшит золотыми фигурными бляшками, их так много, что кажется будто воин похоронен в золотом

панцире. Шаровары из истлевшей тонкой ткани также обшиты и орнаментированы мелкими золотыми бляшками. Голенища и верх сапог сплошь усеяны бляхами из чистого золота.

Находка доставлена в Алма-Ату. Начато детальное ее изучение. Но уже сейчас по предварительным данным установлено, что погребение уникальное, оно относится к V–IV векам до нашей эры. В те весьма отдаленные времена на территории Алма-Атинской области проживали кочевые сакские родственные скифам и сарматам племена, сыгравшие большую роль в этногенезе казахов и других народов Средней Азии, в сложении их культуры.

О.Осипов.

ПОИСКИ, НАХОДКИ.

Комсомольская правда
18/IV–1970г.

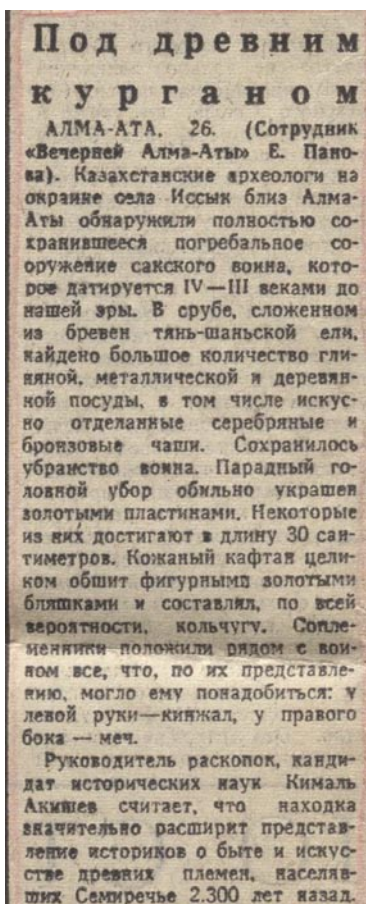
Несколько дней назад в 45 километрах от Алма-Аты казахстанские археологи — сотрудники Академии наук Казахской ССР обнаружили древнее погребение знатного воина, представителя сакских племен, населявших земли Семиречья.

Наш Алма-Атинский репортер А.Самойленко передает:

Ученые определили «возраст» этой уникальной находки: воин был погребен 2300 лет назад! Далекий предок носил головной убор, украшенный золотыми бляшками. Кафтан, штаны, сапоги отделаны бисером и фигурными бляхами из благородного металла. Шею украшала золотая гривна. Кроме главной находки, в

прямоугольном деревянном срубе найдено 30 сосудов. Два из них серебряные, один бронзовый, остальные глиняные и деревянные. Все реликвии находятся сейчас в Академии наук Казахской ССР. Реставрационные работы и изучение самой ценной находки на территории Казахстана уже начаты.

ПОД ДРЕВНИМ КУРГАНОМ

Комсомольская правда
№ 117
27/IV—1970 г.

(Сотрудник «Вечерней Алма-Аты»
Е.Панова).

Казахстанские археологи на окраине села Иссык близ Алма — Аты обнаружили полностью сохранившееся сакского воина, которое датируется IV-III веками до нашей эры. В срубе, сложенном из бревен тянь-шаньской ели, найдено большое количество глиняной, металлической и деревянной посуды, в том числе искусно отделанные серебряные и бронзовые чаши. Сохранилось убранство воина. Парадный головной убор обильно украшен золотыми пластинами. Некоторые из них достигают в длину 30 см. Кожаный кафтан целиком обшит фигурными золотыми бляшками и составлял, по всей вероятности,

кольчугу. Соплеменники положили рядом с воином все, что, по их представлению, могло ему понадобиться: у левой руки – кинжал, у правого бока – меч.

Руководитель раскопок, кандидат исторических наук Кималь Акишев считает, что находка значительно расширит представление историков о быте и искусстве древних племен, населявших Семиречье 2300 лет назад.

ПОИСКИ, НАХОДКИ

Из газеты «Известия»

4 сентября 1970 г.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ КУРГАН

Четыре тысячи золотых украшений, пролежавших более двух тысяч лет в земле, впервые выставлены для обозрения в археологическом музее Академии наук Казахской ССР. Еще в минувшем году Институт истории, археологии и этнографии

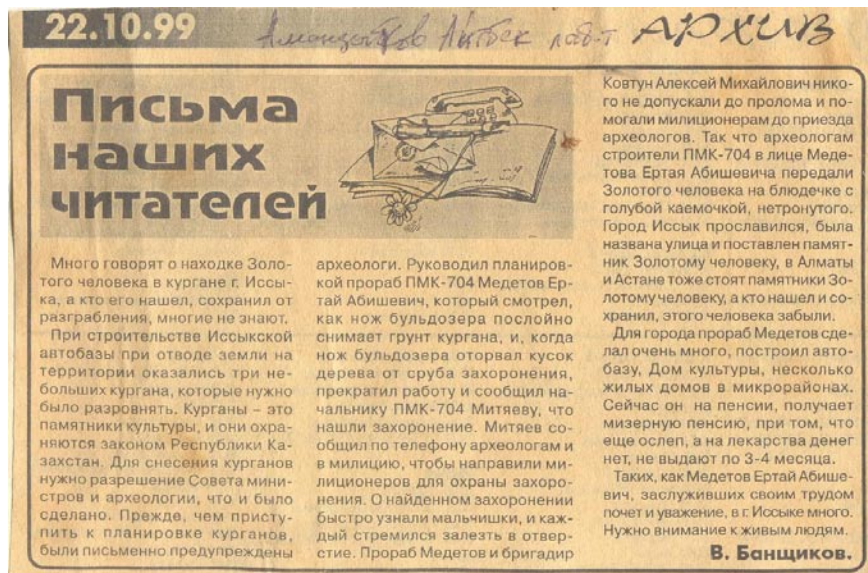
приступил к раскопке большого Иссыкского могильника, что в 50 километрах от Алма-Аты. Ничто не предвещало тогда серьезного открытия, так как большинство курганов этого могильника оказались расхищенными древними грабителями. Но вот нынешней весной в одном из курганов археологи натолкнулись на никем еще не потревоженную гробницу знатного воина. С юга и запада она оказалась заполненной посудой. Ученые извлекли прямоугольной формы деревянные блюда, черпак с резной ручкой, две массивные серебряные и одну бронзовую чаши, серебряную ложку с рукояткой в виде головы птицы.

Воин лежал на спине. Его головной убор был обшит изумительными, тонкой ювелирной работы золотыми пластинами с рельефными изображениями снежного барса, лошади, лося, архара, горного козла тау-теке, птиц. Убор венчался султаном из листового золота. На шее лежала массивная золотая гривна, концы которой завершались рельефными головами тигров. Короткий кожаный кафтан воина был также обшит золотыми фигурными бляшками. Казалось, что его похоронили в золотом панцире. Пластинами из чистого золота были сплошь усеяны шаровары из истлевшей тонкой ткани, голенища сапог. Поверх кафтана нашли набранный пояс, украшенный золотыми рельефными изображениями летящего лося. У левой руки обнаружили железный кинжал, обложенный золотыми изображениями скачущего коня; у правой руки лежал железный меч с отлитой из золота рукоятью. Выше нашлось кнутовище, спирально обтянутое широкой полосой тонкого золота. Антропологи определили возраст воина – 18 лет.

Все найденные на нем золотые украшения относятся к V–IV вв. до нашей эры. Выставка золотых находок привлекла многочисленных посетителей.

О.Огнев,
внештатн. корр. «Известий».
Алма-Ата. (по телеф.)

III. ПУБЛИКАЦИИ ГАЗЕТЫ «ИССЫК» О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕ «ЗОЛОТОГО ЧЕЛОВЕКА»

Газета «Иссык»
22 октября 1999 год

Много говорят о находке Золотого человека в кургане г. Иссыка, а кто его нашел и сохранил от разграбления, многие не знают. При строительстве Иссыкской автобазы, при отводе земли на территории оказались три небольших кургана, которые нужно было разровнять. Курганы – это памятники культуры, и они охраняются законом Республики Казахстан. Для сношения курганов нужно разрешение Совета министров и археологии, что и было сделано. Прежде чем приступить к планировке курганов, были письменно предупреждены археологи. Руководил планировкой прораб ПМК-704 Медетов Ертай Абишевич, который смотрел, как нож бульдозера послойно снимает грунт кургана, и когда нож бульдозера оторвал кусок дерева от сруба

захоронения, прекратил работу и сообщил начальнику ПМК-704 Митяеву, что нашли захоронение. Митяев по телефону сообщил археологам и в милицию, чтобы направили милиционеров для охраны захоронения. О найденном захоронении быстро узнали мальчишки, и каждый стремился залезть в отверстие. Прораб Медетов и бригадир Ковтун Алексей Михайлович никого не допускали до пролома и помогали милиционерам до приезда археологов. Так что, археологам строители ПМК-704 Медетова Ертая Абишевича передали Золотого человека на блюдечке с голубой каёмочкой, нетронутого. Город Иссык прославился, была названа улица и памятник Золотому человеку, в Алматы и в Астане тоже стоят памятники Золотому человеку, а кто нашел и сохранил, этого человека забыли.

Для города прораб Медетов сделал очень много, построил автобазу, Дом культуры, несколько жилых домов в микрорайонах. Сейчас он на пенсии, получает мизерную пенсию, при том, что ослеп, а на лекарства денег нет, не выдают по 3-4 месяца.

Таких как Медетов Ертай Абишевич, заслуживших своим трудом почет и уважение, в г. Иссыке много. Нужно внимание к живым людям.

В. Банщиков.

Открытие Золотого Человека, как и всякое великое дело, породило немало слухов, сплетен и откровенной лжи. В самом городе Есике немало тех, кто «лично знаком» с неким мифическим бульдозеристом, который «случайно нашёл» Золотого Человека без всяких археологов, встречаются даже такие, кто утверждает, что «сам нашёл». Нет смысла каждый раз разубеждать таких людей – пускай себе купаются в собственных фантазиях. Однако, когда некоторые, набравшись наглости, присваивают себе открытие Золотого Человека публично – подобную ложь нужно рубить на корню.

В газете «Иссык» от 22 октября в рубрике «Письма наших читателей» был опубликован материал В. Банщикова, в котором утверждается, что «нашел» и «сохранил» от разграбления «Золотого Человека» пробой ПМК-704 Медетов Егрой Абашевичем. Как видно, автор статьи, много говоря, не проверил факты, чем ввел читателей в заблуждение.

К примеру, он пишет, что привозил землю под строительство автобуса на площадке оккупации три небольших кургана. Уважамый! Курган, на котором извлечен Золотой Человек, на самом деле был пятиконный. Более 6 м в высоту и 60 м в диаметре! Капал такой курган – мента каждого археолога. И на наличие исследованного этого кургана ушло два сезона – 1959 и 1970 г!

Далее Банщиков пишет: «Курганы – это памятники культуры, и они охраняются законом РК. Для снятия кургана нужно разрешение Совета Министров и археологии». «...заять сведения археологии». Это что, документ так называется? «Разрешение археологии»? Что за «археология»? Наука «археология» должна дать разрешение? Или все-таки Институт истории, археологии и этнографии имени И.Ч. Валиханова АН КазССР?

А теперь погледите на героя. Медетов! Он, оказывается, судя по статье, «не шедя жигота своего», наблюдал заходом несносия кургана, основываясь работы в научной области, сообщает «наместу» об «открытии века», отгонял мальчишек от раскопки и, в конце концов, тох, как красиво сказано передал ар-

ханский ПМК-704 вместе с начальником Машаева и пробойм Медетовым выполненным только лишь пуду, ридника, нинитого автободой, директор которой Раскинов, судя по всему, человек образованный и культурный, проявил истинный патриотизм и гражданскую зрелость, весной 1969 года

Айбек Аманжолов, фотобюроистин О.В. Машаева. И как здесь упомянуть Е.А. Медетов, который понятия не имеет ни о структуре кургана, ни о методах раскопки? Подумайте сами, кто бы делал пробой вадием раскопки широкого кургана V-VI вв

«Действительно появлялся некий неуловимый пробой». Но отпираются им тем, что рудился с приблизительными из 30 срёма графика работ. Когда они спохватили и терпеливо объяснили, почему работа идет так медленно, он тем не менее бросил в адрес бульдозеристов, кто пишет их предвзвешенно. Кстати, их имена: Бугу, Владимиром Шамаловым и Савелий Динасовым Латиев – истинный мастер своего ремесла, с полуслова понимавший, кто жмет от них дубинкой, и делавший свою работу с быстротой часовщика.

В заключение хочу дать совет многочисленным переводчикам Золотого Человека – скормить надо быть, господа! Ведь даже истинные авторы открытия Золотого Человека ничего для себя не требуют, не кричат об этом илпиво и наливо. А господину Банщикову могу подсказать пазз 5-6 диаметрий тех, кто считает себя авторами «иссыкского чуда», – напишите о них, а то еще обидаетс

И. Нуруханбетов,
директор ассоциации
«Алтын Арды».

ОТ РЕДАКЦИИ
Уважаемые наши читатели и подписчики, в некоторых случаях мы публикуем письма читателей, в которых они пишут о том, что хотят по какому-либо вопросу информации, все же очень бы хотелось, чтобы в письмах читателей по отношению друг к другу не проявлялись неприязнь и грубость, и странным людям не стали местом свидания сплетен. Пожалуйста, нашим респондентам сдержанности и умеренности.

А газета и впрямь будет публиковать письма читателей со всем многообразием их мнений и чувств. Желаем всем добра.

ХВАТИТ ЛЖИ О ЗОЛОТОМ ЧЕЛОВЕКЕ!

НА ШНИКЕ, 1969 г. Археологи и бульдозеристы возле кургана-Крания ссева - Бекмуханбет Нуруханбетов.

хеологам Золотого Человека на площадке оккупации три небольших кургана. Уважамый Егрой Абашевич! Каким образом в Вашем возрасте и заслугами? Я искренне желаю Вам в Вашем возрасте со здоровьем и интеллектуальной выносливостью, но перед Истиной все равны. А ложь – самый страшный из смертных грехов и грехов Божьих, и перед людьми! Как говорили древние: «Платон – друг, но Истина дороже!».

Истина в том, что развлекатель-

обратился в Институт истории, археологии и этнографии на предмет согласования снятия курганной оккупации. Далеко отсюда немыслимо поименование археолога командированным, выделит вытсненки для проживания, транспорт, рабочую силу и, главное, в интересе науки самовольно с тем, кто грабят работ сорван, затеивающийся на два года.

Истина в том, что два сезона корпели над курганом археолог Бекмуханбет Нуруханбетов и лаборант

до м.а. Для этого надо специальное образование и большой опыт! Это какой-нибудь пробой с восьмилетним образованием может так раскопать? Подумайте, курган! Да погони бульдозер – раз, два и готово! Ему и вдумок, что археологи просят не то что землицу – погони на дромехе, работу истинной сродни хирургической операции – но не всем это дано понять, для кого-то курган – это кубометры грунта. Не мешало бы дромеху вынуть статью зачать себя и своему подчиненному «пробой» археологический пробой. А кто дал ему, Медетову, право производить археологические раскопки кургана, неведомое под оккупацией государства, без всякого на то разрешения? Лично в сомневаюсь, что в Министерстве культуры кто-то мог выдать пробой ПМК-704 с «Иссык» «Открытый лик» на проведение раскопки (именно так называется это разрешение). Не каждая археологическая выдана такая документ! И если новоявленный «Шамалов» все-таки ковал без этого разрешения, значит он нарушил Закон, значит, он – ПРЕСТУПНИК!

В одном лишь «крестный отец» Золотого Человека, наделяет его истины. Во время проведения раскопок на кургане несколько раз

Газета «Иссык»
05 ноября 1999 год

ХВАТИТ ЛЖИ О ЗОЛОТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Открытие «Золотого человека», как и всякое великое дело, породило немало слухов, сплетен и откровенной лжи. В самом городе Есике немало тех, кто «лично знаком» с неким мифическим бульдозеристом, который якобы «случайно нашёл» «Золотого человека» без всяких археологов, встречаются даже такие, кто утверждает, что «сам нашёл». Нет смысла разубеждать таких людей – пускай себе купаются в собственных фантазиях. Однако, когда некоторые, набравшись наглости, присваивают себе открытие «Золотого человека» публично – подобную ложь нужно рубить на корню. В газете Иссык от 22 октября в рубрике «Письма наших читателей» был опубликован материал В.Банщикова, в котором утверждается, что «нашел» и «сохранил» от разграбления «Золотого

человека» прораб ПМК-704 Медетов Ертай Абишевич.

Как видно, автор статьи, мягко говоря, не проверил факты, чем ввел читателей в заблуждение.

К примеру, он пишет, что при отводе земли под строительство автобазы на площадке оказались три небольших кургана. Уважаемый, курган из которого извлекли Золотого человека, на самом деле был гигантским. Более 6 м. в высоту и 60 м. в диаметре!

Копать такой курган – мечта каждого археолога. На научное исследование этого кургана ушло два сезона – 1969, 1970 гг.!

Далее Банщикова пишет: «Курган – это памятник культуры, и они охраняются законом РК. Для сноса кургана нужно разрешение Совета Министров и археологии...», «взять разрешение археологии». Это что документ так называется «разрешение археологии»? Что за «археология»? Наука «археология» должна дать разрешение? Или все таки Институт истории, археологии и этнографии имени Ч. Валиханова АН КазССР?

А теперь поглядите на героя Медетова! Он оказывается, судя по статье, «не щадя живота своего», наблюдал за ходом сноса кургана, остановил работы в нужный момент, сообщил начальству об «открытии века», отгонял мальчишек от раскопа, и, в конце концов (ох, как красиво сказано) передал археологам «Золотого человека» «на блюдечке с золотой каемочкой».

Уважаемый Ертай Абишевич! Я преклоняюсь перед Вашим возрастом и заслугами. Я искренне сочувствую Вам в Ваших проблемах со здоровьем и недополученной пенсией. Но перед Истиной все равны. А ложь – самый страшный из смертных грехов и перед Богом и перед людьми! Как говорили древние: «Платон друг, но истина дороже!»

А истина в том, что разрекламированный ПМК-704 вместе с начальником Митяевым и прорабом Медетовым выполняли только роль подрядчика, нанятого автобазой, директор которой Канищев, судя по всему, человек образованный и культурный, проявив истинный патриотизм и гражданскую зрелость весной

1969 года обратился в Институт истории и археологии и этнографии на предмет согласования сноса курганов Иссыкского могильника. Далее он оплатил немедленно приехавшим археологам командировочные, выделил вагончик для проживания, транспорт, рабочую силу, и главное, в интересах науки смирился с тем, что график работ срван, затянувшись на два года.

Истина в том, что два сезона корпели над курганом археолог Бекмуханбет Нурмуханбетов и лаборант Айтбек Амандыков, фотофиксацию вел О.В. Медведев. И как здесь мог появиться Е.А. Медетов, который понятия не имеет ни о структуре кургана, ни о методике раскопок. Подумайте сами, кто бы доверил прорабу ведение раскопок царского кургана V–VI вв. до н.э. Для этого надо специальное образование и большой опыт. Это какой-нибудь прораб с восьмилетним образованием может так рассуждать: «Подумаешь курган! Да подгоню бульдозер – раз два и готово!». Ему невдомек, что археологи порой не то что технике – лопате не доверяют, работают кисточкой да совочком. Работа археолога сравни с хирургической операцией – но не всем это дано понять, для какого-то курган – это кубометры грунта. Не мешало доверчивому автору статьи и его подзащитному «прорабу-археологу» задать простейший вопрос: а кто дал ему, Медетову, право производить археологические раскопки курганов, находящихся под охраной государства без всякого на то разрешения? Лично я сомневаюсь, что в Министерстве культуры, кто то мог выдать прорабу ПМК-704 «Открытый лист» на проведение раскопок (именно так называется это разрешение). Не каждому археологу выдается такой документ. И если новоявленный «Шлиман» все таки копал без этого разрешения, то он – Преступник?!

В одном лишь «крестный отец» недалек от истины. Во время проведения раскопок на кургане несколько раз действительно появлялся некий неугомонный прораб. Он отличался тем, что ругался с археологами из-за срыва графика работ. Когда ему спокойно и терпеливо объяснили, почему работа идет так медленно, он тем не менее бросил в адрес бульдозеристов, что

лишит их премиальных. Кстати их имена: Гуго Владимирович Шмидт и Савелий Денисович Лаптев – истинные мастера своего ремесла, с полуслова понимавшие, чего хотят от них археологи, и делавшие свою работу с тонкостью часовщика.

В заключении хочу дать совет многочисленным «первооткрывателям» «Золотого человека» – скромнее надо быть, господа! Ведь даже истинные авторы открытия «Золотого человека» ничего для себя не требуют, не кричат об этом направо и налево. А господину Банщикову могу предложить 5-6 фамилий тех, кто считает себя авторами «иссыкского чуда», – напишите о них, а то еще обидятся.

А. Нурмуханбетов.
Исп. директор Ассоциации «Алтын адам»

Газета «Иссык»
12 ноября 1999 год

ЗА ЧТО ТАКОЕ УНИЖЕНИЕ?

Дорогая редакция!

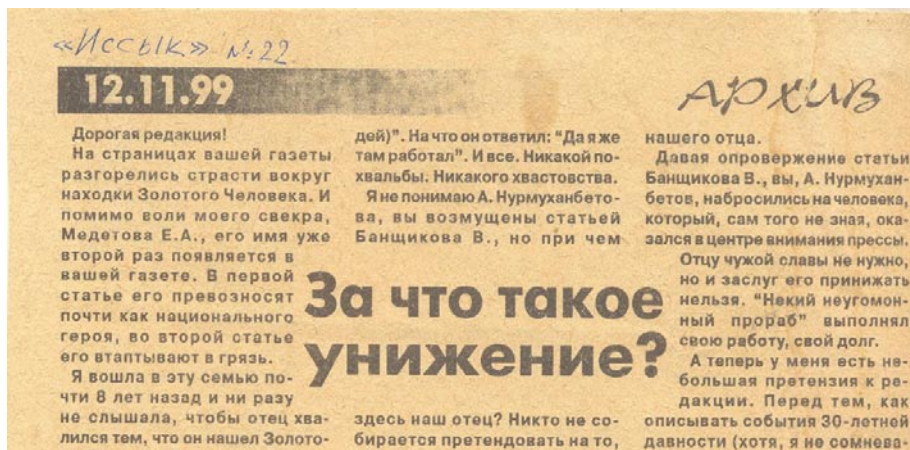
На страницах вашей газеты разгорелись страсти вокруг находки «Золотого человека». И помимо воли моего свекра, Медетова Е.А., его имя уже второй раз появляется в вашей газете. В первой статье его превозносят как национального героя, во второй статье его втоптывают в грязь. Я вошла в эту семью почти 8 лет назад и не разу не слышала, чтобы отец хвалился тем, что нашел «Золотого человека». Более того, прочитав первую статью, я с удивлением (и не скрою, с восторгом) спросила отца: «Почему же Вы нам ничего не говорили; заметьте нам, близким людям, не говоря о более широком круге людей)». На что он ответил: «Да я же

там работал». И всё. Никакой похвальбы. Никакого хвастовства.

Я не понимаю А.Нурмуханбетова, Вы возмущены статьей Банщикова В., но причем здесь наш отец? Не собирается он претендовать на то, что сделал для истории археолог Б.Нурмуханбетов – честь и хвала этому человеку, я преклоняюсь перед ним.

Но я не позволю никому таким тоном и такими выражениями унижать достоинство нашего отца.

Давая опровержение статьи Банщикова В., Вы, А.Нурмуханбетов, набросились на человека, который сам того не зная, оказался в центре внимания прессы.

Отцу чужой славы не нужно, но и заслуг его принижать нельзя. «Некий неугомонный прораб» выполнял свою работу и свой долг.

А теперь у меня есть небольшая претензия к редакции. Перед тем как описывать события 30-летней давности (хотя, я не сомневаюсь, история нам необходима!), вам надо было с первого номера написать обо всем, что связано с историей находки «Золотого человека», и тогда не было бы этих недоразумений.

И последнее – извинитесь и оставьте в покое нашего отца.

З. Медетова

19.11.99

Письмо в номер

Милые дамы и господа, дети и их родители, уважаемые бабушки и дедушки!

Призыв газеты «Иссык» - «Давайте писать историю края вместе» - все более овладевает нами. Это хорошо.

В строй «иссыкского» призыва становятся пока лишь представители старшего поколения. Уверен, что очень скоро пристроятся и наши дети. Тогда будет просто прекрасно. Горящие желанием писать историю края представляют самые различные роды деятельности. Все они, не будучи профессиональными историками (может быть, даже не имея ни то специального образования), пишут. В результате выходит на свет миниатюры, эссе и этюды живой истории. Таково мое мнение на историографические строки, опубликованные на страницах 22 номера газеты «Иссык». Это в общем и в целом. Как говорится, взгляд с высоты птичьего полета.

Тенерь о деталях, т.е. о составе и содержании отдельно взятых тем. Убежден, их можно и нужно рассматривать (поска что) с той же выше указанной позиции. Сошлось на самые средние примеры: на публикацию В. Баншикова А. Нуруханбетова («Хвэтинт жи о Золотис Человека», №21 от 05.11.99), и З. Ме-

детовой («За что такое уникальное?», №22 от 12.11.99). Отличая их по приятному мною принципу, по-человечески радуясь за них. Всех троих объединяет одно - высокое душевное качество.

Им не безразличны жите-бытие героев своих повествований: В. Баншикову - друга, А. Нуруханбетову - отца, З. Медетовой - сестра. В этом я вижу залог их успеха в делах будущах и в матери-ях более высокого порядка.

Дорогие земляки! Поддержите

АРХИВ

Большинство авторов заметок на исторические темы не профессионалы-историки. Они не обладают (поска что) необходимым объемом знаний, поставленными степенями речи и желательным случаем слогов. Но все они учатся и растут. Пишут они с тем, чтобы наша с вами письменная история была душой, а седая материальная старина - жилой. А это сейчас самое главное.

Кстати, такой же благородной цели мечтают достичь и наша с вами ассоциация истомагов предместных поколений - «Алтын Адам»: слава Богу, в археологической службе ассоциации не утихают детские голоса. Но пока это не слышно там размеренно-мудрых бесед аксакалов и не видны забытые глады зрелых мужей.

Пользуюсь случаем приписать а нашей археологической зимовье на чашку чая вас, уважаемый Василий Алексеевич, и вас, уважаемый аксакал Ерке. Буурзакос с стого испечет наша дочь З. Медетова. Поставит гуызар - наш сын А. Нуруханбетов. Доставит вас наш редактор И. Кубеков. Вот будет астречка!!!

Желающих прикинуть к изм-милости просим.

С желанием Божией Благодати всем трем поколениям жителей нашего района
Бекмуханбет Нуруханбетов,
или просто Бекен-ага,
наша зимняя стоянка находится в дачном домике «Алтын алма».
Тел. 2-02-10.

Газета «Иссык»
19 ноября 1999 год

Милые дамы и господа, дети и их родители, уважаемые бабушки и дедушки! Призыв газеты «Иссык» – «Давайте писать историю края вместе» – все более овладевает нами. Это хорошо.

В строй «иссыкского» призыва становятся пока лишь представители старшего поколения. Уверен, что скоро пристроятся и наши дети. Тогда будет просто прекрасно. Горящие желанием писать историю края представляют самые различные роды деятельности. Все они, не будучи профессиональными историками (может быть, даже не имея специального образования), пишут. В результате выходят в свет миниатюры, эссе и этюды живой истории. Таково мое мнение на историографические строки, опубликованные на страницах 22 номеров газеты «Иссык». Это в общем и в целом.

Как говорится, взгляд с высоты птичьего полета.

Теперь о деталях, т.е. о составе и содержании отдельно. Убежден, их можно и нужно рассматривать (пока что) с той же выше указанной позиции. Сошлюсь на самые свежие примеры: на публикацию В.Банщикова, А.Нурмуханбетова («Хватит лжи о Золотом человеке», №21 от 5.11.99) и З. Медетовой («За что такое унижение?», №22 от 12.11.99). Оценивая их по принятому мною принципу, по-человечески радуюсь за них. Всех троих объединяет одно – высокое душевное качество.

Им не безразличны жите-бытие героев своих повествований: Банщикову – друга, А.Нурмуханбетову – отца, З.Медетовой – свекра. В этом я вижу залог их успеха в делах будущих и в материях более высокого порядка.

Дорогие земляки! Подавляющее большинство авторов заметок на исторические темы не профессионалы-историки. Они не обладают еще необходимым объемом знаний, поставленным стилем речи и желательным случаем слогом. Но все они учатся и растут. Пишут они с тем, чтобы наша с вами письменная история была духовной, а седая материальная старина – живой. А это сейчас самое главное.

Кстати, такой же благородной цели мечтает достичь наша с вами ассоциация потомственных поколений «Алтын адам»; слава Богу, в археологической службе ассоциации не утихают детские голоса. Но пока что не слышно размеренно-мудрых бесед аксакалов и не видны забитые гвозди зрелых мужей.

Пользуюсь случаем пригласить в наше археологическое зимовье на чашку чая Вас, уважаемый Василий Алексеевич, и Вас, уважаемый аксакал Ереке. Баурсаков к столу испечет наша дочь З.Медетова. Поставит пузырь – наш сын А.Нурмуханбетов. Доставит вас наш редактор И.Кубеков. Вот будет встреча!!!

Желающих примкнуть к нам милости просим.

С желанием Божьей благодати всем трем поколениям жителей нашего района.

Бекмуханбет Нурмуханбетов.

IV. ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА Б.Н. НУРМУХАНБЕТОВА

Курган «Иссык». Разрез западной половины на уровне грабительского лаза (туннеля). г. Иссык, апрель, 1969 г

Курган «Иссык». Разрез западной половины на уровне грабительского лаза (туннеля). г. Иссык, апрель, 1969 г

Курган «Иссык». После снятия курганной насыпи. Вид с юго-востока. г. Иссык, апрель, 1970 г.

Сотрудники отдела археологии АН КазССР и бульдозеристы у кургана «Иссык». Справа налево Б.Н. Нурмуханбетов, водители Г.В. Шмидт и С.Д. Лаптев, художник П. Сон. Вид с востока. г. Иссык, апрель, 1969 г.

Бульдозер С-100 с припаянными зубьями. г. Иссык, апрель, 1969 г.

Момент расчистки внешних сторон погребального сруба кургана «Иссык». Слева старший лаборант отдела археологии АН КазССР А.Амандыков, справа рабочий Утеулинов. г. Иссык, апрель, 1970 г.

*Момент расчистки
внешних сторон
погребального сруба
(усыпальницы)
кургана «Иссык».
Слева на переднем
плане рабочий
С. Стапаев, слева
на заднем плане
старший лаборант
АН КазССР*

А. Аманбыков, справа рабочий Утеулинов. г. Иссык, апрель, 1970 г.

*Погребальная камера
кургана «Иссык».
Вид с юго-запада.
Видны обвалившиеся
бревна перекрытия
сруба-усыпальницы.
г. Иссык,
апрель, 1970 г.*

*Погребальная камера
кургана «Иссык».
Северо-западный угол
сруба-усыпальницы.
г. Иссык,
апрель, 1970 г.*

Погребальная камера кургана «Иссык». Обвалившиеся бревна перекрытия сруба-усыпальницы. Вид с востока. г. Иссык, апрель, 1970 г.

**ФОТОГРАФИЯ ИЗ ЛИЧНОГО
АРХИВА Т.В. ВОРОБЬЕВОЙ-ТРИФОНОВОЙ.**

*Момент зарисовки погребальной камеры кургана «Иссык». Сотрудники отдела археологии института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР: третий слева сидит руководитель отдела К.А. Акишев, в центре на переднем плане младший научный сотрудник Б.Н. Нурмуханбетов, крайняя справа инженер-художник Т.В. Воробьева, рядом с ней старший лаборант А.Амандыков.
г. Иссык, апрель, 1970 г.*

VI. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АН КазССР – Академия наук Казахской Советской
Социалистической Республики
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических
Республик
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АТП – Автотранспортное предприятие
ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГУ – Государственное учреждение
ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота
н.э. – наша эра
зав. отд. – заведующий отделом
Госкомитет – Государственный комитет
Кабмин – Кабинет министров
КазГУ – Казахский государственный университет
Канд. филол. наук – кандидат филологических наук
К.и.н. – кандидат исторических наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КХТ – Культурно-хозяйственный тип
ЛОИА – Ленинградское отделение института археологии
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МНС – младший научный сотрудник
МОН РК – Министерство образования и науки Республики
Казахстан
ООН – Организация Объединенных Наций
ПМК – Передвижная механизированная колонна
РАН – Российская Академия наук
РГП – Республиканское государственное предприятие
СА – Советская археология
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

СМИ – Средства массовой информации
СНС – Старший научный сотрудник
СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район
США – Соединённые Штаты Америки
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТОО – Товарищество с ограниченной ответственностью
ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии
АН КазССР
ЦГМ РК – Центральный государственный музей Республики
Казахстан
ЦУМ – Центральный универсальный магазин
ЧП – частное предприятие
DNA – Deoxyribonucleic Acid (DNA)
in situ – латинский, «на месте»
UNESCO – The United Nations Educational, Scientific and Cultural
Organization
Op. cit. – сокращение от латинского – «*opus citatum*»/«*opere
citato*», означающее «цитируемая работа / в процитированной
работе»

Сведения об исполнителях проекта

Руководитель проекта – Мухтарова Гульмира Раиловна, кандидат исторических наук, директор Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык».

Старший научный сотрудник – Акишев Алишер Кималевич, кандидат исторических наук, археолог.

Старший научный сотрудник – Файзуллина Галия Шаукетовна, кандидат исторических наук, заместитель по науке директора Объединения музеев города Алматы.

Научный сотрудник – Джасыбаев Ермек Аманжолович, магистр истории, ведущий научный сотрудник Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык».

Научный сотрудник – Китова Александра Олеговна, научный сотрудник центра египтологических исследований РАН, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории палеоантропологического изучения Казахстана института археологии им. А.Х. Маргулана.

Научный сотрудник – Даутова Сахинур Сыдыковна, научный сотрудник Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык».

**Государственный историко-культурный заповедник-музей
«Иссык»**

Адрес

040400, Алматинская область, Енбекшиказахский район,
Рахатский сельский округ, трасса Алматы–Көкпек–Көктал,
подъезд г.Есик – 6,6 км

Телефон: +7(727) 3069130,
Телефакс: +7(72759) 20750,

E-mail: issyk@inbox.ru

<http://issykrm.kz>

